

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОЛЯРНАЯ

ЗВЕЗДА

№6 2018

ISSN 0130-8173

№6 2018

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал.
Издается с 1956 года.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Правительство РС(Я).

Главный редактор — В.С. ДОЛЛОНОВ

И.И. Иннокентьев, зам. главного редактора
Г. И. Попов, худож. редактор
И. Г. Попова, отв. секретарь
М.В. Никитина, редактор отдела публицистики

Редколлегия:
А.А. Борисова,
Л.И. Левин,
Н.А. Лугинов,
И.В. Мигалкин,
Ю.В. Спиридонов,
В.Н. Федоров,
А.Е. Шапошникова,
Р.Н. Юзмухаметов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:
Автономное учреждение РС(Я)
«Сахапечать».
Генеральный директор — Ф. П. ПЕСТРЯКОВ.
тел.: 34-39-17 (приемная)
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.

Формат 84x108 1/16, 96 с.
Объем 6 физ.п.л.
Тираж 800 экз.

Дата выхода в свет 30.06.2018 г.

Отпечатан с готовых
диапозитивов в ОАО
«Медиа-холдинг «Якутия».
г. Якутск, Вилюйский пер. 20.

Свидетельство о регистрации
ПИ №19-0486 от 10 марта 2004 г.
выдано Саха-Якутским территориальным
управлением Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 677000,
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.
Телефон: 42-21-96
E-mail: polarstarsakha@mail.ru
«Полярная звезда»

Мнение авторов публикуемых материалов может
не совпадать с мнением редакции.

Цена свободная

60 лет со дня рождения
видного государственного
деятели Якутии и России
Александра Мигалкина

Владислав
ДОЛЛОНОВ

ЛИДЕР ПОКОЛЕНИЯ

4

Проза

Николай ЛУГИНОВ

ПУТЬ
к Верхнему миру
(Повесть пятая)

8

Поэзия

Михаил ИВАНОВ
– ЧУОНА Мэхээлэ

НА БЕРЕГ
ВЫШЕЛ Я, СПЕША
УМЫТЬСЯ
ЗВЕЗДНЫМ
СВЕТОМ...

52

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Екатерина ЕФРЕМОВА

КНИГА СТИХОВ
ГАВРИЛА
АНДРОСОВА
«КЭҺЭХ»
КАК МЕТАЖАНРОВОЕ
ЕДИНСТВО

56

Впервые в «Полярной звезде»

Ольга НАБЕРЕЖНАЯ

О' ГЕНРИ
по-российски

•
Логика

61-64

Дружба литератур – дружба народов

Сайлыкмаа КОМБУ
(Тыва)

В СТЕПЬ
ПОЙДУ
ТРОПИНКОЮ
РОСИСТОЙ...

67

Экскурс в историю

Николай ГАБЫШЕВ,
г. Санкт-Петербург

«Бедная Лиза...»

70

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ЖЕНЫ

Татьяна и Михаил ПЕРЛОВЫ,
г. Рязань

НАРОДНЫЙ
СЕЛЕКЦИОНЕР

84

Александр Васильевич Мигалкин.

Михаил Ефимович Николаев, Первый Президент Республики Саха (Якутия), депутат Государственной Думы РФ:

“Александр Мигалкин происходил из древней и известной якутской семьи. Чувствовалась внутренняя культура и этическая воспитанность. При этом он не выставлял на показ свои способности и знания”.

Александр Константинович Акимов, член Совета Федерации РФ:

“У Александра Васильевича была абсолютная способность устанавливать дружеские отношения с иностранным гражданином любого уровня. Он мог спокойно вырулить переговоры в пользу своей республики. Благодаря ему у представителей разных стран возникали самые добрые чувства к нашему народу”.

Федот Семенович Тумусов, депутат Государственной Думы Российской Федерации:

“Очень серьезный, на первый взгляд. Но когда начинает говорить с доброй улыбкой на лице, любой иностранец начинает думать о якутах как о дальновидном и мудром народе”.

Николай Макарович Парников, заслуженный энергетик Республики Саха (Якутия) и Российской Федерации:

“За особые успехи Александр был удостоен наивысшей государственной награды Монголии - ордена “Полярная звезда”, который лично вручил ему Президент Монголии. Однажды я на ысыахе увидел этот знак на его груди. И он с особым трепетом начал вспоминать годы работы в Монголии, о замечательных людях, напоминавших ему свой народ”.

Фаина Николаевна Соколова, заместитель министра внешних связей РС(Я):

“По сути, консульские функции, как и функции государства, сводятся к одному – забота о гражданине, о каждом конкретном человеке. Это так созвучно жизненному кредо Александра Мигалкина: за каждым государственным делом видеть нужды и чаяния людей, быть им полезным”.

60 лет со дня рождения
видного государственного
деятели Якутии и России
Александра Мигалкина

Владислав
ДОЛЛОНОВ

Анатолий Алексеевич Бурцев, доктор филологических наук, профессор, проректор СВФУ имени М.К. Аммосова:

“А.В. Мигалкин внес весомый вклад в укрепление авторитета родной республики, который во многом благодаря его усилиям стала активным участником международных и внешнеэкономических связей”.

Маргарита Ивановна Самсонова, заместитель главного врача ГБУ РС(Я) “Детская городская больница”, заслуженный врач РС(Я), доктор медицинских наук:

“Мы гордились и восхищались им, старались его не тревожить проблемами, чтобы он отдыхал в кругу друзей, зная, насколько у него ответственная и трудная работа. Мы от всего сердца хотели, чтобы жизнь дарила ему только радость и счастье, потому что он этого был достоин, как никто”.

Иван Васильевич Мигалкин, народный поэт Якутии, председатель Союза писателей РС(Я), заслуженный работник культуры РС(Я), лауреат премии Президента РС(Я) имени Н.Е. Мординова – Амма Аччыгыйа:

“Вся жизнь моего брата, безупречная дипломатическая деятельность в зарубежных странах, многолетняя бескорыстная работа в правительстве республики были направлены на защиту интересов страны, благополучие и развитие родной Якутии. Я уверен, что народ саха будет с благодарностью вспоминать Александра Васильевича Мигалкина, сохранит о нем добрую память”.

ЛИДЕР ПОКОЛЕНИЯ

Хочу оттолкнуться в своих мыслях от книги стихов «Ветер сушит слезы» моего друга, практически названного старшего брата, поэта Ивана Мигалкина. Как понять это выражение – «ветер сушит слезы...»? Это ласковый ветер, который поможет как-то позабыть жизненные невзгоды? Или это холодный, хлесткий ветер, заставляющий человека замкнуться в себя?

Новая книга, посвященная военной поре, времени тяжелых испытаний для наших отцов и дедов, матерей и бабушек, была заранее запланирована к печати. Она должна была выйти в свет к 12 декабря 2012 года – 100-летию юбилею со дня рождения Василия Николаевича Мигалкина, учителя, посвятившего свою жизнь борьбе с неграмотностью – отца семьи Мигалкиных. Но к огромному горю за время подготовки автору книги и его родным пришлось пройти тяжелое испытание. Коварная болезнь оборвала жизненный путь любимого брата, яркого комсомольского лидера, видного государственного деятеля, министра внешних связей республики, первого из якутов генерального консула России, прекрасной души человека Александра Мигалкина...

Это наша поколенческая потеря. Саша Мигалкин со школьной скамьи был для нас настоя-

Борогонский отряд движения «Юные друзья милиции» (слева направо): Дима Павлов, Ваня Цой, Саша Мигалкин, Андрей Трифонов, Петя Трифонов, Архип Васильев.

щим примером. Не таким, как можно подумать, советским шаблонным примером. Он не был «ботаном» (как называют нынешние молодые преуспевающих в учебе, но оторванных от жизни своих сверстников) или там «ясным» комсомольским активистом. Нет, он был реальным примером настоящего светлого человека, притягательного друга. Это он проложил жизненную дорогу многим из нас, нашему поколению. Кому прямо, кому одним своим примером...

Они рано потеряли отца. Но я не помню в их семье уныния и чувства безысходности. В их дружной семье этого не было. Наоборот, их двор был центром притяжения. Сколько игр, всяких затей родилось во дворе их старого, уже тогда обветшавшего многоквартирного дома довоенной постройки... Милая пора детства – поздний августовский вечер, угмонившись после азартной баталии игры «Тун! – дэһэ» (нашим боевым оружием служил обыкновенный фонарь, и мы должны были сразить противника ярким лучом в густой темноте позднего лета), усевшись гурьбой, молча наблюдаем за сияющим звездопадом – и всем нам наяву жизнь обещает лишь радость и счастье...

Братья Мигалкины, с кем я вырос и иду по жизни...

Я, как и мои школьные друзья, с детских лет знаю Ивана как поэта. Свои первые стихи он на-

писал еще в тринадцать лет. Память всегда будет один образ. В ту пору, я, как многие из моих одноклассников – кочегар и дворник, ранним июньским утром, часа в четыре, увидел Ивана-поэта одиноко бредущим по сельскому дощатому тротуару в белом-белом костюме, в белой сорочке, белых штиблетах. В руке – дымящаяся сигарета. При этом он что-то про себя тихонько бормочет – надо думать, явно стихи... Потом, когда мы уже крепко подружились, когда известный поэт, председатель Союза писателей республики Иван Васильевич Мигалкин на поэтических встречах декламирует свои стихи, в моих глазах живо возникает тот его романтический образ, так мало сочетавшийся с нашей сельской пыльной улицей.

Кандидат технических наук Василий Васильевич Мигалкин – скромный ученый-изобретатель из военного КБ, оставшийся не у дел в политическое распутье страны, без всякого заказа, лишь по своему умыслу выполнил титаническую работу по поставленной для себя теме «Моделирование орфографии якутского языка и разработка комплекса программ для проверки правописания якутских текстов в среде Windows». Таким образом, им был создан электронный словарь якутского языка и разработана программа для компьютера, способная проверить около 50 млн. комбинаций спряжения 15442 слов якут-

ВЛАДИСЛАВ ДОЛЛОНОВ. ЛИДЕР ПОКОЛЕНИЯ.

Саша Мигалкин (первый справа) в составе духового оркестра Борогонской музыкальной школы.

ского языка, работающая совместно с программами по проверке орфографических текстов на английском и русском языках. В таких странах, как Казахстан или Узбекистан, наших республиках Татарстан и Башкортостан целые институты бьются над решением данной работы, а у нас ученый-энтузиаст без всякого материального вознаграждения, для собственного удовольствия опережает всех.

Афанасий Васильевич – студенческий лидер и заводила. Один из самых активных и последовательных депутатов Верховного Совета XII созыва, провозгласившего государственный суверенитет республики, впоследствии неординарный глава улуса, руководитель ведомства. Под его руководством были построены дороги, школы, больницы, по его проектам решались вопросы федеративного устройства страны, велась государственная национальная политика. Но в памяти народа остаются ярким образом проведенные в 1996 году возрожденные спартакиадные соревнования – Спортивные игры народов Якутии. Усть-алданцы впервые в истории республики организовали зрелищное театрализованное открытие игр с участием больших масс людей, групп всадников, высоко несущих якутские флаги...

Самым выпуклым достижением Афанасия Мигалкина является проведение Божественной

литургии в 2007 году в Москве. Службу вел патриарх Алексей II. В одном из крупнейших христианских храмов мира – в Храме Христа Спасителя прозвучали песнопения на якутском языке в исполнении наших детей из ансамбля «Кэнчэ-эри».

Я бы мог продолжить мой рассказ еще долго – о Михаиле, опытном враче-стоматологе, талантливом исполнителе песен, душевном человеке, о Петре – простом рабочем-печатнике, и по характеру также простом, добром, улыбочивом, о сестрах – Зое Васильевне, Марии, Екатерине, также добрейших людях, профессионалах своего дела. Словом, рассказывая о родных Александра Васильевича, я пытаюсь донести, как необыкновенная женщина, скромная школьная библиотекарь Екатерина Ивановна одна воспитала двенадцать своих детей. Но невозможно рассказать словами притягательную ауру этой семьи, как мы ребятней тянулись к их двору, их увлечениям и делам.

Взрослыми мы с Александром Васильевичем довольно часто общались – в стенах РАГСa, в московском постпредстве, в его министерском кабинете, на вечерах выпускников – мне сегодня в первую очередь вспоминается его юный образ, мы все, стоя, на школьном комсомольском собрании поем: «И в снег, и ветер, И звезд ночной полет Меня мое сердце В тревожную даль зовет...».

Николай Лугинов,
народный писатель РС(Я)

Путь к Верхнему миру¹

(Повесть пятая)

---

15. Юная мать двух стариков

В ожидании матери Лысый продолжал перебирать камешки, а Хойгур, присев на камень, незаметно для себя успел провалиться в сладкую дрему. И он бы обязательно провалился в глубокий непробудный сон, если бы в это время от голода у него в животе не начало громко урчать. Видимо, это было вызвано разговорами о предстоящем сытном угощении. Хойгур в полудреме только о еде и думал. «Что за угощения, которые надо готовить столько дней? Они должны быть удивительными. Прежде ничего подобного я не ел... Но лучше ничему не удивляться, потому что здесь всё может быть», – вспомнил он слова своего слепого господина.

Хойгур, не переставая, гадал, перебирая в памяти все необычные кушанья, испробованные им за жизнь. О-о, это точно будет ни на что похоже. Подадут что-то особенное, непростое – растущее или живущее только в здешних местах. Но он поймал себя на мысли, что совсем и не хочет

¹Окончание. Начало в № 5 «ПЗ» за 2018 г.

этих странных незнакомых блюд, а с удовольствием съел бы сейчас простой земной жирный кусок жареной баранины с рисом и овощами. Еще не отказался бы заодно и от жареной рыбы – пусть даже она будет приготовлена на камнях, как он это делал сам. С удовольствием попотчевал бы себя и печеной уткой с яблоками, а еще... а ещё... супы мясные, рыбные... Но перечислить все он уже никак не был способен от пожирающего его внутренности и даже сознание нестерпимого голода.

Давно они по-домашнему не ели горячей пищи, приходилось довольствоваться кусочками сушеной рыбы, мяса, хурута.

Сейчас... Сейчас примчится эта строгая мамаша и начнется пир. Ох, как они наедятся до отвала и, наконец, завалятся спать. Спать... Вкусно и много-много поесть, и сладко-сладко заснуть... Что может быть лучше? О чем еще можно мечтать? Вдруг Лысый рядом радостно воскликнул:

–О-о, мама! Наконец-то мама идет! Сейчас будет всем нам угощение! Просыпайтесь!

Хойгур увидел ту самую девушку с прутиком, упругой походкой легко идущую по камням. А за ней кое-как тащился уже знакомый дряхлый лохматый старик.

– Мама! У меня приятная новость!

– Знаю, знаю, родной. Ох, и заждалась я вас, дорогие! – Она вся сияла радостью. – Какие вы молодцы! Такой трудный путь преодолели. Я всё-всё про вас знаю, потому ничего не спрашиваю. Сейчас отведаете моих угощений... Ну-ка, мальчики, помогите маме гостей ублажить.

«Мальчики» неуклюже побежали куда-то и скоро появились с огромными, из белой глины, тарелками и поставили их перед гостями на круглый плоский камень.

Каково же было удивление Хойгура, предвкушавшего обильное угощение, когда он увидел на середине большой тарелки махонький невзрачный серый комочек.

– Угощайтесь, гости дорогие! Это выжимка из сорока четырех целебных трав. Понимаю, что вы непривычны к такой еде. Надо есть медленно, маленькими кусочками.

Затем принесли второе и третье блюда, но они были почти похожими, различались только

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

цветом или оттенком. За ними последовал еще десяток блюд, но Хойгур все еще надеялся, что после, хотя бы в конце, принесут, наконец, настоящие, пышущие жаром, истекающие горячим жиром куски мяса. Но при всем его ожидании ничего подобного случилось. В отличие от своего поводыря, Акол оказался вполне доволен скудным угощением. Вскоре обоих резко потянуло ко сну, сопротивляться которому уже не было сил.

– Ну-ка, мальчики, уложите гостей в розовой спальне, – удовлетворенная итогом ужина, сказала сыновьям девушка.

16. Утро в розовой спальне

Когда поводырь проснулся, то обнаружил, что их с Аколом, уже спящих, перенесли в пещеру. Пещера была наполнена странным розовым свечением. Вглядевшись внимательнее, Хойгур понял, откуда идет свечение: наверху было отверстие, в которое был вставлен большой прозрачный цветной камень. Солнечный свет, проходя через него, освещал всю пещеру, и под его лучами она сверкала драгоценными камнями, вкрапленными в стены.

Вслед за восторгом, всколыхнувшем душу, первую же мысль породил житейский интерес земного обитателя: «Вот если бы продать, сколько тогда за них можно выручить? Наверное, немало».

Хойгур взглянул на Акола, тот, как обычно, спал с широко открытыми глазами. Поводырь закрыл глаза и представил себе земную действительность: мать, взмыленную от работы, уставшую, в дыму и чаду помешивающую кипящую еду в большом бронзовом чане.

Вот он возвращается в богатой одежде, а за ним – нагруженный драгоценностями караван. Мать радостная, счастливая бежит к нему... Хойгур печально вздохнул от этих дум.

Никогда этому не суждено сбыться... Хорошо, конечно, что они с таким великим трудом сумели дойти до этого благословенного края. Но, видимо, это путешествие в один конец, потому что уже сил не хватит преодолеть путь назад. Дело в том, что почти все препятствия, подъемы и спуски они прошли благодаря Высшему промыслу.

Только чудом... А это не повторяется. На то оно и чудо.

Значит, у них нет возможности вернуться. Трудно смириться. Сознание, помимо его воли, препятствует мыслям о доме. Думается о чем угодно, но только не о трудной дороге обратно.

Странные дела случаются в последнее время. Сознание как бы отделяется от него и существует само по себе, залетая далеко вперед, отстраняясь от ежеминутных нужд.

Чья-то чужая воля не дает ему сосредоточиться на неизвестном еще будущем, как бы уводит его прочь от мыслей об обреченности, о грядущей неудаче, ждущей их при попытке возвращения. И зачем думать о будущем? Какой смысл, если всё беспросветно? Но верен ли его вывод?

А может?..

Опять... Мысли кружат, как заяц по полю, убегая от хищницы, пытаюсь отвлечь его от главного, от себя. Человек так устроен, что во всем ищет смысл, пытается найти выход даже из безвыходного положения. И выдумывает он все возможные способы, обманывая себя и других. Зачем он это делает? Посмотришь и усмехнешься – оказывается, всего лишь, чтобы преодолеть очередной перевал. Станным образом иногда ему это удается. Может, нечто или некто ему помогает, подсказывая выход, которого только что не было. Ну, ладно, не надо об этом думать, не его ума это дело. Акол прав.

17. Одухотворенные камешки

Хойгур крепко зажмурил глаза и попытался опять заснуть, но услышал, как Лысый вдруг тихонечко засмеялся. Смех его был такой заразительный и по-мальчишески чистый, что захотелось узнать его причину и радостно рассмеяться вместе с ним.

Ещё вчера Хойгур заметил, что Лысый почти не отходит от своих покачивающихся башен, следя за их «жизнью», и подправляя их в нужную минуту. Ночью он, видимо, спал урывками, сидя на камне. Слышен был его шёпот, будто во тьме он с кем-то оживленно разговаривал.

Затем раздался радостный, счастливый смех, мгновенно развеявший сон. Захотелось узнать, в

чем дело. Отчего он так весело хохочет? Аж за- видно стало поводирю.

– Что случилось? – удивлённо спросил он, вы- бравшись из пещеры.

– А ты смотри, смотри вот на этого! – опять за- шёлся веселым смехом Лысый.

Оказалось, из маленьких камешков он соо- рудил трех истуканов, похожих на людей. Сразу их было не заметить среди прочих сооружений – они стояли в общей толпе, слегка покачиваясь в единой массе. Но когда Лысый пририсовал им глаза, нос, рот, придал им даже выражение лица – они, удивительное дело, стали как будто ожи- вать. Этому Лысый и обрадовался, потому, пока- зывая на них пальцем, стал весело смеяться.

Рядом был Лохматый. В отличие от брата, он был серьёзен, и сосредоточенно, с некоторой пе- чалью, смотрел на маленьких трясущихся идолов.

– Прекрати издеваться над ними! Они уже на самом деле стали оживать!

– Ну и что? Это же так забавно! Смотри-смю- три, они же не просто трясутся, а словно танцуют. Ох, как смешно, ой, какие они потешные!

– Ладно, потешайся дальше. Сейчас тебе вле- тит от матери. Не любит она этих «оживлений».

– Она не узнает. Некогда ей заниматься такой мелочью. У нее и посерьезнее дел полно. Ты луч- ше сам не зевай, а то и тебе опять попадет, и мне из-за тебя достанется.

– Ну, смотри, братец. Я тебя предупредил. Я уверен, маме это не понравится.

– Ничего, не впервой, и на этот раз не заметит. Нам многого не надо.

– Не знаю, братец. Не вполне понимаю, о чем ты говоришь. И совсем не принимаю твою ра- дость, – печально промолвил Лохматый, смотря на каменных истуканов. – Единственное чувство, которое они вызывают – жалость. От них веет беспричинной тревогой, а почему – не понятно.

Хойгур не совсем понял суть спора. Но, даже не вникая глубоко, внутренне он почему-то был солидарен с Лысым. Действительно, потешно было наблюдать за «ожившими» каменными идолами. Каждый покачивался по-своему, при- танцовывая на собственный манер. Но от этих вроде бы безобидных движений на душе стано- вилось тревожно.

Увлечённые разговором, братья не заметили, как Акол подошел к поводирю и тихо спросил:

– Какого роста эти идолы?

– Они маленькие, примерно с вершок, из мелких округлых камушков. Вначале они нача- ли трястись, а затем – покачиваться и делать не- предсказуемые самостоятельные движения, как живые...

– Странно, очень странно, – озадаченно про- изнес Акол. – Начали двигаться? Значит, в них вошли некие духи или они обрели собственные кут-сюр², как у людей.

– Какие духи? Разве здесь могут быть духи?

– Они вездесущи.

– Как страшно! А они какие, добрые или злые?

– Они всякие.

– А то, что в маленькие камешки, поставлен- ные друг на друга, вселяются духи – это хорошо или плохо?

– Однозначно и не скажешь.

– Как это?

– А... Хватит болтать, сам думай, – как отрезал Акол, махнув рукой сверху вниз. – Мне надо еще продумать наш дальнейший путь.

В этот миг, испуганно вытаращив свои и без того крупные глаза, забеспокоился Лохматый:

– Берегись, брат, кажется, мама идет. Скорей разбери этих человечков на камешки! Точно го- ворю, ей это не понравится и нам здорово попа- дет. Боюсь, как бы и мне не попасть под горячую руку.

– Жалко мне их разбирать, они для меня уже как живые... Лучше я их прикрою. Авось, не заметит.

– Как бы не так... Столько ты жил, а ума не нажил.

Сколько ни оглядывался Хойгур, но не обнару- жил женщину и, обескураженный этим, спросил: – А где же она? Что-то я никого здесь не вижу.

– Скоро увидишь, она бежит вон за теми гора- ми. Следи за той светлой впадиной, она там по- кажется, – ответил ему Лохматый.

– А как ты узнал, что она бежит к нам, если её еще не видно?

– Он столько раз был бит, что ощущает мать даже за дальними высокими горами, – сказал повеселевший брат, успевший прикрыть своих каменных человечков белой кошмой.

²Кут-сюр – душа.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

– Ты так можешь?

– Нет, это дела ближайшего времени и происходящие недалеко от нас, а я при помощи моих каменных столбиков могу узнать только про события очень далекие – и временно и пространственно. Например, что происходит и произойдет в далеких странах, что станет с их народами. Какие радости или беды их ожидают.

– Вот это чудесно! Я бы тоже хотел узнать про это.

– Брось и думать. Не нужно это тебе! Не тянись к чужому дару, который не послан тебе изначально, а попытайся понять и принять свое собственное предназначение. А оно у тебя, судя по всему, довольно высокое.

– Да? А я всю жизнь переживал из-за своей никчемности...

– Никчемности в тебе действительно много, даже очень. Ты, пройдя столько дорог, вытерпев столько испытаний, до сих пор не понимаешь, какого великого человека тебе доверили сопровождать. Сильные люди земного мира приняли это решение, а потом силы мира иного допустили тебя сюда... Я бы таких, как ты, не допускал до святынь. Но сильнейшим виднее.

– Ну, ладно-ладно, умник нашелся. Хватит наседать на него! Ему же совсем немного лет, – заступился Лохматый за Хойгура. – Сколько тебе лет?

– Семнадцать.

– Ну вот. Ты в его годы совсем глупеньким был!

– Не болтай! Был... Не тебе такое говорить. Тебя самого тогда не было. Откуда же знаешь, каким я был? Может, умнее...

– А вот и нет, дорогой братец, хочешь, я всё прошлое твоё восстановлю и докажу? Тогда тебе стыдно станет.

Братья молча глядели друг на друга, дожидаясь продолжения.

18. Мудрец Лао-Цзы и юная мать

– Посмотри на восток. Видишь путника? – предвидя поражение в споре, Лысый перевел разговор на другую тему, обратившись к Хойгуру:

– Это наш мудрец Лао-Цзы старательно петляет между камнями.

– Вижу-вижу! – воскликнул Хойгур. – Кто он такой?

– Как кто? Вчера же он тут был, мы вас вместе с ним встречали, потом ужинали, разговаривали.

– Как это? Никакого старика вчера среди нас не было.

– Так, значит, ты его не видел?

– Да, не было никакого старика.

– Странно, значит, старец вчера не захотел тебе показаться. Такое бывает.

– А я знаю, что он был вчера, – вдруг сказал Акол. – Даже поговорил со мной. Он интересовался земными делами.

– Вот это здорово! – залился веселым смехом Лысый. – Слепой не только увидел, но и поговорил с Лао, а зрячий даже не заметил его.

– Значит, старец действительно вчера сознательно оставался незаметным для него. Так бывает. Хойгур пока не готов к такой встрече.

Тут Хойгур увидел, как из-за высокого косогора выбежала вчерашняя девушка. Она подбежала к упорно ковыляющему по тропке старику, пала перед ним ниц и лежала, пока старик сам не подошел к ней и не благословил.

Встав, девушка церемонно раскланялась и побежала по камням дальше.

Совсем скоро она оказалась рядом и в яростном гневе коршуном налетела на Лысого:

– Сколько раз я говорила тебе, что нельзя оживлять неживое! Это тебе не игрушка! Много раз объясняла, что одухотворить неживых – значит, вдохнуть в камень кут-сюр. Этот несчастный с каменным нутром оживает и начинает не только танцевать, но думать, страдать, ждать и надеяться, и даже – служить... Нет у вас прав делать это!

Поискав глазами вокруг, она подобрала длинный гибкий прут, похожий на вчерашний, но намного толще, и стала безжалостно хлестать Лысого, который покорно сидел и, плача под ударами, умолял ее:

– Маменька родная! Мама дорогая, я не удержался, хотел маленько поиграть, а они ожили, как только я пририсовал лицо и заговорил с ними. Прости меня, я больше никогда, никогда не буду этого делать!

Мать отбросила кошму, и трое каменных истуканов задрожали под её взглядом – каждый по-своему, как бы прося пощады.

– Ты их сделал, ты – и разбери. Разбросай камни во все стороны света, чтобы они не смогли воссоединиться самостоятельно.

Лысый плакал на два разных голоса, то по-детски звонко всхлипывая, то по-взрослому – с надрывом. Это было странно слышать. Не переставая рыдать, он в отчаянии запрыгал около своих «человечков», умоляющих его о пощаде. Он всё медлил – то ли от жалости, то ли ему было страшно убивать свои создания. Потом, в один миг, набросился на них, расшвырял по камешку во все стороны света, и настала тишина вокруг застывшего в молчании Лысого и продолжавших своё мерное покачивание башен.

Но мать никак не могла успокоиться, села на камень и запричитала:

– Глупый мальчик! Глупый! Разбередил мою старую рану. На одном из многочисленных перевалов стоит каменный истукан, в которого играючи, шутя, вдохнули душу, тем самым одухотворив. А он не просто стоит, а служит, границу якобы держит. До сих пор держит, наверное... Но мучается, страдает, ждет, надеется и, возможно, любит... Меня... Меня... Меня! Как трудно мне жить с этим знанием? Как мне жить дальше? Жалко, ох, как жалко мне его, любимого, но ничего не могу сделать теперь для него. Главное – не могу прекратить его страдания, его муки. Меня не станет... а он еще не одно тысячелетие будет стоять, пока не упадет, но все равно будет продолжать служить, ждать, надеяться и любить. О, горе мне... Как мне горько и больно... Глупый мальчик, что ты наделал...

– Мама, мама родная, побей меня еще! Но прости глупого сына и успокойся.

И мать, словно очнувшись, вдруг принялась целовать его:

– Прошу тебя, больше никогда не делай подобного, нельзя придавать вещам и предметам не предназначенные для них смыслы, иначе беда будет. Это опасно. Ожившие каменные люди могут вытеснить настоящих, земных, живых. Ты играй. Земная жизнь – это игра. Но играя – не заигрывайся, знай меру и никогда не нарушай границы дозволенного.

– Мама, мама родная, прости меня... Я незначай, по глупости. Я больше никогда, никогда в жизни не буду так делать, только прости меня.

– Конечно, прощу, куда я денусь. Но ты мне сделал больно, пробудив ее, дремавшую в глубине моей души, эту безысходную тоску и любовь к самому лучшему, но самому несчастному из людей. К моему генералу Дин Хуну... Мой единственный, мой любимый мужчина...

Она опять залилась горькими слезами. Сыновья, на вид годящиеся ей, юной и цветущей, в деды, тоже заплакали.

Скоро всё прекратилось так же неожиданно, как началось. Можно было даже подумать, что актеры театра разучивали свои роли перед паломниками-зрителями. Закончили одну сцену и начали другую:

– О, гости дорогие! Простите меня, уважаемые почтенные мои гости! Как я счастлива принимать таких высоких гостей! Сейчас... Сейчас завтракать будем... Всё уже давно готово.

Девушка стала, как и прежде, суетиться вокруг каменного стола. Порхала, что-то напевая себе под нос, готовя наизыснейший завтрак из тридцати редчайших блюд.

Каждое блюдо содержало сок самых редких растений. Были намешаны какие-то каши и побеги бамбука, сдобренные растительными маслами разных сортов. Составленные из множества разных частей блюда обладали удивительными вкусами.

Старики-сыновья, воодушевленные матерью, носились по ее поручениям, что-то помешивали, добавляли или разбавляли, чтобы получить нужное, наиболее вкусное сочетание. Мать, кажется, сочиняла прямо на ходу способы приготовления многих блюд. Вся она, совсем недавно раздраженная и расстроенная, теперь была собранной и казалась сосредоточенной на каких-то высоких помыслах.

Получив приглашение к столу, поводырь намеренно без спешки подвел Акола и усадил на указанное место, а сам сел рядом. От удивительно приятных сочетаний разнообразных запахов еды кружилась голова и начало беспрерывно урчать в животе.

Блюда были такие же, как вчера, но сегодня

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

гости с ними справлялись с усилием, такими они казались сытными, а некоторые из них даже не смогли доесть до конца.

Видя, с каким удовольствием гости приняли ее угощение, хозяйка зарделась румянцем удовлетворения. Ей было приятно их наслаждение, она успевала рассказывать о каждом блюде, перечисляла, из чего оно состоит, способ приготовления, особые секреты.

– Никогда в жизни я так много и так вкусно не ел! – похвалил застолье Хойгур, тем самым совсем осчастливив радушную хозяйку.

– С таким завтраком вы не проголодаетесь. До вечера вы должны вернуться назад от Восточного Камня. Я передам сверток для старца. Ему нужно немного подкрепиться.

– Вы его скоро догоните, он еле-еле плетётся. Не понимаю я его, сам еле ходит, а постоянно забирается в такую даль, – сказал Лохматый, но мать, услышав эти слова, бросила на него строгий взгляд, и тот испуганно замолк.

19. К главному Восточному Камню

В ожидании нового перехода Хойгур, измученный долгой и трудной дорогой, с большим опасением думал о предстоящем. Как только немного отошли от Зеленой Долины, обстановка вокруг сразу изменилась.

Слева и справа, сколько хватало глаз, простирались одни голые камни, а впереди громоздились каменные хребты. Этот однообразный грозный вид порождал печальные мысли.

Но, к удивлению обоих паломников, на этот раз они шли чрезвычайно легко.

– Хойгур, странную легкость я стал испытывать во всем теле, – заметил Акол, ожидая подтверждения подобных же ощущений и от поводыря. – Откуда это – пока не понимаю.

– Я тоже наливаюсь изнутри, как яблоко на ветке, словно из меня выпирает некая сила. Хочется даже побежать по камням, как вчера делала это юная матушка, но еще немного боязно... упасть, – восторженно откликнулся поводырь и рассмеялся. – Наверное, это от завтрака.

Под впечатлением некоторое время шли ходко. Хойгур привычно впереди, а за ним, держась за посох, – Акол. Когда Хойгур переступал с камня на камень, слепец, видимо, через движение посоха угадывал, по каким камням они идут, и безошибочно ступал след в след. Он был сосредоточен, но чувствовалось, что не новая тропа его так заботила. Видно было, что Акол глубоко о чём-то задумался.

Хойгур впервые понял: оказывается, его всегда гнетет долгое молчание Акола, словно напряженные его мысли давят на спину. Советовать ему он не мог. О чем он таком думает, что даже рядом идти трудно? Ему очень хотелось бы, чтобы слепой заговорил с ним на равных, чтобы открылась глубина его мыслей.

Они были настолько различны, что он ощущал всю тщетность попыток разделить мысли Акола, наравне погрузиться в его сомнения и опасения. Но также он заметил и необычное изменение в себе – в последнее время у него появилась тяга к размышлению на совершенно отвлечённые темы. Если раньше он просто отмахивался от них, то теперь весь окружающий мир наполнился таинствами, одно – сложнее другого. Часто ему становилось особенно неуютно из-за полного непонимания происходящего. Прежде он успокаивался вкусной едой или придуманными глупостями, рассказываемыми каждому встречному. Так сейчас вокруг не было таких людей. Мир начал меняться с людей! И это было первым его открытием, понятым всем существом.

Взять хотя бы сегодняшнее утро. Вспомнить случай с ожившими камешками. Ожили они только из-за того, что придали им человеческие черты лица и заговорили с ними на равных. А материнский гнев из-за этого! И неожиданное воспоминание! Ее откровение, открывшее многое и породившее ещё больше загадок. Упоминание о легендарном генерале Дин Хуне, о котором часто рассказывал их Учитель – У Хуан, было очень туманным и загадочным...

Бедная женщина! Вроде недавно беззаботно порхала, прыгая по камням, такая удивительно юная, а какие чувства, страдания она хранила в душе... Только со стороны всё кажется простым и легким. А копни поглубже, и такое вылезет!

Как бы ни хотел Хойгур не думать о своей несчастной матери, но мысли все равно возвращались к ней. Для нее он – единственная безнадёжная надежда... Единственная... Недаром же она, провожая, в крайнем отчаянии просила его – выжить любой ценой, пусть это будет даже ценой обмана или предательства... Бедная, бедная мать! Ей всего-то тридцать четыре года, а этой – более двухсот, а как она выглядит?! По сравнению с ней его мать – глубокая старушка, вся в морщинках, изможденная до крайности.

Теперь Хойгур всё явственнее понимал – назад пути нет. У него просто не хватит сил еще раз преодолеть пройденный путь и вытерпеть перенесенные испытания. Всё это им удалось осуществить только чудом. Значит, сделал он излишне скоротечный вывод, матушка никогда больше не увидит его. А он – её...

Вчера, увидев юную мать двух стариков, он сразу представил свою, и впервые стало ему завидно и обидно: «Почему на земле царит такая несправедливость, когда одним – всё, а другим – ничего?»

Но это с одной стороны, прервал он сам себя, теперь такое случалось с ним всё чаще и чаще. С другой, кто мог подумать, что юная на вид и беззаботная, счастливо бегающая по камням девушка может хранить в себе такие глубокие и трагические многолетние чувства? Только случайно они вырвались наружу. Но она же сумела подавить их в себе! Через несколько мгновений она вновь стала прежней молодой, цветущей девушкой, которой нужно потчевать дорогих гостей... Что это? Опыт? Мудрость? Ложь? Ответ на каждый вопрос уводил в еще более глубокие размышления. А он пока не был к ним готов.

Путникам относительно быстро удалось преодолеть приличное расстояние. Давно миновали перевал, перед которым совсем недавно, и они это хорошо видели, ковылял старик Лао, но почему-то его не встретили. Не оказалось старца и на тропе, когда перевалили через другой.

– Это странно, куда же делся Учитель Лао? – спросил Хойгур. – Может, для меня он опять стал невидимым?

– Нет, он идет впереди за этим перевалом.

– А ты каким образом узнал это?

– Ну, так... – замялся Акол. – Просто почувствовал.

– Как бы то ни было, только на вид он еле-еле ползет. Про такое, наверное, говорят: не верь глазам своим...

За перевалом они действительно нагнали Старого Учителя. Он, и правда, передвигался с большим трудом.

– Добрый день, почтенный Учитель! – в один голос произнесли паломники, почтительно кланяясь.

– Добрый-добрый, молодые люди!

– Вы шустро ходите, уважаемый, – похвалил Хойгур, совсем не стараясь подбирать достойные старца слова.

– Ну, как могу. На большее сил уже нет. Давайте-ка присядем тут, отдохнем малость, – в тон ему ответил Лао.

– А сколько идти до Восточного Камня? – как всегда, прыгая с темы на тему, не утерпел поводить.

– Смотря кому... – с хитрецей улыбнулся старик. – Вы вот скоро дойдете, а мне еще идти и идти.

– Вам тут передали еду.

– Спасибо, дорогие мои. Как раз подумал, что пора бы подкрепиться.

– Учитель, а можно мне – неучу – кое о чём спросить Вас? – не унимался Хойгур.

– Конечно, можно. Спрашивай.

– Почему из четырех камней Восточный – самый главный? А южный, западный и северный – не главные, что ли?

– Все они стоят на своем месте, каждый имеет свое назначение. А Восточный потому значительней, что именно на востоке восходит светило, озаряющее божественным светом всё живое и неживое и придающее смысл всему.

– Тогда какое значение имеет юг? – Хойгур, продолжая «ученичествовать», даже не давал возможности старику перекусить.

– Юг отмечают красным цветом, цветом солнца – это цвет наивысшего подъема и апогея на небе всецедрого ока.

– А запад? – словно испытывая терпение старца, юнец сыпал вопрос за вопросом. Вместо того, чтобы подумать самому.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

– Запад – это направление полной зрелости, место достойного завершения, вершина совершенства. Там, на западе, не только находит своё окончание начатый день, но и начинается будущее, вот чем ценен запад. Оттуда человек может обозреть всю свою прошлую жизнь и даже попытаться переоценить прожитое, посмотреть по-новому на привычные события. А значит, получает возможность измениться сам и изменить мир. Но... печально то, что менять что-то для неподготовленных к этому – опасно. Этого почти никто не знает, да и не желает понимать темную подноготную суть перемен. Люди чаще всего думают, что всякая смена – благо и развитие. Если бы так... Очень даже не всегда во благо. Наоборот, кроме редких случаев, почти всегда перемены ведут к худшему, к вырождению и упадку. Но люди этого не только не хотят знать, но, возможно, так никогда и не захотят понять всю губительность перемен.

– А развитие? Как возможно развитие без перемен?... – тут Хойгур вспомнил о своём желании учиться, а еще о подаренной ему Окуном мечте – стать правителем Саратая.

– Это все от лукавого. Он извращает суть явления, придавая естественному ходу событий несвойственные их природной сути и божественному предназначению направления развития. – Старик взглянул на Хойгура и умолк, о чём-то задумавшись. Улыбнулся и дружелюбно продолжил: – Мы в своих разговорах слишком далеко забрели. Пора и честь знать.

– А как надо? – мало что понявший из доводов мудреца Хойгур задал первый попавшийся вопрос.

– Всё – в меру, мои дорогие. Знание меры – великое счастье. Оно дано немногим. Я хочу, чтобы вы попали в их число.

– Великая благодарность Вам! Махтал!

– Ну, всё, в добрый путь! Я не могу идти наравне с вами, а вы со мной время потеряете, а идти еще далеко. Поэтому вам лучше не засиживаться, – сказал Лао-Цзы.

– А север? Вы нам про север ничего не сказали, – уже вставая, Хойгур вдогонку попытался ухватить еще хоть чуть-чуть от чужой осведомленности.

– Север... холоден и темен. Там хранятся мно-

гие тайны мира, поэтому разговор о нем оставим на потом. Хорошо?

– Хорошо. А до Восточного Камня нам идти далеко еще?

– Для вас – не совсем. Каждый придет туда в своё время.

На этом путники попрощались. Старик, наконец, приступил к завтраку, а ребята быстрым шагом направились в сторону, откуда «исходит смысл всему сущему». А значит, и смысл их собственного бытия.

20. Разговор о смыслах

– Бедный старик, совсем ослаб, еле ходит, – с жалостью проговорил поводырь. – Если еще далеко до Восточного Камня, то он точно сегодня не доползет... У него, кроме тросточки, ничего нет, как же он на этих голых камнях ночевать будет? Холодно же. Мы, наверное, на обратном пути где-то здесь его встретим.

– А мне кажется... – Акол что-то хотел было сказать, но на полуслове запнулся.

– Что тебе кажется?

– Да ничего... Просто так... – туманно ответил слепец и чему-то про себя улыбнулся. – Совсем скоро мы подойдем к священному месту, где лежит синий камень.

– Почему синий?

– Не знаю, мне так кажется.

– Может, кто тебе рассказал?

– Да нет. Никто из моих знакомых до этих мест не добирался.

– Значит, мы здесь первые из всех живущих там, внизу? Вот уж будет что порассказать...

– Может, и первые, но в этом не наша заслуга, – пресек Акол неумную радость Хойгура.

– Почему, мы же сами дошли! Ты зря умаляешь наши труды.

– Сказать тебе главное? – как о чем-то обыденном спросил Акол.

– Еще бы! – немного обиженно от такого вопроса ответил мальчик.

– Запомни, сами мы никогда бы сюда не дошли. Поэтому не себя надо хвалить, а благодарить за доверие допустившие нас сюда Верховные силы.

– Ну, если даже так, то все равно мы с тобой, оказывается, стали достойнее многих, кости которых валялись по пути, – никак не мог смириться Хойгур с таким, как ему показалось, уничижением его достижений.

– Да, особенно ты... Оказался достойнее многих достойных, – съязвил Акол, желая охолонить спутника, но только подлил масла в огонь.

– Между нами говоря... – на этот раз запнулся уже Хойгур и почему-то продолжил шепотом: – А что, действительно странно, ведь, между нами говоря, я такой грешник, такой врун, обманщик и предатель... Ужас! А те бедные паломники, которых не допустили, получается, были еще грешнее и подлее меня?

– Всё может быть, – отрезал Акол и вдруг заговорил иным – твердым, незнакомым голосом: – Дело не в количестве мелких грехов, их, в конце концов, можно отомолить, ошибки исправить, покаяться и измениться... Дело, думаю, в том, что ты можешь преобразиться сам, а затем в какой-то мере преобразить окружающий мир. Ради этого они, видимо, закрыли глаза на твои мелкие грехи.

– Разве такое возможно?

– Почему – нет? На мой взгляд, все в мире – и там, внизу на земле, и здесь – происходит одинаково.

– Акол, можно я задам один мучительный для себя вопрос?

– Спрашивай, конечно. Но зачем ты просишь разрешения?

– Как зачем?.. Просто, вопрос такой... Неудобный, что ли... навязчивый вопрос меня мучает... Прости меня, но мне кажется, что ты иногда видишь.

– Почему ты так решил?

– Потому что часто ты подмечаешь то, что я – зрячий – вовсе не разглядел.

– Видеть я не вижу, зато я обоняю и слышу тоньше, и чувствую лучше... Все вещи имеют не только форму, цвет, но и издают определенные звуки при ветре, дожде или палящем солнце, даже эти камни откликаются на состояние окружающей природы – то источают холод, то жар. Они посылают невидимые тончайшие всплески-сигналы, которые я ощущаю.

– А я нет, – Хойгур обескураженно оглянулся вокруг. – Если я закрою глаза, то мир со всеми его красками, ветром, дождями, солнцем и луной пропадает – напрочь, а я ничего не ощущаю. В это время я даже услышанное не могу определить: что это за звук, кто его издает. Выходит, я более слеп, чем ты?

– Не болтай глупости... – печально вздохнул Акол. – Я даже не представляю, что значит видеть мир во всей его полноте и великолепии, какие цвета, оттенки там блистают. Я же... Я же никогда ничего не видел. Никогда! А ты имеешь возможность постоянно купаться во всем этом изобилии красок и... не замечаешь, не ценишь... всегда всем недоволен.

– Да, Акол, ты прав. Сейчас, оглядываясь назад, думаю о прошлой земной своей жизни и удивляюсь, сколько прекрасного там было, но из моего окружения никто этого не ценил, а все выискивали повод для обид и носились с ними, как с сокровищем. Обижались на вас – хуннов. По их мнению, вы разрушили нашу жизнь, а теперь издеваетесь над несчастными пленниками. А на самом деле хунны, переселив нас с насиженных мест и пустив кочевать в числе иных вольных родов, и думать забыли о нас, занятые своими делами, особо ничем не докучая, не контролируя... А мы...

– Это тебе издалека, с высоты поднебесья, так кажется, – почему-то коротко и невнятно сказал Акол, и Хойгур не смог понять, подшучивает он над ним или хвалит.

– Я на самом деле стал иначе относиться ко всему, что происходит.

– Ты постепенно начинаешь меняться. День за днём. Медленно, но верно, – искренно, по-доброму подбодрил Акол поводыря.

– Конечно! Особенно после пережитых чудес и лицемерия стольких таинств. Всё происходило у меня на глазах, при мне, я же не слепой... – осекся от случайно вырвавшегося слова Хойгур.

– ...Веры в тебе пока еще маловато, – не сразу, и словно не расслышав последние слова, заключил Акол.

– Почему ты так говоришь? – неожиданно остановившись, резко спросил Хойгур.

– Потому что чувствую, что ты до сих пор ходишь

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

какой-то потерянный. Думаешь совсем не о том. Хотя нам несказанно повезло, и мы сумели достичь искомым высот. А ты не рад этому. Почему?

– Достичь-то достигли...– опять начал движение Хойгур, не желая показывать своё расстроенное лицо Аколу, очередной раз подумав: а вдруг он всё-таки видит хоть чуть-чуть. – И забрались так далеко и высоко, что окончательно потеряли возможность вернуться назад. Вот что меня гнетет. Когда я жил там, честно говоря, особо не ценил тамошнюю жизнь, всем был недоволен, исходил желчью от надуманных несправедливостей. Но это я понял только теперь, когда стало ясно, что всё-всё прежнее безвозвратно потерял, – мерно шагая, выговаривал он по слову за шаг.

– Почему потерял? Мы вернемся, обязательно вернемся! Иначе зачем, во имя чего затеяли мы этот долгий путь? Ради той земной жизни старались, – какой же ты тугодум! – Уверенность сквозила в голосе Акола, когда он продолжил: – Я верю, что мы, удачно завершив дело, вернемся. В этом и тени сомнения не может быть.

– Ты всегда был умен и мудр, куда мне до тебя... Ты всегда был сдержан и никогда не был подвержен временным соблазнам и движениям настроения, различным случайным возбуждениям, как я... – с сожалением вздохнул Хойгур, замедляя движение. – Но теперь утверждаешь совсем другое. Скажи честно, признаешься ли ты в том, что мы с тобой только чудом преодолели столько препятствий, неодолимых для простого смертного?

– Да, было такое, и не раз.

– Но тогда как мы с тобой вновь преодолеем эти препятствия, которые преодолели только случайно, как мне кажется, или, по твоему мнению – чудом? – начал заговариваться Хойгур от волнения...

– А я верю, что мы сумеем, – понял его нервное косноязычие Акол и попытался убедить в своей правоте.

– Да, в этом наша с тобой разница. Мы, конечно, только чудом прошли все испытания. Но чудо не может повторяться, и вновь рассчитывать на него – глупо и неразумно. Я так считаю.

– Ну, может быть... Но я все равно верю, верю, что, если у нас не хватит сил, придёт по-

мощь, обязательно придёт. Я в это верю, – твердо повторил Акол, потрянув кудрявой головой. – И эта вера – великая сила. Она окрыляет в нужный миг, про неё ты и говоришь, называя веру – чудом. Вера превыше всего, она одна придает всему смысл... И достойное завершение задуманного без неё невозможно.

– Ну, хорошо, ты верил, и вера твоя тебе помогла. А я? Я же никогда никому не верил. Как же я оказался здесь?

– А... Вот что тебя взволновало. Неужели в опасные мгновения ты не ощущал поддержку, не опирался на посох, который связывал и соединял нас с тобой?

– Да... да... Как же я мог забыть такое?! – изумился поводырь и судорожно схватился за посох. – Я вспомнил, всё так и было! А я быстро забыл. Нужда прошла, опора больше не нужна, и она сразу становится в тягость. О, ужас! Неужто я такое неблагодарное создание?

И Хойгур заплакал, потрясенный своим беспамятством до глубины души. Так он не рыдал никогда прежде. И долго в этот раз не мог успокоиться. Обычно у него и гнев от обиды, и чувство горечи от неудачи были неглубоки и быстро проходили. А тут он беспрерывно всхлипывал и постоянно причитал:

– Ну почему, почему я родился подлецом и обманщиком? А все люди как люди...

– Ты не прав. Всё совсем иначе. Все люди рождаются одинаково чистыми, безгрешными, и только со временем, совершая один за другим неблагоприятные поступки, кажущиеся по наивности безобидными, накапливают их. В итоге сами собой разделяются на группы: делателей добра и греховодников.

– Акол, ты многое ощущаешь и куда больше других умеешь понимать сложные вопросы. Ответь честно. Я исправлюсь? Это возможно? Достаточно ли того, что я искренне хочу полностью отречься от своего грешного прошлого? Или у меня это временный порыв, который, вспыхнув, – погаснет, и я опять вернусь в свою полную грехом оболочку.

– Если даже так и случится, не надо опускать руки. Надо помнить, что ты уже дорос до таких глубоких и правдивых мыслей, что начал менять-

ся. И на это знание и опыт надо опираться, как дерево на корни. И, наконец-то, поверить в себя. А я, Хойгур, верю в тебя...

– Нет-нет, дорогой Акол, не говори такие громкие слова и пока не доверяй ни мне, ни моим словам. Ибо я всё еще трус и хитрец, не удержусь и опять обману тебя, а может, и предам, – произнеся такие страшные признания, Хойгур опять горько заплакал.

– Вот это хорошо. Очень важно, что ты говорил эти слова искренне! Ты поплачь, если плачешься, со слезами выйдут горечь и грязь души. Так ты сможешь постепенно очиститься. – Тут Акол вдруг остановился и резко дернул за посох. – Постой, Хойгур, вытри слезы и оглянись, а не дошли ли мы до синего камня?

21. Молитвы у Синего Камня

– Да-да! – воскликнул поводырь и радостно запрыгал на месте. – Вот он! Дошли, дошли!

И каково же было удивление мальчика, когда он увидел возле Синего Камня почтенного старца Лао-Цзы, вроде бы оставшегося далеко позади... Хойгур, хоть и с большим усилием, на этот раз удержался от неуместных вопросов, хотя его просто разбирало любопытство: «Каким же образом ему удалось обогнать их?»

Пораженный до глубины души, Хойгур, поковавшись в своей котомке, начал раскладывать подношения. Они были, конечно, жалкие, но ценные по самому существу наличия: сколько же надо было приложить сил, чтобы бережно сохранить за время пути эти остатки их привычной земной еды. И не мог он тогда даже предположить, что припрятал их не на чёрный день, а для самого торжественного мгновения в своей жизни.

Этими маленькими кусочками сушеной рыбы, мяса и хурута почему-то очень заинтересовался Лао-Цзы. Он подошел и воскликнул:

– О-о, какие чудесные подношения! Ну, молодцы! Такие сокровища здесь чрезвычайно ценятся.

– Да? А мне было очень стыдно за убогость наших подарков, – искренне обрадовался и сразу оживился Хойгур.

– Здесь ничего подобного нет, поэтому чрезвычайно почитается. Это же не просто кусочки еды, они несут в себе редчайшие сведения о земной природе, по ним можно узнать очень многое: например, в какой речке плавала рыба, в каких степях паслись корова и лошадь... – Лао-Цзы взялся пересчитывать маленькие, ставшие такими неаппетитными кусочки мяса, рыбы и хурута. – Надо поделить всё это поровну между четырьмя камнями.

Старик, пересчитав, удовлетворенно сообщил, что каждому камню поднесут по четыре кусочка рыбы, мяса и хурута.

Вытаскивая подношения, поводырь достал и связку тонкой длинной волосяной веревки, которой по пути ни разу не воспользовались. Как-то, освобождаясь от всего лишнего, он даже хотел её выбросить.

– О-о, это же ситии³. По древним канонам, салама должны привязываться на таких веревках, – ровным голосом отметил Лао-Цзы значимость находки. – Давай их тоже поделим поровну – на четыре. И кто же это вас с таким глубоким пониманием снарядил?

– Многие принимали участие, – охотно ответил Акол. – Мясо на дорогу приготовил дедушка, куски шелка для салама дали бабушки, брат Бабыр подарил нож, дядя Хамыд принес веревку ситии для салама и сушеную рыбу.

– Вот молодцы! Смотри-ка, ничего не забыли, всё предусмотрели, – мудрец не переставал хвалить людей, собиравших в дорогу родственников. – А еще говорят, хунны грубый народ. Это у меня на родине, в царстве Чжоу, так говорили, хотя их самих во всех иных царствах обзывали «хуннами». Издревле у всех народов так сложилось – умалять достоинства противников или соперников, хотя сами почти всегда имели те же нежелательные привычки. А что делать, так сложилось в глубокой древности, и еще неизвестно, сколько продолжится в будущем. Наверное, очень долго. Из-за этого весь Китай охвачен смутой, взаимное унижение и породило столько бед и несчастий.

– Очень жаль, что из-за таких очевидных чело-

³ Ситии – тонкая веревка, свитая из коровьей шерсти и конских волос.

веческих слабостей на земле зарождается столько кровавых стычек и даже великих войн, – подытожил сказанное старцем Акол.

– Что делать? – мудрец печально вздохнул, изучающе посмотрев на Акола. – Оказывается, ты много знаешь и понимаешь. Это хорошо.

– Неужели такое положение нельзя исправить?

– Не знаю, возможно ли... Видимо, это рок человека.

– А Создатель? Он же всё может... – с надеждой произнес Акол.

– Я думаю, не так всё просто. Да и настолько ли нужно обязательно исправлять, поправлять... Может, просто не надо вмешиваться, пусть всё идёт своим чередом.

– Была бы у меня возможность, – вдруг выпалил Хойгур. – Я бы... обязательно немедля всё поправил, восстановил справедливость, наказал виновных. Сразу!

– Чем ты измеришь, кто прав, кто виноват? К сожалению, нет такой меры в человеческих руках. А если её нет, ты лишь умножишь несправедливость.

– Тогда что же делать? Надо же как-то остановить произвол, – всё более решительно заявлял Хойгур.

– Не вмешиваться... По мне, пусть всё идет своим чередом... – печально изрек Лао-Цзы. – Но человек слаб. Как только почувствует малейшее превосходство над братом своим, так сразу начинает повелевать им, поправлять, наказывать. От этого соблазна он, видимо, так никогда и не освободится.

– Человек же развивается, увидит свои ошибки, и может, постепенно исправится, – робко вставил Акол.

– Если бы... Это ему самому только кажется, что он бурно развивается, а на деле – совсем не так. Гордыня его губит, порой он даже уподобляет себя Создателю. И лишь единицы это осудят, а большинство подхватит эту ересь...

– А я по наивности своей думал, что в природе человек самое совершенное создание, – ляпнул поводырь и сам опешил от своей неразвитости, но было уже поздно, слова вылетели и разлетелись по миру.

Лао-Цзы и Акол удивленно оглянулись на него, как бы говоря: «Бедный наивный мальчик».

– Животное – он, и чаще всего таким и остается на всю жизнь, – промолвил Лао-Цзы печально, этими словами спасая положение. – Но... Но насчет того, насколько он совершенен среди братьев своих – вопрос спорный. Лично я... сомневаюсь в этом. У человека есть прорывы по каким-то отдельным, чаще всего случайным направлениям, но всё портят чрезмерное самомнение и гордыня, которые все его достижения губят.

– Нет! Так не может быть! – опять вырвалась у Хойгура первая пришедшая в голову мысль, прежде чем он успел сообразить. В это мгновение он открыл в себе ранее не замечаемое им удивительное свойство: оказывается, он, как эхо, отзывается на услышанное, но только произносит он слова свои – не думая, словно в беспамятстве, ничего не соображая... «Как дурак...» – вдруг сам о себе сказал он. Почему «как»? Он, оказывается, не просто неуч, но еще и глупец. Полный и, возможно, неисправимый.

– Почему не может быть? – в упор спросил Лао-Цзы, смотря поводырю прямо в глаза как равному, из-за чего Хойгур сразу засмутился, помня только что пришедшие в голову мысли.

– Потому... Потому что это несправедливо... Нехорошо, наконец, кроме человека нет в природе никого, кто может... может...

– Делать подобные злодеяния и непотребства?

– Не может быть! – опять вырвалось у Хойгура против его воли. У него даже намерения возразить не было. «Значит, – понял он, – кто-то посторонний подбивает меня на эти нехорошие высказывания и зловерные поступки». Он даже обернулся, но никого, кто мог бы нашептать ему эти странные мысли и слова, не было рядом.

– Все может быть... А что именно, никто не знает, кроме Создателя Тэнгри. А мы можем всего лишь предполагать. Молодой человек, твоя отзывчивость и искренность определенно нравятся мне. Тебе предстоит совершить великие деяния, если, конечно, победишь гордыню. А теперь давайте поклонимся святому камню. И начнем с молитвы. Пусть каждый из нас помолится и свободно выразит свои желания, рассказав, о

чём мечтает, чего опасается, не забыв попросить за ближних.

Слова закончились. Настало время молитвы.

22. Моления поводыря

Поводырь растерялся. Во-первых, от волнения он никак не мог сосредоточиться, во-вторых, не знал, как молиться, а самое неожиданное – не мог понять, о чём же ему просить. Слишком много было в нём всякого, о чем еще вчера он хотел бы молить и просить, но когда подошло время, совсем растерялся.

Пытаясь успокоиться, посмотрел на Лао-Цзы. Тот спокойно сидел, закрыв глаза, разве что губы его беззвучно шевелились. А Акол сидел с открытыми синими глазами, как окаменевший. Его отрешенный вид пугал. Рядом с ним лежал посох, который, видимо, дрожал соразмерно его мыслям, как живой, издавая при этом странные мелодичные звуки.

Хойгур испугался. Ему стало не по себе. Он закрыл глаза, и мир вокруг словно потух, а сам он поплыл в пространстве и времени.

– А зачем тогда топал в такую даль, забрался на небесную высоту, столько преодолел препятствий? – услышал он чей-то строгий вопрос, но не ушами, а просто почувствовал внутри себя. Оказывается, здесь и такое бывает.

Хойгур подумал: правда – зачем? И, не задумываясь, всё выложил как на духу:

– Так я же не по своей воле. Я всего лишь поводырь. Что мне оставалось делать?

Я не знаю, о чём просить...

– Подумай, неужели тебе нечего просить?

– А... – вдруг осенило Хойгура. – Я хочу вернуться благополучно назад на землю.

– Хорошо... Ты вернешься назад... А еще?

– Ну, мне лишь бы вернуться, больше ничего не надо...

– Вернешься и опять станешь врать, обманывать?

– Смотря по обстановке.

– А что ты думаешь о предложении бывшего правителя Саратая Окуна?

– Не знаю... – смутился Хойгур, признаться, он успел начисто забыть о предложении Окуна, да и о нем самом. – Еще не решил.

– Подумай и решай. От этого зависит твоя новая земная судьба. Там, на земле, ждут тебя два возможных пути.

– И какие пути?

– От тебя лишь зависит. Теперь уже ты должен будешь избрать себе поводыря.

– Зачем мне поводырь, я же не слепой... Ты пу-таешь меня с Аколом? Я сам – поводырь!

– Знаем, что говорим. Ты слеп куда более Акола. Он-то зрячий. Этот слепой видит многое, а главное – далеко вперед во времени. Все земные зрячие даже вместе взятые – «слепцы» перед ним.

– Ну ладно, хорошо, – Хойгур бесцеремонно прервал говорившего. – Вернемся к вопросу о выборе поводыря. Значит, мне нужен поводырь.

– Если поводырем станет Окун, которого ты назвал своим Учителем и поклялся в верности – тебя ждет одна судьба, а если другого – иная стезя ожидает.

– Послушав Окуна я действительно стану правителем Саратая? – всё смелее выпрашивал Хойгур.

– Да, вполне возможно...

– А как долго смогу усидеть на троне?

– Это от вас обоих будет зависеть, но конец ваш пока тёмен. Он зависит от каждого сделанного вами шага на выбранном пути. А тропочек, по которым вам придется пройти, будет огромное число.

– О-о... И хочется, и боязно. А второй путь куда ведёт, к другому трону?

– ...Да, – после небольшой паузы прозвучало в голове мальчика. – Но об этом пока не дозволено говорить. Скажем одно: трудное и долгое служение в этом случае ожидает тебя. Не служба, а служение...

– А в этом случае как долго можно будет усидеть на троне? – Хойгур от возбуждения настолько потерял способность владеть собой, что сыпал вопросами, не считаясь с явной необычностью собеседника.

– Там? Долго. Всю твою продолжительную в этом случае жизнь, а возможно, и после неё.

– Странное что-то ты говоришь... Разве можно жить после жизни?.. Я не понимаю ничего.

– Поймешь потом. Сейчас надо почувствовать

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

своё истинное влечение и сделать выбор. Подумай и определись.

– Хорошо, я подумаю, конечно... – И опять зачастил вопросами вместо молчания и глубокого раздумья. – Но ты подскажи, как молиться! Что же в итоге мне просить?

– Обычно просят за себя, за своих ближних, за свой народ... Просьбы зависят от внутреннего мира просителя, – последние слова прозвучали где-то очень далеко, и Хойгур едва смог разобрать их.

Как только голос умолк, Хойгур пришел в себя и оглянулся. Мудрец, как и раньше, был неподвижен, и ничего в нем не изменилось. Акол же, хотя и сидел истуканом, но уже зажмурил глаза.

Хойгуру очень хотелось рассказать всем об услышанном и посоветоваться. Такие важные вопросы теперь стояли перед ним, а ответа на них он найти не мог. Но было понятно, что никто сейчас его не услышит. Он опять закрыл глаза и начал просить для себя только одного – благополучного возвращения на землю. Для матери просил счастья. Хотелось, чтобы постоянно недовольная всем мать, наконец, обрадовалась чему-нибудь. А то бедная вся в обидах, всегда всеми недовольна. Мысли его непривычно гладко текли, слагаясь в цельную картину мира, которая его вполне бы удовлетворила в будущем.

В-третьих, просил за всех знакомых – начиная от Гургана, умолявшего помолиться за него, за Салбара, за Окуна, Окоя, даже за волчицу Оу... А после неё вспомнил и про свой несчастный род Хантасов.

А в-четвертых... хотел просить за всех людей. Но что нужно всем людям сразу, он не знал. Он даже расстроился, что прежде никогда о таких отвлеченных вопросах не думал. Напрягся изо всех сил, но додумался только до пожелания обильных дождей и сочных трав. Думал он о голодающих и умирающих от жажды, молясь о даровании им сытой, мирной, благополучной жизни. Вспомнил потому, что совсем недавно сам испытал всевозможные невзгоды, узнав истинную цену последнему кусочку хурута и жизненную важность воды, бесценность тепла костра и, конечно, человеческого милосердия и всепрощения (простил же Акол его за трусость).

После молитвы паломники разложили на камне свои подношения, а над ними развесили разноцветные салама.

– Посмотрите, друзья, – сказал Лао-Цзы. – Оглянитесь вокруг, как оживилась природа после нашей молитвы. Ведь тут, на первый взгляд, кроме камней ничего нет, но как всё ожило, засияло, засверкало! И это всё из-за алгыса и вашего благожелания. Вот что делает сила слова.

Лао-Цзы был в очень приподнятом настроении.

– Великая благодарность вам, мои дорогие, что, несмотря на непреодолимые препятствия, вы добрались до самых небес. Все радуются и благодарят вас. – Лао-Цзы улыбался им тихой улыбкой доброго мудреца.

Состояние старца и окружающего мира передалось и мальчикам, испытывавшим после молитвы особенное благодатное ощущение. А Хойгуру впервые даже с закрытыми глазами было видно, что всё вокруг озарилось таинственным свечением.

– Ну, а теперь, молодые мои друзья, бегите, не ждите меня. Я как-нибудь сам доползу. Не люблю я быть обузой.

23. Волшебный посох и обида ХАНТАСОВ

Хотя мальчики догадывались, что так же, как утром, мудрец чудесным образом снова окажется впереди, все же им было стыдно оставлять немощного старика в одиночестве.

Хойгур постоянно оглядывался, пока Лао-Цзы не пропал из виду за косогором. И сразу, словно освободившись от невидимой привязи, припустились мальчики быстрыми шагами вперед. Дорога была им знакома, что позволило перейти даже на легкий бег: поводырь впереди, а за ним, держась за посох, – Акол. Хойгур давно понял, что Акол чувствовал дорогу по подрагиванию посоха – это позволяло ему уверенно ступать на ровных местах и держаться осторожнее на пересеченной местности.

А еще он осознал удивительную особенность посоха – способность передавать малейшее движение его души Аколу. Он давно заметил, что

слепец всегда чувствовал изменения самочувствия поводыря и знал о трудностях пути намного раньше, чем поводырь говорил об этом. Значит, решил Хойгур, это не простая бамбуковая палка, а нечто более значительное.

Хойгур вспомнил, что видел собственными глазами, как посох, лежа на камне возле молящегося Акола, подрагивал. Во время пути эта «живая» палка не раз спасала их от неминуемой гибели – удлиняясь в нужное мгновение, подпирала падающего, или давала опору карабкающемуся вверх по крутому склону.

Вспомнил и постыдный тот случай, когда, бросив слепого, закинул далеко в сторону посох и убежал. Хорошо, что хватило ума и совести вернуться и попытаться загладить свою вину. У Акола добрая душа, он всегда готов простить, не помнит обид, не обвиняет никого даже в очевидных провинностях. Наоборот, он всегда стремится понять провинившегося, объяснить ему, почему это случилось, тем самым стараясь оправдать его.

Оказывается, со стыдом признался себе Хойгур, Акол знал все его ухищрения, каждый его обман. Но молчал, делал вид, что ничего не знает и не понимает. И сейчас, после моления у восточного камня, Хойгуру стало не просто стыдно, а показалось вдруг, что это не он один совершал те обманы, а тысячи «хойгуров», и теперь каждому из этой тысячи было невероятно стыдно за совершённое. Все его тысячи «братьев» вспомнили одновременно, как пытались загладить свою вину – мол, это безобидный, маленький обман, который ничего не стоит. Размноженный на тысячи, каждый неблагоприятный поступок виделся Хойгуру во всех греховных подробностях.

Станным показалось Хойгуру, что он – грешник, хитрец и лжец – намного беспощаднее относится к своим грехам, чем снисходительный Акол. Вот и сейчас щёки обдало жаром от воспоминаний о том, что он почти каждый раз выбирал для себя крупные кусочки хурута и сушеного мяса, а Аколу откладывал помельче. Он – безродный поводырь – с непонятной самому себе радостью, таким образом обманывал внука самого сильного человека империи – сёгуна Турара, главнокомандующего хуннской армией. Хойгур помнил, что раньше от обмана таких людей становилось

приятно, улучшалось настроение. Обманывая сильных мира сего, он не только считал, что унижает их, но как бы внутренне возвышался, проявляя свои тайные возможности. На самом деле, обыграть всякого, в чем бы это не проявлялось, ему казалось чуть ли не смыслом жизни.

С этих вершин, на которые с таким трудом они вскарабкались, было особенно ясно, что в обычном мире все неприглядные здесь человеческие поступки были основным средством борьбы за первенство не только между отдельными людьми, но и между целыми родами и народами. Подтасовка событий, когда очевидное чёрное выдается за белое – главное движущее действие в жизни государства. Изменение смысла в своих интересах – самое безобидное средство достижения желаемого из очень многих, которые в ходу на земле. И оно намного человечнее прочих, не менее любимых, но куда более непоправимых и безжалостных: например, подавления сопротивления противника силой оружия, завоевания чужих родов и государств, принуждения жить по своим законам, которые без всякого основания голословно объявляются самыми правильными и насильно навязываются всем поработанным.

Так случилось с их родом, когда-то давно подрядившимся к хуннам для охраны перехода через перевал на одном из оживленных участков караванного пути. Род их – небольшое ответвление, отделившееся от многолюдного Харатайского народа – именовался Хантасы. Как вспоминают старейшины, вначале всё было хорошо. Они тесно держали связь со своими родами Харатая, исполняя строгие и даже порой суровые харатайские законы, в которых не допускался малейший обман. Во внутрисемейных взаимоотношениях был строгий порядок беспрекословного подчинения старшему. За малейшую провинность, кем бы ты ни был – большим тойоном или даже ребенком, – нарушитель изгонялся из рода. Тяжело было жить по таким суровым законам, но всё держалось на силе традиции.

Пришло время, и рамки традиции стали тесными для хантасов. А может, это случилось потому, что они стали жить намного лучше и богаче харатайцев, которые не меняли свои многовековые устои и кочевали вместе со скотом по юж-

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

ным склонам Алтая. Хантасы же, привязанные к охраняемому ими перевалу, давно перестали кочевать и постоянно жили в одном месте, как оседлые китайцы.

Для безупречно подготовленных воинов служба эта была необременительной, никто не лез грабить проходящие караваны, зная, что перевал тщательно охраняется. Но, как почти всегда бывает, всё погубила жадность. Хантасам показалось, что хунны платят им слишком мало. Стали требовать у проходящих мимо караванов дополнительную сумму, вначале небольшую и вполне терпимую для купцов, но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Хантасам очень понравилось получать дополнительный доход, и сумму поборов они стали ежегодно увеличивать. Многие караваны из-за этого обходили хантасов стороной. Со временем разногласия обострились.

Дело дошло до хуннских тюсюмэлов⁴. Им это очень не понравилось, и они тут же приняли меры.

В одну из ночей хуннский летучий отряд неожиданно напал на хантасов. Заключил под стражу горе-охранников, а весь род насильно переселил на равнину. Так закончилась вольная беззаботная жизнь их рода. Началась новая – подневольная, полная непривычных и неприятных обязанностей, забот и трудов.

Впредь их отряды уже не входили в состав армии, их не привлекали к боевым действиям, они утратили доверие, как проявившие корысть. И на самом деле, стяжатель, ищущий лишь своей выгоды – ненадежен в ратном деле.

Поэтому хантасам пришлось довольствоваться обслуживанием обозов и тянуть на себе всевозможные хозяйственные дела. Мало приятно ощущать себя мальчишками на побегушках, но что делать, жить как-то надо. Внешне хантасы, казалось бы, смирились, но в душе затаили обиду. Эта обида заслонила собой весь белый свет, всё хорошее в нём, она, как ржавчина, разъедала их сердца и души. Ощущать себя обделенным, обиженным стало общепринятым и привычным, как бы правилом хорошего тона.

⁴ Тюсюмэл – хуннский имперский чиновник в ранге министра отрасли.

Прежняя жизнь на перевале казалась им безмятежным, счастливым существованием. Свободное прошлое воспринималось утерянным раем. Еще и от таких мыслей зависимое состояние крайне унижало их. Хотя никто их не угнетал. Просто всем отрядам в составе крупных войск, всем без исключений, обязательно нужно было согласовывать свои передвижения, а хантасами это требование воспринималось очень болезненно, как признак неволи. Они словно забыли, что были оседлым народом уже много веков и никуда не откочевывали от своего жилья и могил предков.

Хойгур вспомнил мать, худую и изможденную, но не от рабского труда. Она была измождена своими мыслями, своим возмущением по поводу якобы «порабощения», которого на самом деле не было. Была в ней лишь озлобленность по выдуманному поводу. В свои тридцать четыре года она выглядела совсем старухой. На ее морщины больно было смотреть.

Вспомнив мать, Хойгур ни с того, ни с сего опять начал задавать себе прежние вопросы: «Ради чего я забрался в такую даль? Что я ищу на такой умопомрачительной высоте?» Неожиданно остановившись, Хойгур заплакал навзрыд, разбавляя свой плач громкими причитаниями. Это было странно, потому что он никогда не позволял себе подобное... А тут как прорвало...

Акол стоял возле, опустив посох. Он не бросился успокаивать его, не стал переубеждать, слушая все его излияния, а просто молчал. Каким-то седьмым чувством он понял Хойгура и предоставил ему возможность выплакаться, очиститься.

24. Мальчишеский разговор

Вечером возвращались намного быстрее, чем шли утром. Но, тем не менее, почти совсем не устали. Была какая-то приятная приподнятость. С утра во рту крошки не было, но ни голода, ни усталости не ощущалось.

Еще солнце не зашло за горизонт, а они уже увидели впереди дым, а затем и костер, около которого суетился Лохматый.

– Быстрые вы! Надо же, какой дальнейший

путь отмахали пешком. Старец Лао тоже недавно вернулся, отдохнуть прилег ...

– Как же так? – удивлению Хойгура не было предела. – Это каким же образом он каждый раз обгоняет нас? Он что, летает?

– Так тебе и выложи... – огрызнулся Лохматый. – Сам думай. Куда ты попал? Это тебе не земные пределы, у вас там, куда ни кинь, везде стена, везде тупик, поэтому вы все тупые, особенно ты...

Хойгур не знал, что ответить, просто почесал затылок и, оглядевшись, заметил, что Лысый, не переставая играть, ухмылялся в кулачок.

Высокомерие Лохматого задело поводыря, и он спросил со свойственной ему хитрецей:

– Я вижу, что ты далеко не дурак. Но тогда почему тебя наказывают намного чаще, чем брата?

– Чаще? Чем брата? – Лохматый озадачился от неожиданного вопроса, затем оживился, найдя веский ответ. – А брат-то взрослый уже, он старше меня на целых шестьдесят лет, значит, больше опыта. Поэтому умеет уходить от ответственности...

– Ты прав, шестьдесят лет – это почтенный срок для опыта...

– Да, а ты знаешь, каким я стану через шестьдесят лет? – с вызовом спросил Лохматый, но после несколько спокойнее заключил: – Если, конечно, сумею достичь приличных высот.

– А ты разве ничему не учишься? Всё время бегаешь куда-то... Целый день занят?

– У меня много обязанностей. Помогаю матери делать настои из разных трав, кореньев, листьев. Их надо вовремя собирать, некоторые сушить, измельчать в порошок, делать настои, которые надо своевременно помешивать, добавлять необходимые составные части. Иногда не успеваю сделать, вот и попадает от матери. Но ничего, скоро всему научусь.

– Учись прилежно, может, лет через сто станешь всеми уважаемым мудрецом, как почтенный старец, – понять, шутит Хойгур над ним или говорит серьезно, было невозможно.

– Нет-нет, нельзя неучу замахиваться на такие высоты. Надо было вовремя учиться, а не отлынивать, как я. Теперь поздно ставить слишком высокие цели.

– Кстати, как тебя зовут? – спросил Хойгур.

– А никак. У нас не принято давать человеку кличку, как собаке. Имя держится в глубокой тайне. И спрашивать нельзя.

– У почтенного же есть имя – Лао.

– Это его земное имя... А здешнее имя сокрыто.

– Ну и хитрец ты!

– Какой я хитрец? Кого я обманул, скажи мне?

– Давно ли мы вернулись, а ты уже пытаешься уйти от прямого ответа. Помню, когда я спросил, почему тебя мать наказывает чаще, чем брата, ты сказал, что он старше, поэтому опытней. А сейчас, когда дело коснулось, видимо, неприятной для тебя темы – учебы – ты прикинулся старым, мол, теперь поздно ставить такие высокие цели.

– Но разве не так? В обоих случаях я ответил искренне.

– Я вижу, что мы с тобой одного поля ягоды, я сам там – на земле – часто изворачивался, а уж обманывал кого только можно.

– Нет, – явно с обидой сказал Лохматый. – Ты, может, и врун, по тебе это видно. Но я никогда... Почти никогда никого не обманывал. Почти...

– А сказать тебе, почему? – Хойгур сделал очень важный вид, словно выдавал вселенскую тайну.

– Скажи.

– Потому что все чудачки, которые попались бы, поверив в твой обман, остались на земле. А здесь нет недоумков. Здесь все видят тебя насквозь. Мать, уличив тебя во лжи, наказывает, надеясь исправить, чтобы не стал неисправимым обманщиком, а то и того хуже – подлецом.

– Да? – уже не споря с Хойгуром, робко поинтересовался Лохматый. – А что, если я никогда не смогу исправиться?

– Ну почему же? – тоном опытного человека изрёк Хойгур. – Надежда не должна тебя покидать никогда. Это я тебе говорю как человек, в нашем прохиндейском деле достигший, может быть, не наивысших, но всё же солидных успехов.

– И многих тебе удавалось обманывать?

– Я почти всегда обманывал, даже когда в этом не было необходимости.

– И каждый раз тебе сходило с рук?

– Конечно. Надо просто уметь вовремя увернуться.

– Странно, – без обиды, но почему-то обеску-

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

раженно ответил крайне расстроенный Лохматый. – А мне никогда никого не удавалось даже слегка... ввести в заблуждение. Сразу разоблачают. И следует неминуемое наказание. Не понимаю, как только тебе это удавалось?

– Ладно, не расстраивайся. Ответ прост. Я тебе приоткрою секрет. Только скажи свое имя, – пытался перехитрить Лохматого Хойгур.

– Буду тебе благодарен, дорогой друг. Но не проси невозможного.

– Я тебе не друг, если даже имени твоего не знаю... Совсем не друг, – вдруг вспыхнул Хойгур, хотя на самом деле он был очень доволен этим почти земным разговором, по которому он успел соскучиться. Да и по всей земной, издали такой родной, жизни тоска его разбирала в этот миг не шуточная.

– Ну ладно, дорогой «недруг», прости меня, ты, по всему виду, птица большого полета. Продолжай... Я слушаю тебя очень внимательно.

– Секрет прост. На земле, за редким исключением, почти все далеки от ваших высоких задач, они живут исключительно сиюминутными интересами. И только. Их очень легко обмануть. Они дальше своего носа ничего не видят.

– Да?... – изумленно воскликнул Лохматый. – Получается, на земле очень даже интересно жить. Среди таких недалёких. Здесь все видят всех насквозь, поэтому скучно.

Тут раздался гневный окрик матери и характерный резкий свист, который издает длинный, тонкий тальник. Лохматый, закрыв руками лицо, скрючился и заранее визгливо заплакал, одновременно, на всякий случай, прося пощады, твердя как заведенный, что никогда в жизни больше не будет. Хотя сам еще и не знал, за что именно он просит пощады.

– О, горе мое! Сколько тебя учить! Опять забыл о приготовлении настоев? А лекарство своё выпил?

Лысый получил несколько ударов за то, что недосмотрел за неразумным братом, не напомнил ему вовремя о его обязанностях.

– Я же занят с утра до вечера. Мне нельзя отвлекаться, иначе я пропущу важные земные события. Кстати, в Китае большая смута всё разрастается, а в государстве Саратай готовится очередной переворот.

– Ну и Бог с ними. По всему видно, они никогда не образумятся.

– В Саратае с нетерпением ждут своего нового правителя, на трон которого пророчат... – тут Лысый замолк на полуслове, встретив гневный взгляд матери.

– За что мне было суждено родить этих балбесов: один глупее другого. Сколько раз говорила, не выражай вслух того, что еще не определилось, не совершилось, этим ты можешь навредить обычной жизни... предопределив события.

Новый шквал материнского гнева в виде ударов ивовым прутом обрушился на Лысого.

Но этот гнев, как нахлынул, также быстро пошел на убыль. Юная мать обворожительной улыбкой озарила своих гостей.

– Ну, как сходили, дорогие мои гости? Не утруждайтесь пересказом, я всё-всё знаю! Очень рада, что вас тепло и с таким вниманием приняли высшие иерархи... О-о, далеко не всегда они так добры к пришельцам из Среднего мира... – И тут же, как будто была обычной земной женщиной: – Всё! Ужинать будем! Собирайте на стол! Мальчики!

25. Царский ужин

На этот раз ужин ещё больше понравился гостям. Хотя вчера все блюда были, как говорится, на кончике ножа, но были похожи, скорее, на снятие пробы, чем на полноценное угощение.

А сегодня у паломников появилось уважительное отношение к «птичьей еде», после которой они так легко преодолели значительное по земным меркам расстояние: в тяжелых горных условиях пройдя только в одну сторону примерно десять кес. В прежние времена на дорогу туда и обратно у них ушло бы не меньше недели.

Братья за ужином сидели смурные, правда, всё реже, но еще продолжали шмыгать носами. При этом старший ни на миг не упускал из внимания своих подопечных – каменные столбики, которые продолжали покачиваться каждый на свой лад. За ужином Лысый дважды выскакивал из-за стола и бегал к ним, осторожно что-то подправляя.

– А как же ночью, когда все ложатся спать?

Оказывается, за ними постоянно надо следить, чтобы ненароком не упали. – Только теперь понял Хойгур и не смог скрыть своего удивления.

– А на что нам два глаза дано? – шутливо ответил Лысый вопросом на вопрос. – У меня лично на то, чтобы следить за ними по очереди. Один спит глубоким сном, и я вместе с ним отдыхаю, а другой следит вполглаза за моими подопечными.

– О, хорошо бы мне научиться этому, – с искренней завистью воскликнул поводырь, он теперь верил всему, что бы здесь не говорилось и не происходило. И, как ни странно, было правильно.

– Такому просто так не научишься. А тебе за чем?

– Я же на земле был охотником, – соврал по привычке Хойгур. При этих словах мудрец и мать одновременно усмехнулись, но промолчали, возможно, посчитали, что он шутит. «Мальчики» тут же перестали шмыгать носами и с удивлением посмотрели на Хойгура. – Ты – охотник?!

– Да, охотник.

– И много ли ты убил дичи?..

– Бывало... – с трудом остановил свою «скалочку» Хойгур.

– Как это страшно и дико! – подавив в себе неприятную для него зависть, громко воскликнул Лысый. – Один убивает другого, чтобы съесть его, как зверь какой. Ну, скажи мне, зачем вы это делаете? У вас же много всякой растительной и иной пищи?

– Ну как зачем? – смутился Хойгур, но, чтобы, как говорится, не потерять лицо, решил и дальше врать, не осознавая бессмысленности своих слов. – Для разнообразия... Каждый день надоедает есть одно и то же.

– Ну и нравы у вас. Даже не от голода, а просто для разнообразия, как ты сказал, вы убиваете живое существо и едите его! – возмущенно воскликнул Лысый.

– Да, мы такие! – прихвастнул Хойгур. Он был доволен произведенным впечатлением, тем, что сумел-таки хоть чем-нибудь поразить «мальчиков», хотя понимал, что обманывает их. Ну не врет, конечно, как бывало прежде, а просто приукрашивает, преувеличивает. И всё же...

– Всё равно нехорошо, и как это дико! Знал бы заранее – я не стал бы с тобой и разговаривать и сидеть за одним столом, – не переставал возмущаться Лысый. – Ах, какая досада. Ужинать вместе с дикарем!..

Такого ответа на свои слова Хойгур явно не ожидал. Поэтому, опешив, не понимал, как дальше себя вести, и как на спасителя постоянно оглядывался на Акола.

– Мне тоже нехорошо... – поддержал брата Лохматый.

– Ну, довольно возмущаться, – вдруг вмешался в разговор до этого молча ужинавший Лао-Цзы. – Все мы – люди... или были когда-то людьми. У людей изначально было много пороков. Вообще человек – существо очень порочное, но не это главное...

– А что же главное? – почти в один голос выкрикнули братья и Хойгур.

– Главное? То, что у человека есть иное, вроде бы безобидное, качество, которое усугубляет его мелкие ошибки, превращая их в крупные, а порой – во вселенские пороки.

– И что же это за качество? – нетерпеливо спросил Лохматый.

– Пристрастность...

– Что-что?

– Речь идет о том, каким смыслом человек наполняет свои деяния, как он объясняет совершенное им. Почти всегда человек любой ценой старается оправдать своё поведение. Корень многих бед и несправедливостей кроется в этом.

– Почтенный, тогда получается, что одной-то правды на земле нет, если каждый видит её по-своему? Но так не может быть! – возмущился Лохматый.

– Ах, какой умник оказывается мой брат, о таких высоких делах рассуждает! – сказал Лысый, и было не определить, шутит он или говорит всерьез.

– Если бы и тебя наказывали зря дважды в день, и ты бы заговорил по-другому.

– А кто же судья неправедного суда? – гневно бросила мать. – Ну-ка, разберемся с пристрастием!

– Нет-нет, мама! Я совсем не тебя имел в виду. Мы с почтеннейшим мудрецом о далеких от нас земных делах рассуждаем.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

– Земных, говоришь? – мать подозрительно посмотрела на сына и успокоилась. – Земные – это да, там всякое творится. Бедные люди... Мне так жалко их! Я каждый день молюсь за них. Ну, да ладно, довольно об этом! Ты зачем со своими глупыми вопросами вмешиваешься? Ты же всё упрощаешь. После твоих наивных вопросов мне становится стыдно. – Мать так строго посмотрела на младшего сына, что тот уже начал подумывать о третьей порции розг. – Сиди и слушай... молча... о чем разговаривают мудрые люди. Ну почему ты у меня таким пустомелей уродился? Видимо, пора менять привычный тебе прутик на более крепкий.

– Нет-нет, мама! Только не это! – взмолился Лохматый. – Отныне я буду молча слушать разговоры мудрецов. А еще... я начну учиться!

– Тогда отложим выбор прутика на завтра.

Между тем гостям стало интересно, кто же этот – «второй мудрец». Было ясно, что Лохматый ненароком опять рассказал о чьём-то будущем.

26. Второй Почтенный за одним столом

Всё прояснилось, когда юная мать с великим почтением и робостью обратилась к молчаливо сидевшему Аколу.

– Что это вы молчите, Белый юноша? Вы, кажется, о чем-то или, вернее, о ком-то хотите спросить у нашего почтенного старца...

– Вы, дорогая, умеете заглянуть не только в душу, но и в мысли человека, – робко начал Акол. – Я, с того времени, как первый раз увидел великого Лао-Цзы, хочу спросить об одном человеке, но не знаю, уместно ли это будет.

– Почему же? Очень даже уместно, – ответил старец. – Вы хотели спросить о генерале Дин Хуне?

– Да-да, почтенный. Правда ли, что вы вместе несли службу на заставе Саньгуань, или это просто легенда?

– Это правда, которая превратилась в легенду, – с большим теплом улыбнулся старец. Он весь преобразился, даже, кажется, сеть морщин разгладилась на лице, а в глазах заиграли озорные огоньки... – Да! Были времена... Сейчас я слушал

ваши нелестные отзывы о земной жизни. Да, там всякое случалось, много там и несправедного и несправедливого, но за долгую жизнь под небесами я ничего сравнимого с земными радостями и откровениями не испытывал. Хорошо здесь, потому что прозрачно, каждый о каждом всё насквозь видит. Поэтому тут не обманешь никого. Но, что бы ни говорили, как бы ни хаяли, на грешной земле счастье и радость всё же есть. И предостаточно...

– А я... я хочу на землю, – воскликнул Лохматый и горько-горько заплакал, ожидая неизбежного наказания.

– Прекрати сейчас же! – прервала его мать, при этом ласково утирая ему слезы. – Ну, сколько тебе говорить? Не встревай в разговоры...

– Не ругай ты его так сильно... Послушайте лучше. Был у меня на земле, когда я служил архивариусом, слуга, узкий кругозор и мысли которого всех шокировали, а для меня он был мерилем неприхотливого человека, с удивительно простым житейским восприятием. Я до сих пор с теплом вспоминаю его. Он остался там, в деревне около заставы Саньгуань, женился. Но это совсем другая история... Вернемся к генералу Дин Хуну. Удивительное дело, он в народную легенду вошел именно как генерал Дин Хун. Вы удивитесь, но в жизни я ни разу не видел его в генеральской форме и при исполнении его должностных обязанностей.

– Как?

– А вот так. Я его видел мальчиком. Сильным, уверенным в себе мальчиком, который ради справедливости мог пойти на что угодно. Мы познакомились на пересыльном пункте, где нас сортировали, куда кого отправлять дальше. Нас было множество, маленьких голодных мальчишек, впервые оторванных от матерей, от дома. Все были одинаково несчастны, но подлая человеческая натура такова, что ищет более несчастного и более неудачливого, чем он сам. Обижая и измываясь над слабым, человек как бы обретает уверенность и ощущение, что он не так несчастен, как унижаемый им. На мою беду, у меня были большие уши, которые всех почему-то раздражали. За них меня и избрали мишенью для издевательств. А будущий генерал Дин Хун,

совершенно не зная меня, сумел противостоять всеобщему стадному побуждению. Мощью кулака и силой духа он сумел защитить меня. Тогда он был, как вы нынче, просто мальчиком. Но совсем не простым мальчиком! Что бы он ни делал, везде проявлял свои недюжинные способности. Да... Каждый силен в том деле, которому посвятил свою судьбу. Со временем он сумел привнести в мои воззрения на жизнь много нового и неожиданного. И это удивительно.

– Не может быть, – вырвалось у Лохматого, по всему видно было, что против его воли. – Как бы нынче ни хвалили Дин Хуна, он же был служакой пограничной заставы. Простым «рядовым» – хоть и генерал. Но таких было и будет еще множество.

– Ты опять? – мать грозно сверкнула глазами, и этого оказалось достаточно, чтобы Лохматый замолк.

– Вот так же иногда думает темный необразованный народ. Ты попридержи свою строгость. Эти мысли, как облака, носятся в воздухе, мальчик всего лишь передает их, вовсе не вникая в их суть. Поэтому я бы его за это не наказывал.

– Нет-нет, почтенный, я и не думала... – сказала пристыженно покрасневшая юная мать. – Я просто взволновалась при упоминании о...

– Я понимаю... Дин Хун – многогранная мощная личность. Одно упоминание о нём до сих пор может вызывать самые противоречивые чувства у тех, кому посчастливилось тесно общаться с ним. Я вот на дню не однажды вспоминаю о нем. Так и приходят на память сказанные некогда им по разному поводу выражения. Иногда даже спорю с ним, хотя рядом его давно нет. Но чаще соглашюсь, получая небывалое волевое и умственное подтверждение сегодняшним своим мыслям.

– Я... я тоже... – воскликнула юная мать и смущенно замолкла.

– Так что высказывание, впервые услышанное нами в темной комнате пересельного пункта: «Таких было и будет множество», – явно ошибочное. К великому сожалению, таких служак, как генерал Дин Хун, чрезвычайно мало рождается. Из-за этой нехватки мир ждет большой хаос от грядущего пересмотра границ.

При этих словах юная мать вскрикнула от восторга, а Акол протяжно про-

стонал. Остальные ничего не поняли.

– Но не будем переживать преждевременно. Всеу своё время.

– Почтенный, нельзя ли уменьшить последствия от этих неминуемых великих бедствий? – спросил Акол. – Или хотя бы отсрочить их начало? Позволить людям подготовиться?

– Отчего же нельзя? Можно. В этом мире всё возможно. Хотя самому человеку это не под силу... Человек может влиять на ход событий только алгысом, эти молитвенные благопожелания очень многое могут изменить.

– Человеку, говорите, не под силу, – в глубокой задумчивости повторил Акол. – Но ведь все катаклизмы, кроме природных, вызывает сам человек. Нельзя ли его переубедить?

– Всё возможно... Но не сейчас. Он пока так приземленно мыслит, что легко поверит в любую нелепость, вздор. Но разубедить его – почти невозможно. Все беды в этом.

Вдруг Лао-Цзы исчез. Все удивленно переглянулись.

– Мы утомили почтенного, – спокойно объяснила всем юная мать, видимо, не впервые сталкиваясь с подобным его поведением. – Это он намекнул, что и нам пора отдохнуть. Завтра вас ждет непростой путь на южный Красный Камень.

Когда мать ушла, четверо мальчиков еще немного посидели, взволнованные серьезностью разговора.

– Какие вы счастливые, что каждый день общаетесь с таким мудрецом, – с явной завистью в голосе сказал Хойгур.

– Нет, ты ошибаешься, он общается с нами очень редко, не то, что не каждый день, даже не каждый год.

– Всё равно, я завидую вам. Я первый раз его слушаю, и то сразу показалось, что стал на голову выше, сильнее и умнее.

– Это говорит о том, что ты очень способный. Возможно, ты станешь большим человеком, а иным и двухсот лет мало для взросления, с кем бы ни общались – все бесполезно... – глядя на брата, съязвил Лысый.

– А сам-то! Сам-то далеко ли ушел? Намного ли умнее меня! – не только обидевшись, а еще явно вызывая на ссору, буркнул Лохматый. Но

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

его Хойгур быстро утихомирил, напомнив об отложенном на завтра выборе более крепкого прутка.

На этом все успокоились и, кто – улыбаясь, кто – сосредоточенно думая, а кто и уже заснув одним глазом – разошлись спать.

27. Путь на юг

Всю ночь шел ленивый дождь, поэтому завтрак пришлось перенести в большую пещеру.

С каждым новым застольем еда казалась всё обильнее и сытнее, хотя блюда по-прежнему состояли всего из нескольких капель густого насыщенного сока и выжимок разных растений. За завтраком количество блюд было ровно сорок. А за ужином в два раза больше.

– Ешьте поплотнее. Сегодня вам предстоит куда более дальний и трудный путь, чем до Синего Камня, – говорил Лохматый. Будучи в хорошем расположении духа, он торжественно объявлял особенности каждого нового блюда. И явно гордился приготовленными угощениями, охотно делился их составом с Хойгуром.

Хойгур с Аколом завтракали вдвоем. Лао-Цзы еще на рассвете отправился на юг, а юная мать побежала по своим нескончаемым делам.

В путь отправились сразу после завтрака. Дождь моросил не переставая. По мокрым камням идти было не очень уютно, ноги скользили, потому шли намного медленнее вчерашнего. Тем не менее, скоро догнали Лао-Цзы. Издали казалось, что он не идет, а ползет по камням. Зачем и для чего он изображал немощного престарелого?

– Ну что, молодые да ранние! – весело приветствовал их мудрец. – Сегодня вы рано встали.

– День дождливый, – ответил ему поводырь. – Идти не просто, а дорога дальняя, засиживаться никак нельзя было.

– Не говори. За день погода, конечно, может еще измениться. Хотя сейчас прохладно и сыро, скоро, возможно, станет душно и жарко. Многие земные расчеты здесь дают сбой из-за того, что часто путают скоропреходящее, мгновенное с вечными ценностями и повторяющимися вновь и вновь действиями.

– Почтенный, а как их различить? На земле всё

перемешано, как глина с песком и камнем. Так же – добро и зло, правда и кривда...

– Именно так... Но ведь если бы всё было иначе, земная жизнь многим показалась бы неинтересной, слишком простецкой. Как ты думаешь? – Лао-Цзы с хитринкой посмотрел на Хойгура.

– Почему неинтересной? – простодушно спросил Хойгур и сразу же сам ответил: – Зато жить было бы намного легче. Из-за этого столько путаницы в мире, и ошибок совершается бесчисленное количество.

– А сам-то ты, живя там, еще в ранней юности понял, что можно извлечь выгоду из этой путаницы! И умело выдавая одно за другое, получал свою мзду. Было такое?

– Бывало... – смешался уличенный поводырь. – Да это уже и забылось давным-давно. Как будто не было вовсе.

– Вот как ты умеешь изворачиваться, хитрец. Знаешь, когда умялять, а в каком случае прибавлять.

– Ну, как же без этого, – глубокомысленно ответил Хойгур, даже не понимая, как смешно это прозвучало из его уст, и продолжил: – Человек всегда защищается, иначе пропадет. Да всё это – мелочи, которые ничего не стоят.

– Из мелочей слагаются великие несчастья. Вот возьми хотя бы Саракумы, переходя которые, ты чуть не погиб. Помнишь?

– Как же, конечно, помню.

– А Саракумы из чего состоят? Не из глыб же камней? – сделал паузу старец. – Из маленьких песчинок. А ты говоришь: мелочи.

– Если так, тогда я великий грешник, – вырвалось у Хойгура, припёртого сильными доказательствами. – А как мне избавиться от них и очиститься?

– Как-как... Осознать грех и больше не грешить, вот и всё. Но, чтобы искоренить его, избавиться от него навсегда, надо вспомнить каждый случай в отдельности.

– Как? Каждый случай?! – с неподдельным ужасом воскликнул поводырь. – Ведь их у меня великое множество – этих случаев, на дно по сотни раз. Я же постоянно врал. Даже когда в этом не было необходимости, врал – на всякий случай. И странно, от этого получал удовольствие.

– А это твое ощущение еще больше отягчает греховность, потому что совершается сознательно.

– О, горе мне! Почему, ну почему я столько нагрешил? Как мне быть?

– Вот-вот, это правильные мысли и слова. Если осознаешь падение и каешься, ты на верном пути, и есть надежда на исправление.

– Мне только семнадцать лет, но я такой грешник, будто мне сто семнадцать.

– Больше, – усмехнулся Лао-Цзы. – Если возраст по грехам определять, то тебе, дорогой, больше, и намного!

Услышав это, Хойгур заплакал от горя. А Лао-Цзы залился странным озорным смехом и вдруг исчез. Как обычно, первым это почувствовал Акол и подергал посох, так он всегда извещал об опасности или предупреждал о чем-то необычном. Поводырь, вытирая слезы, оглянулся. Старца рядом не было...

– Чудеса! Нету его. Он исчез, испарился, растаял в воздухе!

– Ничего, – сказал Акол. – Мы увидим его у Красного Камня.

– А как ты почувствовал его исчезновение?

– Сам не знаю. Просто вдруг ощутил пустоту.

– А вчера ты мне говорил, что над нами два гуся пролетели... Откуда ты это взял?

Я, может, и видел, но не придавал этому значения.

– Я слышал шум крыльев, и это точно были гуси. Их было два.

– Ну и слух у тебя! А вечером, когда возвращались, ты говорил, что уже слышал четырех пролетающих гусей? – спросил Хойгур.

– Да, вечером было четыре гуся. Думаю, утром Учитель над нами пролетел в облике гуся со своим денщиком, который остается для нас невидимым в целях безопасности.

– А вечером почему их было четыре?

– Наверное, с ними были высокие сопровождающие лица.

28. Почему выбрали меня?

Тем временем небо прояснилось, выглянуло солнце и, как предсказал Лао-Цзы, стало тепло и даже чуть душновато от испарений. Камни быс-

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

тро подсыхали, и мальчики пошли значительно быстрее.

– Скажи, Акол, значит, в этом мире мы видим не всех, да?

– Конечно. Не только в этом, но там, внизу, на земле тоже. Хотя там намного реже, чем здесь, невидимые существа бывают рядом. Вы их не видите, а я чувствую их присутствие в пространстве.

– А я никогда не верил в такие рассказы.

– Да, ты такой... – вздохнул Акол.

– Какой – такой?

– Не верящий ни в добро, ни в бескорыстие... Их ты считал слабостью и глупостью. Потому ты всех всегда безжалостно обманывал, даже тех, кто тебе помогал, кто верил и жалел тебя. Почему ты так делал?

– Я никогда не верил в добро и добродетель, и, правда, считал их недостатками... А делающих добро сознательно – дураками. Только здесь я понял, почему никогда никого не жалел, – поводырь помолчал и подвел итог, повторив еще раз: – Потому что никому не верил.

– Хойгур, твоё признание – для меня большая радость. От неверия были все твои несчастья и неудачи. Я это прекрасно понимал. А сильные люди нашего, среднего мира, судили о тебе по твоим поступкам, поэтому очень сопротивлялись, когда я выделил тебя из многих.

– Так почему ты выбрал меня? Из жалости?

– Не это было главным.

– А что же еще? Почему для такой трудной дороги ты выбрал самого ненадежного из всех вызвавшихся в поводыри?

– Ну, что ж... – замялся Акол. – Сейчас мы уже в Высшем мире, где можно открыть некоторые секреты.

– Давай присядем, – они остановились на зеленом лужке. Акол, что-то прошептав, заговорил: – Выбор поводыря был одним из главных решений, определивших успех всего пути. Я не мог это сделать самостоятельно.

– Значит, за меня замолвил слово сегун или У Хуан?

– Нет. Никто из земных не был за тебя.

– А что, ты и на земле общался с высшими духами?

– Не прямо, как сейчас, а через сны или вспыш-

ки неожиданных мыслей. Я всегда четко различал свои мысли, которые сам продумал от начала до конца, и привнесенные извне, до которых сам никогда не смог бы додуматься, – Акол некоторое время помолчал, а затем продолжил: – И вот по нескольким знамениям я понял, что высшие иерархи выбрали тебя...

– Меня? Такого? Никогда в это не поверю!

– Это твое право – не верить. Неверующий обманщик был избран в поводыри как самый подходящий. Я тебя знал с самых малых лет, ты постоянно обманывал меня. Я позволял это делать. Мне было жаль, когда Бабыр ловил тебя на нечестности и за это лупил. Я про тебя знаю всё. И то, что в пути ты обделял меня, выбирая себе кусочки побольше и повкуснее. Но я понимал, что это справедливо, ибо от тебя в пути требовалось больше сил.

– Какой ты мудрый и духовно возвышенный, а я – низкий и подлый. А ты меня, такого негодного, продолжаешь защищать и жалеть, – поводырь заплакал. Слезы потекли по лицу, и он вдруг понял, что раньше редко плакал. Случалось это только от сильной обиды, и тогда слезы всегда жгли щеки. А теперь вроде и повзрослел, но стал чаще плакать, но слезы уже не жгли как прежде, они словно омывали, очищали его душу. После слез он всё чаще стал чувствовать в себе облегчение. – Знаешь, Акол, как мне горько осознавать свою былую низость. Кажется, я всегда чувствовал это, но сейчас впервые... – слезы помешали ему завершить начатую речь.

Вся полнота ощущений поводыря передавалась Аколу через посох, который странно дрожал и от напряжения нагревался. Ему было очень жалко Хойгура, которого он хотя и не видел, но понимал, что поводыря словно выворачивает всего изнутри.

Наконец, Хойгур успокоился и еще дрожащим голосом спросил:

– Если иерархи меня предпочли, значит, усмотрели во мне то, чего я сам о себе не знаю?

– Именно так.

– А я думал, что всё знаю о себе. И всё это было таким неприглядным, что махнул на себя рукой, считая, что ни на что хорошее не способен, коли натворил столько подлостей. И... наверное, от

безысходности продолжал делать гадости.

– Всё это в прошлом. А что же теперь? Сейчас ты веришь?

– Я в сомнении и смятении. Если в меня поверили высшие иерархи, может, я не совсем конечный человек.

– Я очень и очень рад за тебя, Хойгур. Наконец-то ты перестал упорствовать, не желая что-либо понять и принять. Ты так долго был убежден, что все вокруг врут, что никак не мог сойти с тропы лжи.

Они встали и пошли. Хойгур, неожиданно для себя, с удивлением и некоторым благоговением оглянулся на лужайку, которая стала свидетелем его слёз.

Солнце стало заметно припекать, но путники, наоборот, прибавили ходу. Хорошее настроение способствовало этому.

– Ты не устал? Может, ещё немного и присядем, перекусим? – спросил поводырь.

– Нет-нет! – сразу же, не задумываясь, возразил Акол. – Смотри, скоро дойдем до Красного Камня.

– Пока никакого Красного Камня впереди нет. Откуда ты опять знаешь, что мы рядом?

– Мне так кажется.

– А не могли мы пройти мимо? – вдруг забеспокоился Хойгур, вглядываясь налево и направо, и даже оглянувшись назад. Но Красного Камня нигде не было.

– Нет! – твердо и уверенно сказал Акол. – Он – впереди.

По всем признакам наступил полдень. Тень стелилась небольшим ковриком прямо под их ногами. Они уверенно шли строго на юг – на солнце. Впереди возник небольшой перевал. Приближаясь к нему, Хойгур с волнением начал всматриваться, а не покажется ли за ним долгожданный Красный Камень. И, к удивлению своему, увидел за перевалом его макушку.

– Вижу! Вижу! Наконец-то! – закричал Хойгур и, отпустив посох, побежал вперед.

Красный Камень возник во всем великолепии – весь озаренный солнечным светом. Перед камнем сидел коленопреклоненный Лао-Цзы в глубоком забытии и что-то беззвучно шептал.

Только увидев его, поводырь понял, что бро-

сил слепого друга, и оглянулся со страхом, боясь увидеть его распластанным среди валунов, но Акола нигде не было... Хойгур от испуга еле смог вздохнуть, но тут его кто-то окликнул. Каково же было удивление поводыря, когда он увидел Акола уже сидящим у камня рядом со старцем...

29. У Красного Камня

Поводырь опустил рядом с ними, и сознание его вдруг затуманилось. Он погрузился в странное состояние, похожее на полусон. Но это не было сном. Наоборот, мысли его лихорадочно рождались и, как маленькие тараканы, разбежались по четырем разным направлениям.

Думая о том, насколько сильно он был поражен видом Красного Камня, Хойгур сразу же вспоминал, как, оставив слепого, помчался навстречу долгожданной цели. Даже в прошлой, полной грехами жизни, ни к чему он так не спешил, бросая слепого. Сознательно притворяясь – да. Было. Впервые так случилось, когда пришлось спастись от волчицы Оу. Обдуманно бросил он тогда на произвол судьбы Акола. Ужасный поступок, великий грех. Но что теперь делать? Повторилось это совсем скоро: в ночной тьме устремился он в полубреду назад, опять же со страху спасаясь от неминуемой, как ему казалось, гибели. Если бы он не вернулся тогда к Аколу, это стало бы еще более жутким грехом – предательством.

На эти мысли наслаивалось размышление о судьбе его несчастного рода Хантасов, вынужденно переселенного хуннами в степь. О характере его соплеменников, в основу которого в далекие века камнем легла обида. Обида на обстоятельство, на судьбу, на главных виновников всех их несчастий – хуннов. Но главная их обида затмевала все прежние, потому что винили Создателя, что тот допустил все их несчастья.

На фоне столь тяжелых размышлений по-новому подумалось вдруг о несчастной матери, которая безумно любила его, и, расставаясь с ним, вместе с благословением на опасный путь дала ему страшное, жуткое по своему содержанию напутствие:

– Самое главное, сынок – жизнь твоя. Вернись

живым. Это самое главное. Ради этого ни перед чем не останавливайся. Ради этого, если надо будет врать – ври, надо будет предавать – предавай, убивать – убивай. Я тебя родила, дала тебе жизнь ради того, чтобы ты выжил. Я разрешаю всё это делать. Ничего не бойся. Нет Бога Тэнгри, нет и греха... Ничему, никому, никогда не верь...

Переживая за мать и свой народ, он вернулся к раздумьям о себе. Даже не о себе лично, а о своих грехах. Но их было так много, что перечислить, объять их все оказалось невозможным. И тут почему-то ему вспомнилась одна из поездок к реке. Он вышел к берегу неудачно, через густо заросший бамбуком луг, невозможно было пробиться к реке, чтобы зачерпнуть воды.

Его душа была переполнена огромным количеством совершенных им грехов, и он понял, что она похожа с той рекой. Но как ему вспомнить каждый свой грех? Он же не смог тогда пробиться сквозь заросли, хотя надо-то было всего лишь тропку пробить. А это не тростинки, а грехи – все-все. Невозможно пересчитать, перебрать каждый грешок-тростничок!

Хойгур снова залился слезами. Это вывело его из состояния отрешенности и позволило ему, немного успокоившись, оглядеться. Красный Камень стал насквозь прозрачным и словно излучал теплый огненный свет изнутри. На этот раз Акол сидел с закрытыми глазами – очень сосредоточенный, тело его было напряжено, как тетива на луке. Он что-то нашептывал. Губы слегка шевелились. А сам он дрожал, будто от холода.

Старец сидел неподвижный, застывший, даже волосы на голове не шевелились, хотя вокруг камня вились четыре вихря. Они вели себя как живые существа, на почтительном расстоянии кружась вокруг молящихся и не тревожа их.

Поводырь закрыл глаза и забылся на время, а когда открыл глаза, старец о чем-то беседовал с Аколом. Лао одними глазами дал понять Хойгуру, что пора ему совершить подношение у подножия Красного Камня, что он и сделал: подвесил цветные ленточки на волосяной веревке и на круглом камне, похожем на тарелочку, положил заранее заготовленные кусочки сушеной рыбы, мяса и хурта – от всего по четыре.

В это время Хойгур краем глаза заметил, как

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

заволновались, засуетились вихри, а всё же, кружа вокруг, близко не подходили.

– Мальчишки, сегодня я устал, пойду потихоньку впереди вас. Мне бы надо еще прилечь перед дорогой... Хороший день выдался... – добавил старец. – Особенно для Хойгура.

Поводырь удивленно взглянул на Старца, а тот в ответ улыбнулся. В этот миг Хойгур раскрыл рот от удивления, да так и остался стоять, глядя на Лао, не отрываясь. Сквозь Старца ясно просвечивались очертания Красного Камня. Не успел он понять, что это такое было, как Старец, становясь всё прозрачнее, исчез из глаз окончательно. В это время посох в руках Хойгура задрожал и дернулся. То ли сам по себе, то ли Акол дал ему какой-то знак.

– Что случилось? – не скрывая своего возбуждения, спросил он.

– Ничего особенного, – попытался Акол успокоить Хойгура.

– Ты просто не видел, как Старец стал прозрачным, а я сквозь него увидел Красный Камень...

– А затем Лао исчез... – продолжил слепец рассказ поводыря с таким видом, будто наблюдал всё собственными глазами.

30. Свое место

Вечером их с тем же нетерпением ожидала семья в привычном составе: юная мать с двумя, на вид старыми, сыновьями.

Ужин удался на славу. Жаль только, что Хойгур, как ни пытался мысленно представить все оттенки чувств и вкусовых ощущений, которыми восхитили его эти необычные блюда, чтобы запомнить и рассказать о них потом на земле, сделать этого всё-таки не смог.

Семья эта отличалась от привычных Хойгуру тем, что за всем происходящим за столом и с гостями во время еды внимательно следили – за каждой, вроде бы незначительной мелочью, чрезвычайно ревностно и точно определяя, что понравилось, а что не очень. С одной стороны, не очень удобно было есть под таким пристальным вниманием, с другой же – было чрезвычайно приятно оттого, какое значение придадут здесь еде, которая, по земным меркам, едой вовсе не

была. Травяные настои и выжимки размером с капли росы.

Настроение сегодня у всех было приподнятое. Лохматый заговорщически подмигнул Хойгуру. Видимо, подтверждая возможность провести его на полянку, на которой он под руководством матери делал целебные настойки.

За ужином Старец сидел рядом с Аколом. Они о чем-то тихо переговаривались. Хойгур из простого любопытства хотел было вслушаться, но из отдельных слов, долетевших до него, ничего не понял. По всему было видно, что сокровенные беседы были о сложных, может, даже сложнейших вещах и понятиях.

Теперь Хойгур твердо знал свое место – место поводыря. Как говорил его вновь обретенный «учитель» из Кехары, помнить свое место – великое благо, ибо многие люди, не находя своего места, маются, зря проводя дни и годы жизни, или занимая чужое, вступают в бесполезные и ненужные стычки, зря растрачивают силу, пыл души, жизнь. Хотя, как он говорил, большинство людей не знают своего места и потому маются в его поисках.

Хойгур по-первости нервничал в должности поводыря, ему казалось, что он достоин более солидного занятия. Но теперь думал, что совсем неплохо устроился. Именно он – поводырь – благополучно привёл сюда своего господина. А кроме этого, Хойгур знает своё место и не лезет с безмерным любопытством невежды рассуждать о сложных понятиях, в которых ему всё равно не дано ничего понять. Не его ума это дело.

А еще он был горд, что, будучи всего лишь поводырем, сумел пробиться в недостижимый почти для всех внизу Верхний мир. Повторяя себе, как заклинание: сюда допускаются только избранные. Получается, хотя он всего лишь поводырь, но тоже в некотором смысле может считаться «избранным».

А если даже не совсем «избранный», то уж точно принадлежит к их окружению, даже ужинает с ними, сидя плечом к плечу. А это уже многое значит для знающего свое место.

Оказывается, как только определяешь свое место, понимая и принимая все его достоинства и недостатки, то сразу исчезает множество недо-

вольств и обид, отравляющих душу. Удивительное дело, когда смиряешься со своим положением, пропадает желание борьбы за лучшее место под солнцем, которого и без борьбы всем хватит, а понятие «лучше – хуже» – лишь видимость, ибо солнце идет по кругу, и всё, что в тот или иной миг жизни находится «под солнцем», постоянно меняется.

31. Как делают таинственные настои

Мысли Хойгура прервал Лохматый, кивком головы пригласив поводыря идти за ним. И только он хотел незаметно уйти, как вскинулся Акол, хотя в это время они что-то очень горячо обсуждали с Лао-Цзы:

– Ты куда? – и, не дожидаясь ответа, заявил, словно зная цель его стремления и без слов: – Я пойду с тобой... Это важно для меня.

Поводырь привычно схватил посох, который в очередной раз странно задрожал.

– Почтенный, – обратился Акол к Лао-Цзы, – мне сейчас надо идти, а разговор наш продолжим завтра, хорошо?

– Конечно, дорогой... – с готовностью согласился Лао-Цзы. – То, что вам сейчас покажут, надо хотя бы раз в жизни обязательно увидеть своими глазами. Некоторые вещи, чтобы глубже понять, нужно потрогать, иные увидеть, а третьи попробовать на язык, ощутив их вкус, – сказал Лао-Цзы выразительно, и внимательно взглядевшись в поводыря, подтянул его к себе и шепнул ему на ухо: – Он намного точнее и яснее видит, чем мы с тобой... Мы различаем только очертание и приблизительный цвет, а он – самую суть.

Мальчики последовали за Лохматым. Пройдя совсем немного, они добрались до поля с небольшой речкой и прозрачным озерцом. На берегу возвышался длинный, мастерски украшенный самоцветами каменный стол, заставленный множеством сосудов, напоминающих неглубокие круглые чашки.

– Вот здесь у нас настойки из различных горных целебных трав, о которых мы вам столько уже наговорили, – сказал Лохматый.

– А что это за необычные одинаковые тарелки? – поинтересовался Хойгур.

– Это вовсе не тарелки, а верхняя кость от человеческих черепов.

– Откуда столько черепов?! – воскликнул удивленный поводырь.

– Это черепа таких же паломников, как вы, но менее удачливых, – то ли в шутку, то ли всерьез ответил Лохматый.

– Неужели иных сосудов не нашлось?

– От сосудов многое зависит. Именно в таких черепках и должно настаивать.

– Но почему?

– Откуда мне знать! Многое мне неизвестно. На меня мать возложила простые, но очень важные обязанности – вовремя подмешивать составные части и следить за ходом настаивания. А я, грешным делом, иногда отвлекаюсь и чуть-чуть запаздываю. Из-за этого мне и попадает.

– А, вот в чем дело! Теперь многое для меня прояснилось...

– Эти лекарства для долголетия? – спросил Акол.

– Да всякие тут найдете, в том числе и для этого.

– Махтал тебе, за то, что ты показал, как эти лекарства делаются, – сказал Хойгур и добавил со свойственной ему наивностью и неглубиной мысли: – Наверное, это держится под большим секретом. Но теперь я всё знаю, и если я благополучно вернусь домой, то разыщу череп и тоже начну делать лекарства.

– Никакого секрета!

– Почему?

– Эти настойки настолько сложно делать, что никто из живущих в вашем мире не сможет повторить подобное. И у тебя ничего не получится.

– Не усложняй, я знаю, что настойки очень просто делаются. Надо найти соответствующие травы, коренья, а затем их высушить и настаивать. Ну, чуть-чуть другие получатся, но это ничего.

– Глупости, как всегда, говоришь!.. Что ты ведаешь в этих вещах? Даже я, столько лет с матерью занимающийся ими, ровным счетом ничего не смогу даже отдаленно повторить! Эти разные травы, листья и коренья собираются в строго определенное время: и на рассвете, и днем, а есть те, которые собираются на закате солнца. Многие из этих трав у вас вовсе не растут.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

– Ничего, я соберу их по пути, а некоторые закажу у горных жителей Харатая. Говорю тебе, я сделаю, пусть не очень точно, но обязательно подобной силы, а может, даже мощнее.

– В этом деле самое главное – это «чуть-чуть», та малость, благодаря которой всё и получается. Эту главную составляющую ты знать не можешь.

– Что это ещё такое? – гордо заявил Хойгур. – «Чуть-чуть» – не считается.

– А вот и нет! Если ты даже соберешь все травы, а потом чуть ошибешься в составе или уровне просушки, у тебя ровным счетом ничего не получится!

– Но «что-то» же получится? – не унимался Хойгур, забывший в этот миг обо всём на свете, кроме своей гордыни.

– Да, «что-то», конечно, получится, но это будет просто сок или напиток, похожий на морс, – Лохматый, чувствуя, что самоуверенного, недалекого поводыря поставил на место, от души захохотал. – Ты же неуч еще! Притом – полный! Надо же, «чуть-чуть» не считается у него. Еще как считается! Это у вас там, в Среднем мире, возможно, иногда и так, а здесь все держится на точных измерениях: ошибись на миг или на волосок – уже мимо, уже совсем иное, даже чужеродное. Вот, смотри на меня: я же понимаю, что не только выгляжу старше брата, но и на самом деле старше его, хотя младше на целых шестьдесят лет. И старше собственной матери, которая родила меня в сто шестьдесят лет.

– Не может быть... – в крайнем недоумении воскликнул Хойгур и поискал глазами Акола, чтобы удостовериться, что он тоже слышал эти слова.

– Такого не может быть в вашем Среднем мире, а здесь, в Верхнем мире, всё иначе, – произнёс Лохматый с достоинством. Величие его за дело самолюбие Хойгура, но он нашелся, как ему ответить достойным образом, вспомнив подслушанные беседы Старца с Аколом:

– Точность – это хорошо. Но когда даже «благое дело» начинает возвышаться над всем остальным в жизни, это – совсем плохо. Всё должно быть в меру. А сверх меры – уже тошно. Не так ли, дорогой мой?

– Да-да... – задумчиво ответил растерянный

Лохматый, вдруг поняв, что и сам зарвался. – Я согласен, ты где-то... кажется... говоришь дельные вещи.

– Вот как ты заговорил, «прохиндей горный». Все-таки видно, что ты не совсем пропавший, а еще можешь исправиться, – повторил Хойгур слова, несколько дней назад сказанные ему самому.

– Да? А я вот забыл, что значит это выражение – «прохиндей»? Надеюсь, это хорошее выражение, не так ли?

– Конечно! – решил подшутить над Лохматым Хойгур, – «Прохиндей» – это тот, который всегда, при любых обстоятельствах остаётся в выигрыше.

– Это хорошо. Тогда я согласен стать прохиндеем. Здесь, на мой взгляд, вообще скучно жить, потому что надо следовать доведенным до явной нелепости требованиям духовной чистоты. Если бы ты знал, как здесь неинтересно! Ни пошутить, ни разыграть никого невозможно. Все про всё заранее знают. Поэтому я, если мать отпустит, хочу уйти с вами...

– Не знаю, что тебе сказать. Издалека всё кажется намного лучше, чем в действительности. В нашем Среднем мире, может интереснее, но, если честно, очень трудно жить.

– А почему же? Мне кажется, честно везде можно.

– У нас тоже можно жить честно. Но... Но постоянно будешь попадать впросак. Голая правда – она может оскорбить или обидеть человека, поэтому приходится приукрашивать, причесывать, прикрывая неудобные миру, выпирающие края. Только так... Именно с этого приукрашивания начинается враньё.

– Странно, если так, – Лохматый сильно озадачился услышанным. – Я, всё же, не верю тебе. Вижу, что ты малый с двойным дном. Хоть ты и молод, но сразу видно, что бывалый типчик.

– Не верить – твое право. Я и сам до недавней поры был из числа никому и ничему не верящих, ко всему относящихся с недоверием. Но на той стезе ничего не добился. На неверии ты далеко не уедешь, – с искренней горечью усмехнулся Хойгур. – Наш мир сложен и многогранен, всякого там нагляделся. Но самое страшное – другое:

там ловкие люди всегда норовят жить за счет честных.

– Каким же образом?

– Очень просто. Где – обманом, а в большинстве случаев – по законам, выдуманному богатыми и влиятельными людьми. Они или силой подомнут под себя, или, ссылаясь на закон, легко закабалят тебя.

– Как же это возможно, когда всё насквозь видно?

– Это только у вас здесь так. А у нас правда так глубоко сокрыта, что никто ничего не знает, можно, конечно, догадываться, подозревать, но на это хозяевам жизни наплевать.

– А, вот в чем дело! Теперь многое прояснилось, – воскликнул Лохматый. – Так бы и сказал сразу, что у вас невозможно видеть человека насквозь, понимая причину его поступков. Это же великолепно. Ушлому человеку интересные горизонты открываются. Это очень влечет меня! Значит, там такие дела можно провернуть! Как здорово.

– Ничего интересного, – отрезал Хойгур. – Хотя ты живешь в Верхнем, то есть более совершенном мире, но – ты хуже меня! Ты даже не безумец, а – слабак для нашего мира...

– Ты что, хочешь со мной помериться силой? Я тебе докажу сейчас же, кто из нас сильнее! – не на шутку рассерженный Лохматый потрянул рывками космами и принял стойку для борьбы.

– Слушай меня внимательно, – продолжал увещевать его Хойгур. – Дело в том, что наш Средний мир весь снизу доверху стоит на обмане.

– Но почему тогда люди продолжают верить друг другу? Ну, можно обмануть раз, два, но на третий-то раз должны же разумные люди догадаться.

– Ничего подобного!

– У вас что, одни глупые люди живут?

– И это есть, но не в этом суть. У нас любой обман не так очевиден, как у вас. Поэтому на нём всё и держится. Умельцы с его помощью успешно продвигаются вверх, сколачивают состояния, управляют родами, народами, государствами...

– Не может того быть! – озадаченно крикнул Лохматый, затем он посмотрел на Акола, молча слушающего их, и обратился к нему: – Ну, а ты

что молчишь, скажи что-нибудь, подтверди или опровергни слова своего поводыря-прохиндея. По моему мнению, он, разыгрывая меня, врёт самым бессовестным образом.

– Ты хочешь услышать правду о Среднем мире? – тихо спросил Акол.

– Да-да, именно правду... самую правдивую правду.

– Правда очень редко бывает такой... у нас.

– Как это? Правда-то всегда одна-единственная. Она или есть, или её – нет...

– У нас истина многолика и сложна...

– Такой «истины» не может быть! Или – не должно быть! – возмутился Лохматый.

– Так устроен наш мир. В нем всё намешано-перемешано – и правда, и «не очень правда», и «голая ложь». И не нам судить про это, так как цель такого мироустройства нам не ведома.

– Если ты недоволен нашим миром, обращайся к Создателю Тэнгри, – улучив минутку, вставил Хойгур. – Он тебе даст по голове или поперек спины, и, надеюсь, не прутиком, как твоя мама, а чем-нибудь покрепче.

На этом мальчики разошлись спать, кто в глубоком раздумье, а кто – посмеиваясь над незадачливым собеседником.

32. Кто более слеп?

Стояло хмурое, облачное утро.

После скорого, но плотного завтрака сразу отправились в дорогу. По словам Лысого, Старец ушел еще в сумерках. Следом за ним отправились на запад Лохматый с матерью. Правда, им нужно было немного в сторону от Белого Камня, именно там были лучшие места для сбора ягод и целебных трав.

Дождя, к счастью, не было, но навстречу путникам дул влажный и прохладный, насквозь пронизывающий ветер. В дороге Хойгур принялся вслух рассуждать о странном Старце, в надежде получить от Акола объяснения многим мучающим его загадкам:

– Почему он, вроде бы совсем немощный, передвигающийся с великим трудом, не всегда пользуется своими необычными возможностями? Он же, не затрачивая столько сил, запросто

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

преодолевают большие расстояния, превратившись в гуся. Полетал немного, и спокойно отдохнешь. Полежал в своё удовольствие, а потом ближе к полдню прилетел к Белому Камню вместе со всеми своими сопровождающими лицами.

– Не знаю... Поэтому ничего определенного сказать не могу, – спокойно ответил ему Акол. – Я хорошо слышал, как он кряхтел и тяжело дышал, не притворяясь. Старец каждый раз так упорно пешком преодолевает значительную часть пути, хотя имеет иную возможность. Думаю, если он так всегда делает, значит – так и надо... Мы с тобой многого не понимаем, хотя бы по молодости лет. Давай не будем судить вслепую о том, чего не ведаем.

– Хорошо, коли так. Но если бы я умел летать, как он, то совсем не ходил бы пешком, – сказал с тоской Хойгур и задумался над невзначай сказанным Аколом словом «вслепую». «Незнание, непонимание, тупость и глупость намного хуже слепоты... Слепой, хоть и не видит, но в зависимости от того, что и как слышит, размышляя и сравнивая, может понимать очень многое. Вчера у Красного Камня и позавчера у Синего Камня Акол общался с теми, кого зрячий вроде бы Хойгур не только не видел, но и присутствия даже не ощутил. И кто из нас более слеп? Во многих случаях оказывалось, что «слеп» – он, а не Акол. Было же с ним в пути, когда, заснув на ходу, шел к обрыву, и всего за шаг до пропасти его остановил Акол, резко дернув за посох. Ощущение такое, что посох становится живым существом и предупреждает их об опасности!

В мире, и в этом и в том, столько неизведанного, непостижимого, удивительного! А он, Хойгур, всё это прежде отрицал, не вникая в суть вещей. Сколько же в нём самоуверенной спеси! Всё отметал со словами: «не верю», «не может быть»... И надо же, в таком самоуверенном дураке Высшие силы усмотрели нечто особенное, позволив ему стать поводырем великого человека.

По выработанной в дороге привычке шли споко и слаженно. Акол после предыдущих откровений отмалчивался, какие-то мысли томили его, на вопросы отвечал односложно, чем-то недовольный, выглядел подавленно, но делиться переживаниями не хотел. «В чем дело? Сам на себя

не похож...– задавал себе тревожные вопросы Хойгур. – Ведь всё, что задумали, почти достигнуто. Удивительно горячий прием оказала им эта семья долгожителей.... А еще посчастливилось познакомиться и побеседовать с самим Лао-Цзы. Такая великая удача достается только редким избранным. Они в их числе. Что же еще надо простому смертному?

Явно, что Акол озабочен чем-то более серьезным. Но чем? Какие мысли его гнетут? А может, он ощущает отзвуки далеких грядущих событий?»

Стоило Хойгуру подумать об этом, как Акол сразу отозвался, прочтя его мысли и посчитав, что необходимо внести ясность:

– Ты прав. Я чувствую грядущие события. Страшные беды постигнут многие народы неисчислимых стран. Начало несчастьям этим положено давно... Многие годы за первенство борются китайские царства. Царство Цинь победит, а затем его армия вытеснит хуннов из Ордоса.

– И когда постигнут хуннов эти беды?

– Уже началось... Но этого пока никто не понимает. То, что творится сейчас, будет иметь в будущем огромные последствия. Но самые главные события произойдут намного позже – четыре, шесть, семь веков спустя...

– Да ну! Хорошо, что так далеко до этого, – Хойгур облегченно вздохнул и махнул рукой. – Нашел о чем печалиться.

– Как же не печалиться? Изменится облик всего мира... Погибнут миллионы людей. Почему ты так равнодушен к человеческим страданиям?

– Потому что в ту пору меня уже давным-давно не будет на свете. И зачем я сегодня должен горевать о том, что, возможно, произойдет через семь веков?

– Ну и черствый же ты...

– Честно говоря, меня не очень волнует даже то, что произойдет через семь лет. До этого жить да жить. Через семь лет мне исполнится двадцать четыре года. При удачном стечении обстоятельств я успею жениться и народить детей – двоих, четверых. А может, и больше. – Тут Хойгур осекся. Он чуть было не сказал: «Может, к тому времени я стану правителем Саратая». Но, взглянув на Акола, понял, что тот успел прочитать его

мысли. Сразу же охота дерзить отпала, и тема разговора сменилась:

– До сих пор нашего Старца не видать.

– А он уже сидит у Белого Камня.

– Уже?

– И он уже начал молитву. Давай прибавим шагу.

– Конечно, можно и прибавить. Но сегодня мы запаздываем, а Старец раньше пришел или прилетел, – сказал Хойгур, а сам про себя с завистью подумал о способности Акола читать чужие мысли: «Вот бы мне такое. Тогда там – на земле – я всех бы обвел вокруг пальца. Это не прохиндействовать, это намного серьезнее занятие. А еще в игорных делах очень бы пригодилось! Можно будет свободно читать чужие карты! Это же большие деньги принесет!»

– Прекрати! Прекрати сейчас же, – строго прервал Акол его греховные, но сладкие для поводыря мысли о возможном «сказочном» будущем.

– Что такое? Я же молча иду.

– Но ты... Ты же всю дорогу про непотребные дела мечтаешь.

– А что, отныне даже свободно думать запрещается? – возмущенно ответил задетый за живое Хойгур. – Прямо всё здесь нельзя. Теперь, оказывается, не смей даже думать.

– Ты же вроде хотел исправиться, измениться, отказаться от прошлой греховной и беспутной жизни?

– Да, конечно, я и сейчас хочу. Это моё твердое решение.

– И ты просил меня помочь в этом. Так?

– Да... Но при чем тут мои мысли? Поступки – да, но мысли-то...

– А притом, что многие поступки, в том числе и греховные, совершаются сначала в мыслях, и только затем – в действительности, в жизни.

– Ну и дела... – Хойгур, остановившись, озабоченно почесал затылок. – Теперь понятно... Раньше я не связывал воедино мысли и поступки. Но если вдуматься, оказывается, так и есть. Хотя контролировать свои мысли я пока не могу. Они сами выбирают себе тему, меня не спрашивая. И что делать с этим, мне не понятно.

– Хочешь исправиться – сначала очисти свои

мысли, чтобы в них не было ничего греховного.

– Но ведь чаще всего не удается контролировать свои мысли. Ощущение, словно тебе кто-то сторонний подсовывает чуждые желания, идеи. Откуда всё это берется?

– Аджарай и его подручные нашептывают. Только расслабишься – они тут как тут. Он так в этом деле преуспел, что скоро окончательно сумеет завладеть умами людей Среднего мира. И это будет – настоящая беда.

– Ах, какой он подлец! – воскликнул Хойгур, возмущенный от души, но про себя мелькнула мысль: «Откуда этот Аджарай так хорошо знает именно меня и все мои слабости?», но сказал совсем другое:

– Я буду стремиться гнать такие мысли прочь, – и решительно дернул за посох. Путники продолжили движение.

Вскоре Хойгур почувствовал дрожание посоха и сразу понял: совсем немного осталось до Белого камня.

Так и получилось. Белый Камень был огромен. Он возвышался впереди, заслоняя собой полнеба. Он не был монолитен, как Красный и Синий, а казался слеplен каким-то волшебником из камней разных размеров оттенков и цветов, и кое-где оброс мхом. Вблизи он оказался еще куда более пестрым, чем виделся издали. А подходя, Хойгур увидел его ослепительно белым.

У подножия священного камня сидел Лао-Цзы с закрытыми глазами. Акол, отпустив посох, самостоятельно подошел к Старцу и сел рядом.

Хойгур, постелив на булыжники кошму, разложил подношения и стал присматривать места для саламы. Скоро на ветру заиграли разноцветные кусочки шелка, преображая и оживляя окружение Белого Камня, явно привлекая к себе внимание восторженных вихрей, которые во множестве заплясали вокруг.

33. Думы о грядущих бедах

Поводырь с удивлением смотрел на своего слепого господина. Акол очень сильно изменился за последние несколько дней. Если раньше почти всегда он был бездеятелен, никак себя не проявляя, то теперь, если даже по-прежнему

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

лишь молча слушал, то постоянно ощущалось его живое присутствие. Акол стал всё чаще участвовать в общих разговорах и даже в спорах, как это было вчера и позавчера.

А сегодня он рассказал о грядущих мировых бедствиях, которые вызовут хунны, вытесненные китайцами с Ордоса. Хунны однажды поднимутся и уйдут, как говорится, на все четыре стороны света. Все те, кто поедет на север, восток и запад – уже и не вернуться. Они растворятся: кто в заснеженных просторах Севера, кто в лучах восходящего солнца, кто в голубых сумерках заката. Все пропадут, изменившись до неузнаваемости, потеряв память о предках, и вместе с ней – себя...

Страшно сказать – уйдут и не вернуться. «Барса Кэлмэс⁵» – в Великой степи столько мест с таким названием известно. Это темные, загадочные места. Не зря люди, опасаясь, обходят их стороной. Это и загадочные горы, где бесследно пропадают люди, и необжитые, девственные острова в великих озерах – байхалах, и даже зеленые оазисы в пустынях, такие привлекательные внешне, но пугающие путников своей недоброй славой.

И подобная участь – уйти, кануть в веках без возврата – выпадает хуннам. Странно. Как это великие, даже величайшие из великих, уйдя, могут не вернуться? Кто посмеет их остановить или задержать, если задумают возвратиться? На свете нет еще такого народа и государства, которое бы не покорили хунны.

Почему они не смогут вернуться? Не может быть...

Хотя, если правду говорят, что в Среднем мире всё возможно, то почему бы и нет?.. Пока на свете еще не было другого народа, который смог бы хоть в чем-то судьбоносном превзойти хуннов.

С другой стороны, всё, что касается хуннов, не должно волновать его – Хойгура. Его род самостоятельный. Даже если они выдумывали себе иное происхождение от обиды на хуннов, но продумано в этой родословной всё до мелочей, и история особой побочной линии в том числе. Так обида на хуннов, якобы разрушивших благополучную жизнь их рода, с годами породила особый народ. Никогда никто из них не вникал в при-

⁵ Барса кэлмэс – место, откуда нет возврата.

чину переселения в степь. Мало уже кто помнил, почему была остановлена зажиточная жизнь на горном перевале. Обида многое стирала в памяти и всё предопределяла в их сознании. Они с самого рождения ненавидели хуннские традиции и всё, что с ними связано. Живя в хуннском Иле, тайно радовались его неудачам, работали, не сильно стараясь преумножить общий достаток, существовали, словно переживали время, зная наперед, что когда-нибудь всё изменится: хунны растворятся на путях-дорогах, а они вернуться на свой перевал и обретут утраченное счастье.

А теперь, когда Хойгур узнал о грядущих бедах хуннов, он вдруг почувствовал кровное единство с ними. Он знал, что все племена, пусть в самом начале и не имевшие никакого отношения к хуннам, с годами совместной жизни в Иле обязательно вовлекались в единое хуннское пространство языка, культуры, сознания и навыков.

Кроме того, все инородные присоединенные племена, несмотря на их внутреннее мироощущение, а порой и недовольство имперской политикой, считались хуннами. Оказывается, мало значило, кем какой народ себя считает. Куда важнее – кем тебя считают враги, в случае чего они не преминут воспользоваться твоим национальным беспамятством, и твоей государственной беспомощностью и возросшей разрозненностью.

34. Барса Кэлмэс, или Да здравствует душа!

Что-то изменилось и в самом Хойгуре. Он прекрасно понимал, что совсем недавно если бы услышал про грядущие беды хуннов, то, в лучшем случае, не обратил бы внимания, а в худшем – испытал бы душевное удовлетворение и радость от неудачи, постигшей всесильный народ. Но теперь он услышал внутри непривычный, поэтому незнакомый отзвук сочувствия и сопереживания. Никогда в жизни он не испытывал подобного, да и вообще, оказывается, до сих пор не ощущал в себе душу... Просто слышал, знал, что существует что-то «такое», по его упрощенному представлению – некий мешок или сосуд, похожий на бычий пузырь для хранения сушеного мяса и рыбы.

Но, оказывается, помещаясь в его груди, душа

как бы существует сама по себе независимо от тела, и теперь его душа то ли проснулась, то ли ожила и заняла, обеспокоенная такими далекими от него грядущими хуннскими бедами. А хунны вокруг очень разные. Они живут на многие тысяч ли вокруг. На этих огромных просторах есть и те, кто называет себя хуннами из-за временных выгод и предпочтений, но и они – хунны, и эту принадлежность, как говорят, нельзя отмыть даже водой.

И народ этот многолик, даже разный у них цвет волос и глаз. Есть совершенно светловолосые и белокожие хунны, таков род Акола, а есть красноголовые, как он – Хойгур, а есть – черноволосые и смуглые. Но все они считаются хуннами по главным признакам: близости языка, по схожему образу жизни, и самое важное – по душевному складу и жизнеустройству.

35. Верхний мир: ощущения наблюдателя

Удивительные, незнакомые внутренние переживания испытывал Хойгур, находясь в Верхнем мире. Внизу, в Среднем мире, он ни о ком другом, кроме матери, и не думал, да и любые мысли о ней были связаны с ним самим.

Оказывается, до сих пор он жил только своими интересами. Иных переживаний у него не было. Главным чувством, впитанным с молоком матери и подкрепленным словами близких людей, была обида на хуннов, на судьбу, на провидение и, наконец, на Бога Тэнгри, который позволил свершиться этой несправедливости. Всё прочее кружилось вокруг этой основополагающей мысли, как в хороводе.

Многое предопределила в жизни его рода эта обида. Во-первых, она оправдывала любые неблагоприятные поступки в отношении обидчиков-хуннов, она внутренне их освободила от сковывавшего желания и действия предков ощущения греховности. Что бы ни сделали они во вред хуннам, не было ни сожаления, ни жалости, а одно только злорадство и сладкое чувство отмщения.

В Верхнем мире он понял, что только вблизи люди различаются, разделяясь на семьи, рода,

племена. А при взгляде издали всё сливается в одно целое, с одним общим обликом и именем. Отсюда все они – единые хунны, пусть и с взаимоисключающими друг друга мыслями и шевелюрами разного цвета.

Вот почему Хойгур распереживался от дум о печальном будущем хуннов. Просто он четко понял, что как бы он ни хотел, но их будущее, так или иначе, касается и его самого...

Бесконечно стоять в стороне и наблюдать, как с горы скатывается снежная лавина, понимая, что на твоих глазах безобидный снежный ком превращается в смертоносный поток, сметающий всё на своем пути, – наблюдать и делать глубокомысленные выводы всю жизнь не удастся. Однажды станешь и ты участником, а кто-то будет лицезреть твою беду.

Как обычно расселяются люди? Властные и богатые – ближе к воде, а кто послабее и победнее – где придётся. Про лавину, которая обрушилась однажды на весь Ил, рассказывала ему мать с обычным злорадством. «Небожители» блаженствовали у самого берега, в двух шагах от живительного потока. Их-то – несчастных, в первую очередь и унёс сель, погребя навсегда под толстым слоем камней и грязи.

А чернь, которая жила повыше? Её вода пощадила. Они плакали от счастья после такого чудесного спасения. Впрочем, надо заметить, куда больше они злорадствовали. Таковы были их нравы, что даже рассказывая об этом через много лет, мать становилась от воспоминания о чужом несчастье удивительно счастливой. Такой радостной Хойгур ее никогда не видел.

36. У Белого Камня: лед неверия тает

Тем временем облака рассеялись, и показалось солнце, быстро покидающее зенит. Под солнечными лучами Белый Камень преображался на глазах, разные оттенки драгоценных вкрапленных от светло-голубого до темно-синего цвета заиграли бликами во всю силу в зависимости от угла попадания на них солнечных лучей.

Хойгур с восхищением любовался игрой све-

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

та. И опять поймал себя на мысли, что никогда не замечал подобные мелочи, не вникал в такие тонкости природы. Успел он заметить, что и Акол с широко открытыми глазами уставился туда же, словно он мог видеть и тоже восхищался красочными переливами. Особенно ярко отражались в его глазах блики от вкраплений Белого Камня, странные отсветы придавали несвойственное выражение его незрячим глазам. Хойгура как-то неприятно передернуло от этого. В прямом смысле видеть он, конечно, не видит, но всё же нечто невидимое для них, которое излучает белый Камень, он, скорее всего, ощущает яснее. И это было заметно.

Хойгур довольно вздохнул. Как много открылось ему в эти дни! Медленно, но верно началось в нем коренное преображение. Раньше он ни за что не поверил бы в возможность подобного изменения, изначально отменяя все перемены. Когда же он начал избавляться от воинствующего неверия, не только мысли, но и его поведение преобразились. Хойгур еще продолжал думать над упоительными по смыслу открытиями, когда неподвижно сидевший Лао-Цзы открыл глаза, взглянул на него, и мальчик прочел в них одобрение.

И всё-таки Хойгур внутренне содрогнулся от взгляда мудреца, прекрасно понимая, что он означал. Не очень-то уютно, когда слышат твои даже самые светлые мысли, не говоря уже об иных. Желая, скрыть своё радостное возбуждение, он выпалил первый пришедший в голову вопрос:

– Почтенный, скажите, каким вы видите будущее? Много ли страданий нас там ожидает?

– Дурачина! Так тебе всё и выложили... – услышав над ухом шепот Лохматого, Хойгур от неожиданности вздрогнул всем телом.

Он и не заметил, как Лохматый подошёл к ним с матерью. Хойгур с великим трудом удержался от подзатыльника Лохматому, но тот, прекрасно понимая, о чём думает поводырь, на всякий случай отскочил на безопасное расстояние.

– Одним словом не ответишь, – отозвался Лао-Цзы, не обращая внимания на дурачества подростков. – Много там и радости. Но всё же – печали куда больше.

– Почему так?

– Этого никто не скажет, кроме самого Создателя. А он любит человека, доверяет ему. Порой, кажется, излишне. Человек по своему волюю своему не справляется должным образом с доверенными ему возможностями. Как только он ощутит в себе силу, всё ему нейдет. Словно с ума сходит: немедленно хочется ему перекроить весь окружающий мир, переделать под сиюминутные нужды, под себя любимого, не считаясь с интересами никого вокруг.

– Неужели? – спросил Хойгур.

– Всё он хочет улучшить, преобразовать. И никак не поймёт, что, улучшая, можно навредить. Так бывает, что, спасая, иногда губишь.

– И что же тогда делать? Как обустроить земную жизнь, чтобы всем было хорошо?

– Не надо вообще вмешиваться, не нужно спасать и преобразовывать. Оставьте, как оно есть в своём естестве, как было. Но у человека короткая память, за одну жизнь он неспособен ничему научиться, из-за этого веками ходит по кругу.

– Почтенный, тогда получается, что люди Среднего мира по большому счету... дураки? – наивно спросил пораженный открытой ему истиной Хойгур, тут же вспомнились подобные определения народа из уст Окуна – его «учителя» с зеленого острова Кюэх Ары.

– Ну почему сразу дураки? – усмехнулся Лао-Цзы. – Конечно же, разные бывают люди. Есть среди них и достигшие великих прозрений в познании мира. А «дураков» – как ты их называешь – как раз мизерное количество.

– Тогда почему они ведут себя как стадо овец без пастуха? Они слишком часто поступают совершенно неразумно, стоит только собраться толпе.

– В отдельности каждый человек по-своему личность, со своим сложившимся мнением, своим неповторимым видением жизни, понимания общества. Кстати, сейчас ты очень к месту вспомнил слова бывшего правителя Саратая – Окуна. Он много чего говорил нелепого, сомнительного и неверного, но то, что он сказал о народе... Я бы задумался над этими словами, хотя не совсем согласен с ним. Надо помнить, что он выдающийся хитрец и прохиндей.

Услышав выражение «прохиндей», Хойгур озадаченно почесал затылок. Но быстро сумел собраться с духом и спросил:

– Как же так? При наличии немалых выдающихся личностей народ в общей сложности становится иногда наивным, как малый ребенок, и в итоге принимает глупейшие решения. Почему?

– Не знаю, как тебе ответить. Но замечу, что ты очень верно и к месту вставил одно слово: «иногда». Ты сам задумайся над этим. Как раз «иногда» многое возможно: и прозрение, и затмение.

37. Средним мир: кто им правит?

В это время Лохматый, незаметно подкрavшись, хотел в очередной раз подурачиться, но его прервал строгий окрик матери:

– Прекрати мешать высоким разговорам умных людей!

Хойгур, услышав слова про «умных людей», где его, можно сказать, поставили если не рядом, то очень недалеко от самого Лао-Цзы, лишился дара речи. К его радости, этого никто не заметил.

– Потому что этих самых «умных людей»... – тут Лао-Цзы хитро подмигнул Хойгуру, – очень редко признают и слушают. А в основном всеми делами Среднего мира заправляют, к нашему великому сожалению, пройдохи, подобные твоему саратайскому другу и «учителю».

– Ну и дела!.. – воскликнул пораженный услышанным Хойгур. В его голове вертелась мысль: «Не может быть!» Но он опять сумел сдержаться.

– Нам пора назад, – сказал почтенный, – солнце уже клонится к западу. Надо успеть вернуться до темноты.

Акол, не проронив ни слова, встал с колен, протянул посох поводырю, и они двинулись в обратный путь. Старец и мать с сыном остались. Все сегодня были немного в подавленном состоянии. Один Лохматый был весел и всё норовил строить рожи Хойгуру. А тот в ответ показал кулак. Сегодня Хойгур уже знал, что скоро они в облике гусей пролетят над ними. И задумал он сосчитать, сколько их будет, чтобы хотя бы предварительно знать количество «сопровождающих лиц». Как и ожи-

далось, над их головами вскоре пролетела целая стая. Она так быстро промелькнула, что Хойгур успел насчитать лишь десяток гусей. Значит, «сопровождающих лиц» было семеро.

Хойгур не хотел Аколу рассказывать про гусей, но, как всегда, его выдали мысли, а может, и посох.

– Что, пролетели наши?

– Да, но не трое, а целая стая. Наши ли, не знаю.

– Ты не успел их сосчитать?

– Нет, – соврал с расчетом Хойгур, отчего ему стало жутко стыдно, что он сам удивился: с чего бы это? Это же безобиднейшая мелочь. Раньше и не такое вытворял, но никаких неудобств от этого не чувствовал, не то что стыда.

– Акол, можно спросить?

– Да, слушаю.

– Там, у Белого Камня, сколько их было?

– Кого?

– Невидимых...

– Странно, ты их присутствие не должен был ощутить.

– Так сколько их там было?

– Семеро...

– О, точно! – радостно воскликнул Хойгур.

– Что – точно?

– А то, что гусей было всего десять! Значит, наших трое и тех – семеро. Всё сходится.

Акол покачал головой и опять ушел в свои невеселые мысли о грядущей судьбе китайцев и хуннов.

Внутренние перемены ни в себе, ни в своем окружении Хойгур раньше никогда не отмечал. Просто не имел такой привычки. Мир казался ему неизменным, раз и навсегда данным. Конечно, понимал, что растет и из года в год взрослеет. Замечал, что постепенно менялось и отношение людей к нему. Они становились требовательнее, может, потому, что поручали ему более сложные, взрослые дела.

Лишь у матери было к нему особенное отношение. Когда он был маленький, он радовал ее одним только своим присутствием, она была счастлива, что не одна в этом мире, а рядом есть родное существо. Но когда он достиг подросткового возраста, она стала безотчётно бояться не то что потерять его, а просто даже на время разлучиться с ним.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

Она придумывала для себя всевозможные жуткие картины его будущей жизни: любимого Хойгура – такого красивого, умного, во всём превосходящего всех, – заберут на войну, где он, если не сгинет без вести, то точно пропадет безвозвратно, посвятив свою жизнь не ей, а ненавидимым хуннам. «Бедная, – думал Хойгур. – Любовь к единственному сыну сводила ее с ума. Ей казалось, что все земные беды существуют на свете только для того, чтобы обрушиться на голову её дорогого сыночка, и она рано или поздно обязательно потеряет его».

Хойгур окончательно расстроился, вспомнив о своей несчастной, вечно недовольной и озлобленной матери. Ныне наступали для него судьбоносные дни, когда определятся главные смыслы его дальнейшей жизни и будет выбрано направление пути. Кем он будет? Что его ожидает на земле? Неужели опять – то же, что и было? Он не хочет возвращения к прежнему – унылому и безнадежному – существованию. Но что делать?

Он легко представлял себе, как они вернутся домой и будут встречены общим ликованием. Их не просто похвалят, но и осчастливят подарками: лошадьми и баранами. Хорошо, ну, возвеличат... А потом что? Неужели он так и останется всю жизнь поводырем, пусть и уважаемого человека? Теперь ему хочется чего-то существенного, значительного, нового. Может, принять предложение Окуна? Но это такая безрассудная затея, у которой один конец: погибель. Если повезет и успеет вовремя убежать – будет всю жизнь прятаться от наемных убийц, что тоже не очень прельщает. Пусть даже он останется богатым и здоровым.

Его могут в качестве невиданного прежде, особого поощрения принять в армию, куда стороннего человека, не прошедшего особую многолетнюю подготовку и не принадлежащего ни к одному из главных родов, не подпускают и на выстрел. Но мать, которая дрожит за его жизнь, не допустит этого!

Бедная мать! Чем ее можно осчастливить? Она несчастна потому, что привыкла жить с выдуманной вселенской обидой на хуннов. Не получится у нее смотреть на жизнь глазами счастливого сына, а не сквозь туман черной ненависти. Она свыклась, сроднилась с обидой. Для нее неуютно станет в

мире без присутствия этой боли. Хойгуру иногда начинало казаться, что выдумка эта столь же дорога для нее, как и сын. Конечно, каждый вправе воспринимать мир как ему заблагорассудится, но зачем же опираться на совершенно надуманное. Надо было просто посмотреть без предубеждения на последствия переселения, не говоря уже о честном признании важности причин. Неужели она не видит, что на новом месте многие переселенцы устроились намного лучше прежнего, воспользовавшись обретенной возможностью возделывать новые земли и заняться привычной торговлей.

Хуннов не только можно понять, а нужно принять их решение. Они пеклись о благополучии не маленького рода, а о судьбах десятков и сотен подобных народцев, жизнь которых напрямую зависела от безопасности караванов на тракте. Если позволять кому-либо брать мзду на каждом перевале по своему усмотрению, то вся торговля пойдет прахом. Пребывание здесь очень многое прояснило Хойгуру, словно он был прежде слеп, и вдруг по чудесному мановению увидел жизнь со всеми ее трудностями, закономерностями, уложениями и непререкаемыми истинами. Не просто увидел, а принял её такой, как она есть.

38. Люди Среднего мира: СИЛА МЫСЛИ

Оказывается, люди Среднего мира сами себе создают трудности, нагромождая вокруг себя надуманные, безосновательные препятствия. Они ходят вокруг, стонут, страдают, не желая понять, что это всего лишь химеры. Из-за этого возникают столкновения, часто перетекающие в войны. Так народы по собственной воле бросаются в пропасть междоусобиц. И всё это при поддержке большинства людей, одураченных выдумками.

Тут возник в голове давно мучавший его вопрос: «Возможно ли образумить и удержать их хотя бы от части стычек?» Хойгур подумал так сам! И испытал восхищение собой. А кем же? Он-то себя хорошо знает, подобная мысль не могла, ну никак не могла родиться в его голове прежде.

Раньше он мог думать только о себе или о своем ближайшем окружении. Кто он был такой еще

вчера? Самая высшая ступень в его прошлой жизни – «ученик прохиндея».

А тут мысли обо всём человечестве. Удивительно и непостижимо... если даже они совершенно беспочвенны и бредовы, всё равно – здорово. Как он изменился, оказывается.

Не зря это подметил даже Лао-Цзы. Сам же он до этого мгновения никаких перемен в себе не ощущал.

При явных внутренних изменениях кое-какие прежние глубоко укоренившиеся пороки всё равно сохранились, и даже стали выпирать – как горб на спине. Так, небольшое, внешне безобидное враньё, поданное в виде вроде бы безобидной шутки, раньше проходившее без каких-либо последствий, стало доставлять ему странное удовлетворение, хотя вроде бы он понимал, что опять нагрешил, искренне сожалея о содеянном.

В это время мысль его прервал Акол, повернувший голову так, что слепые синие глаза смотрели прямо в глаза Хойгуру и, казалось, видели всё-всё. От этих мыслей Хойгура прямо передернуло и он, запинаясь от волнения, спросил:

– Что? Ты что-то хотел спросить у меня?

– Спросить? Нет. Хотел сказать.

– Хорошо, я слушаю тебя.

– Не думай, что я вторгаюсь в твои думы. Но я невзначай услышал их вот только что...

– И?.. И что же? Как они тебе показались?

– Мне они очень понравились... Тебе удалось вычленить главное, что там – на земле – люди сами себе придумывают трудности, сами создают поводы для столкновений, которые затем перерастают в войны. Это прекрасные мысли, они хороши своей искренностью и правотой. Как ты додумался до таких откровений?!

– Честно признаться, это не мои мысли... Не мог я до таких истин дойти сам.

– Как же?

– А просто так... Эти мысли каким-то образом извне ворвались в мою голову. Я тут ни при чем.

– Это никак не умаляет твоих достоинств. Хотя ты скромничаешь – не знаю, по расчету ли, или просто так... – Акол усмехнулся. – Но я знаю, что такие мысли могут посетить только головы избранных.

– Значит, я... Такое ничтожество с самого ро-

ждения, такой врунишка, подлая душонка и предатель, а еще ученик прохиндея...

– Ты говоришь про себя верно, – Акол был очень серьезен. – Всё – правда. Но есть одно «но»... Всё это в прошлом, из твоего минувшего. А теперь наступают иные времена, новые оценки былых и нынешних деяний. Я надеюсь, что ты понимаешь меня.

– Понял... Понял, почтенный... – заплетающимся языком ответил Хойгур.

Но что он мог понять, этот вчера еще ничтожнейший из людей? Только слова ему были знакомы. Но что в прошлом? Что в настоящем? И кто он сегодня? И есть ли кто-то, разбирающийся во всех земных запутанных историях?

– Ты не ставь перед собой неразрешимую задачу, – прервал Акол ход мыслей Хойгура. – Эти сложнейшие понятия невозможно усвоить с ходу. Главное, постарайся запомнить, впитать в себя: что, где и как происходит! Придет день, наступят иные времена, и многое, если не всё, прояснится. Всему свое время. Надо уметь дожидаться своего часа. Тогда и закрытые наглухо двери отворятся.

– О, как хорошо ты всё объяснил. А я такой нетерпеливый. Мне надо всё и сразу. Из-за этого, наверное, все мои сложности.

– Теперь у тебя начинается... Нет, это слишком смело сказано и, пожалуй, рановато. Скорее, начнется в обозримом будущем, а ныне только зарождается новая жизнь, совершенно иная судьба, – задумчиво произнес Акол, думая уже о чём-то своем. – Ты меня обрадовал своими проникновенными мыслями и беспощадной честностью перед самим собой в оценке своих грехов и ошибок. Правда, ты опять преувеличиваешь их значение, на самом деле большинство из них незначительны и безобидны.

39. Разговор о Дин Хуне и границе, объединяющей и разъединяющей

Все уже сидели за круглым сандалыб и ждали юношей. Почему-то сегодня лица были расстро-

⁶ Сандалы – стол, вытесанный из сандалового дерева.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

енные, а хозяйка время от времени тайком утирала слезы. Паломники пришли в самом начале разговора, или им так показалось.

– Ты была у него? – тихо спросил Лао-Цзы.

– Да... Поэтому немного задержалась, да к тому же этот провожатый мой не поспевал, – мать бросила на младшего сердитый взгляд.

– Ну, как он там?

– Стоит и смотрит на запад, куда скоро уйдут и сгинут без возврата его хунны. А он еще многие века простоят в бесконечном, безнадежном ожидании.

Хойгур ничего не понял и осторожно шепотом спросил у Лохматого, сидящего рядом:

– Это о ком она?

– Да... Это давным-давно окаменевший старей-престарей генерал какой-то. Ну, стоит, и пусть стоит, чего его жалеть, да еще страдать из-за него, тоже мне, любит она всякие выкидыши... А меня, родного сына, не жалеет. Мне трудно было угнаться за ней, я же еще маленький. Сил маловато.

– Ничего, дорогой, ты скоро вырастешь, – успокоил его Хойгур. – Потерпи каких-нибудь пару сотен лет.

Тут дрожание посоха предупредило, что не время сейчас для пустых разговоров.

– Нет ничего хуже, чем забавы ради оживлять неодушевленные камни. Кому, зачем это надо? Высшие иерархи, оказывается, тоже любят поиграть, – сказала расстроенная юная мать. – Однажды играючи вложили в камень на перевале душу. А он взял да ожил! Ужас... Мы – люди, сколько бы ни жили, как бы ни мучились и ни страдали, всё равно все ограничено нашей земной телесной жизнью, которая прекращается с уходом из бренного тела и этого мира. А человеческая душа, вложенная в камень, почти бесконечно будет страдать чуть ли не всеми человеческими страстями, мучиться ожиданием, сострадать, любить, ждать, надеяться. И всё это в течение многих десятков веков. Почти вечно он будет нести свою службу, воображая, что охраняет границу, которая живущими в будущем будет перенесена и забыта, а он останется следить за нею, изо дня в день всматриваться в этот проклятый Запад – прибежище всякой нечисти и прочих враждебных сил.

– Бедный мой друг и однокашник Дин Хун! – тихо произнеся это, сокрушенно вздохнул Лао-Цзы. – Ему, должно быть, неприятно, что его жалуют.

– Скорее всего. Это не в его характере. Он и при жизни был человеком с каменными принципами и убеждениями. Но я не могу... – запнулась юная мать. – Не могу я его не жалеть! Скажите, как не замечать все тяготы и лишения бесполезного бдения? Чему служит? Зачем? Для чего?!

– Тяготы и лишения? Они неотъемлемые части его служения. Он любил свою службу. Всегда был и остался примером верности долгу и чести.

– Но его земная жизнь на самом деле была ужасом, а не жизнью. Он же от всего человеческого отказался ради этой проклятой границы. Она исковеркала жизнь не только ему, а всем нам, не только нашим семьям, но и целым народам, то разъединяя родных, то соединяя врагов. И всё это делалось насильно, всегда, словно острым клинком, по живому режется, по душам, по судьбе, по моему сердцу... – юная мать не смогла договорить, зарывав. Сыновья бросились ее успокаивать, младший поднес какие-то капли.

– Хорошо, что он там не один, – тихо произнес Лао-Цзы как бы про себя.

– Да, их там несколько генералов, и хорошо, что они все из его последователей, которых он воспитал, – успокаиваясь, сказала юная мать. – Они могут сменять друг друга.

В это время внимательно слушавший весь разговор Хойгур заметил, что у нее на лбу и в уголках глаз и рта от переживаний проявились глубокие морщины. Сквозь юную свежесть на лице вдруг проступили усталые черты зрелой женщины.

– Вот видите, не всё так плохо. В любом деле можно найти что-то приятное. Мой друг не только любил службу, он вообще настолько был предан идее служения, что весь растворился в ней, – сказал почтенный и, медленно окинув взором сидящих за столом, продолжил: – Хороший разговор сегодня у нас состоялся о моем сослуживце. Знаете, почему?

– И почему же? – спросил Хойгур, подумав, что старец обращается именно к нему.

– А потому, что при разговоре этом присутст-

вовали незаурядные, а в последующем – выдающиеся слушатели.

– Да? Это хорошо! – восторженно сказал Лохматый, конечно, принимая всё на свой счёт. – Совершенно верно!

Он стал возбужденно оглядываться, как бы проверяя, все ли почувствовали, что он превосходит всех присутствующих. Строгий материнский взгляд вернул его на землю. Почувствовав свою ошибку, он сразу сник. При этом Лысый, часто бегающий к своим каменным башенкам, сверяя через них далёкие земные дела и слышавший всё вполуха, успел подметить «падение» обманувшегося брата и показал ему свой непомерно длинный красный язык.

– Поговорили славно, хотя кое-кому и разбредили старые раны... Пора и честь знать. Добрый сон перед завтрашней дорогой на север к Черному Камню не помешает никому, – сказала почти успокоившаяся юная мать.

Хойгур всё время внимательно наблюдал за ней и отметил, что постепенно успокаиваясь, она снова стала принимать прежний, благоухающий юной свежестью вид. Морщины на лице бесследно исчезли, вместо них проступил румянец юности.

40. Небожители: будущее и прошлое вне нашего интереса

Утро снова оказалось хмурым. Небо было затянуто туманной пеленой, похожей на облака, было неуютно от сырости. Поэтому опять пришлось завтракать в пещере.

Лысый – человек веселый и легкий на подъем – в этот день был почему-то особенно расположен к общению. Эта его непоседливость создавала ощущение, что он всегда всё полуслышал. При этом очень напоминало некоего рода сосредоточенность с постоянным вслушиванием во что-то явное для него одного. Хойгур давно понял, что просто он всё время следил за своими каменными столбиками, которые мерно покачивались в лад с какими-то далекими, неизвестными ему –

обычному поводырю – размеренными чередованиями.

Лысый пристально следил за каждой башней. Если замечал какие-то отклонения, сразу подбегал к ним, внимательно взглядевшись, старался поправить, а затем, если мать была рядом, шепотом сообщал ей очередную новость. Она в ответ чаще всего равнодушно кивала, изредка лишь проявляя слабый интерес, и тогда что-то переспрашивала.

На вопрос Хойгура, действительно ли покачивания башен имеют особый смысл, Лысый ревностно воскликнул:

– Еще бы! Иначе бы я не корпел денно и ночью над ними. Они отзываются на каждое значимое земное событие, например, такие, как сход лавины, наводнение, засуха и холода...

– А о человеческих деяниях по ним можно узнать?

– В первую очередь отразятся: войны, перемены в государствах, то есть события, которые, так или иначе, задевают судьбы многих людей. Даже эпидемии различные...

– А будущее они могут предсказать?

– Будущее и прошлое вне нашего интереса.

– Как же так, это же интересно: узнавать о прошлом всё, что захочешь, или про будущее. Всякий хотел бы хоть в полглаза увидеть, что его ожидает.

– А зачем всё это? – отмахнулся Лысый. – Зачем знать прошлое, если его уже нет. Ну, случилось и случилось, оно – прошло, и нечего его ворошить. Надо сегодняшним днём жить, радоваться нынешним радостям. И будущее неинтересно. Зачем переживать за то, чего еще не случилось? А может, и не случится никогда. Кстати, часто так и бывает.

– Ты лучше про себя подумай, мудрец! – обиделся на него Хойгур и решил перейти в атаку. – Намудришь и будешь вечность мучиться, переживая за мнимые опасности будущего или ошибки прошлого. Меня коришь за любопытство, а сам-то ты счастлив, живя только нынешним днем?

– Как видишь, – Лысый расплылся в широкой счастливой улыбке и весело подмигнул Хойгуру. – Мы с тобой одного поля ягоды. Так?

– Нет... Не хочу я с тобой расти на одном поле.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

Мне скучно с тобой будет. Если тебя послушать, то получается, что нет ни прошлого, ни будущего, – резко ответил ему Хойгур.

– Жить надо пока живется. Радоваться сегодняшнему дню. Что может быть лучше? – почти вдогонку выкрикнул Лысый паломникам и остался возле своих предсказателей настоящего. Акол опять промолчал.

В путь отправились вдвоем. Мать с младшим сыном давно убежали по своим нескончаемым многочисленным делам. Старец тоже, как всегда, ушел совсем рано и незаметно для всех.

– Вы там будьте осторожны, – эти слова Лысого были почти еле слышны. – Север – это исчадие Аджарая. Сегодня его посланники обязательно будут среди невидимых сопровождающих и встречающих.

– Ты не бойся, – успокоил его Акол, приостановившись, улыбнулся и, подпернув посох, последовал далее за поводырем, рассказывая ему, подробно и не спеша, всё, что знал о Севере. – Север он, конечно, сложен, но не так однозначен, как ты думаешь. Да, там обитают нечистые, но там же в тени и холоде зачинается и всё новое. Там слагаются из прошлого и настоящего ростки далекого будущего. В недрах Севера таятся неизведанные тайны Вселенной.

– А как они – эти нечистые – могут проявить себя? – спросил Хойгур, почему-то сразу поняв, что Лысый своим пожеланием стал зачинателем этого разговора совсем не случайно. – Какие козни они могут нам устроить?

– Ты, прежде всего, следи за своими мыслями. Потому что вначале именно в мыслях, в самых тайных неуловимых помыслах зарождается всё доброе и злое, всё благое и греховное...

– Я часто увлекаюсь сомнительными делами. Признаю свою слабость в этом, особенно в повышенном интересе ко всяким новым, а на самом деле сумасбродным замыслам.

– Хорошо, что ты последовательно продолжаешь признаваться в своих слабостях. Значит, скорее всего, устоишь перед испытаниями.

– Должен устоять. Теперь просто обязан! Если сегодня всё благополучно завершится, то конец нашим испытаниям, да?

– Да... Надеюсь, что так и будет. И уже завтра

мы сможем отправиться в обратный путь – домой.

– Как хорошо! Я так соскучился по земле, по матери...

– Хорошо, наверное, иметь мать, а я свою и не помню совсем. Даже не могу представить ее руки, ее запахи, голос... – печально промолвил Акол.

Хойгур только теперь понял, что допустил очередную глупость, не к месту вспомнив мать. Странно, он до сих пор особо не вникал, что при всем внешнем благополучии внуки сёгуна Турара – полные сироты. Отец умер до их появления на свет, а мать – вскоре после родов. И всю жизнь они, видимо, сознательно избегали разговоров на эту тему.

Бабыр, брат Акола, человек сурового нрава, с подчиненными часто и грубоват. На своем высоком посту он не мог показывать свои переживания. Акол же вроде бы и мог, но все свои чувства хранил за каким-то отстраненным молчанием. Он редко вступал в разговоры и, казалось, что часто вообще не слышал их, погруженный в свои раздумья. А ты ему говоришь-говоришь, на деле – улаживая этой болтовней лишь себя.

41. У Черного Камня. Соотношение трех миров

Стоило только Хойгуру подумать, когда же они дойдут до Черного Камня, так он сразу неожиданно возник перед ними, перекрывая дорогу. Возле него сидел Старец с закрытыми глазами. Губы его еле шевелились в молитве. Хойгур решил, что следует обойти камень и расположиться с другой стороны, чтобы не мешать Лао-Цзы, но Акол остановил его:

– Не ходи туда, за Камнем – обрыв. Оставь меня рядом со Старцем, – шепотом произнес Акол.

– Хорошо, – ответил ему поводырь, приняв знание слепца как должное: «В этом мире всё возможно». В последнее время он привык, что слепой, находясь за его спиной, намного точнее чувствует любую опасность впереди.

Совершив обряд подношения подарков и развесив разноцветные салама, Хойгур опустил пе-

ред Черным Камнем на колени и, закрыв глаза, постарался начать молиться. Но голова была пустой... ни в мыслях, ни в душе ничего не было.

– Проси... – услышал он незнакомый, сторонний голос.

– О чем? – не понимая, с кем говорит, ляпнул поводырь встречный вопрос. Сегодня он не знал, о чем просить. Вместо этого полезли непотребные мысли о греховной земной жизни... Хойгур удивился: что это с ним?

Вспомнилось предупреждение Акола о нечистых силах... Конечно же, это они подбивают его к искушениям. Значит, это исходит со стороны, а не от него лично. А если так, то ему надо постараться не поддаваться искушениям и устоять, не сойдя с верного пути. Подумал так, и стало легче. Оказывается, великое начинается с малого. Многое меняется в жизни в тот миг, когда человек начинает отличать своё и внешнее, чуждое, враждебное ему, порожденное греховным началом. Теперь он это не просто будет знать, а никогда не забудет...

– Отсюда начинается путь к Истинным Ценностям, – услышал он.

И тут Хойгур вспомнил главный свой вопрос, тревоживший его от самого оазиса Кюёх Ары:

– Что я буду делать, вернувшись на землю? Какому делу посвятить жизнь?

– Стоящему... Настоящему... Истинному...

– Но какому?

– Ты сам должен будешь выбрать собственный путь из нескольких предложенных Высшими силами достойных путей. Решать только тебе...

– Как же я выберу правильно, если ничего не смыслю, и не понимаю, что значит «истина»... Я же могу ошибиться.

– Да, ты можешь по ошибке вступить не на тот путь... Опасность в том, что в вашем Среднем мире всё возможно. Совсем недавно ты был не прав, относя эти слова к нашему – Верхнему – миру. В Верхнем мире многие неверные поступки, а уж тем более непотребные – невозможны изначально. В этом главное отличие Верхнего мира не только от Среднего, где царит полный хаос, но и от Нижнего, в котором невозможно обнаружить ни благих, ни благородных, ни святых дел.

Эти слова заставили Хойгура пересмотреть многие свои взгляды. Особенно он озадачился со-

отношением трех миров. Если вдуматься, то получится, что вся его прежняя земная жизнь прошла под звездой Аджарая. И мать его, с великой обидой на все и вся смотрящая, тоже была под его влиянием.

Раньше он в такие вопросы никогда не вникал, наверное, потому, что у хуннов нельзя было все упоминать не только самого зловредного и ужасного Аджарая, но и вообще поминать все черные силы. Думать о них, значит, оживлять то, что подлежит забвению, передавая им жизненную силу и возможность влиять на действительность, тем самым делая их участниками происходящего на земле.

Вот он и не вникал, послушно следуя сложившейся за века традиции. Этим не только попустился, но и сам не раз попадал под влияние нечистых. Теперь же, познав эти секреты, он был раздираем внутренними сомнениями о своем будущем.

– Что делать? Какую стезю выбрать?

– У тебя уже есть путь, – услышал он мягкий вкрадчивый голос. – Хороший, надежный путь под руководством опытного, мудрого поводыря.

– А зачем мне поводырь, я не слепой.

– В новом, незнакомом деле все слепо идут, поэтому часто ошибаются в выборе направления движения.

– Вы имеете в виду бывшего правителя Саратая – Окуна? Так он же прохиндей...

– Он – мудрый человек. К тому же, ты дал ему слово. Он поверил и ждет тебя, со своей башни высматривает. Ты – его последняя надежда. Верь ему, он точно сумеет провести тебя к трону.

– Не хочу я быть правителем бандитского Саратая! Там недолго усидишь на троне...

– Никто в вашем мире не сможет существовать вечно, ни на троне, ни в услужении. У вас всё – конечно по времени, всё ограничено в пространстве, всё-всё имеет свой предел. Хочешь, я тебе скажу самую главную ценность вашего мира? Ты думаешь, это ум, мудрость, власть, честность, преданность? Всё не то.

– А что же?

– Богатство. Если ты будешь богатым, сотни мудрецов, честных, преданных, будут работать на тебя, ты сможешь купить любую власть, все на-

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

слаждения и удовольствия мира станут доступны тебе.

Тут Хойгура осенило, он понял, чей это голос так искусно и ловко искушает его, и тут же, как опытный прохиндей, поймал его на встречном вопросе:

– А каким же образом я обрету это богатство? Кто меня к нему проведёт?

– Окун... Если вы с ним там, на троне Саратая, усидите хотя бы полгода – вы обеспечите себя на несколько поколений. Саратай – богатая страна, добывается каждый день много золота и драгоценных камней. Недаром съезжаются туда ушлые люди со всего света.

– Ну, хорошо... Допустим, Окун проведет меня к трону Саратая, и мы, не дожидаясь, пока нас убьют или не свергнут, в дальних тайниках накопим золото и камни...

– Вот-вот! Какой ты умница! Да тебя уже и учить не надо, сам до всего додумался.

Смотрите, какой способный мальчик!

– Ладно. Ну, обрели богатство... А дальше что? Дальше как?

– А дальше жить да поживать в своё удовольствие, пользоваться всеми благами вашего мира, потому что, имея богатство, у вас там всё можно – купить землю с крестьянами, горы и леса с живностью, озера и реки с рыбой, ну всё, что только пожелаешь.

– А душу?

– Что?.. Какую такую душу? – запнулся голос, явно смешавшись. – При чем тут душа?

– Нужно же мне будет обрести новую душу, вместо той, прежней, изгаженной обманом и преступлениями, при помощи которых я обрету богатство?

Но вопрос остался без ответа. Таинственный вкрадчивый голос бесследно пропал. Хойгур остался доволен собой, словно он выиграл важный поединок.

42. Мечты о Тэнгри-Всемогушем

Хойгур огляделся и сразу встретился с одобрительным взглядом Лао-Цзы.

– Ты делаешь поразительные успехи! Я рад за

тебя, Хойгур, – сказал он. – Признаться, я не ожидал, что ты так быстро разберешься в сложнейших хитросплетениях борьбы добра и зла.

– Но, почтенный, я так и не смог определить, что же я буду делать там, на земле? Я надеялся, что сегодня у Черного Камня получу окончательный ответ, но не получилось.

– А мне кажется, что ты уже определился.

– Нет, почтенный, я по-прежнему весь в сомнениях и в раздумьях. Мне не просто неудобно, я сам с собой постоянно спорю, и от этого потерянный какой-то. Вы же знаете, что я в душе надеялся увидеться даже с самим Всевышним...

– Однако, какой ты ранний и приткий. Уже захотел увидеться с самим... – Лао-Цзы странно усмехнулся, что-то подумав про себя.

– А вы, почтенный, с ним часто виделись?

– Сказал тоже – часто...

– И что же?

– Так тебе и выложи, дурак ты эдакий! – сказал ему прямо в ухо подкравшийся сзади Лохматый и, боясь возмездия, тут же всюю припустил прочь.

– Всевышний чрезвычайно занят, – Лао-Цзы чуть прищурился и добавил: – К тому же стар и слаб...

– А что же, даже Всевышний тоже может стареть и ослабнуть – как человек? – уцепился за сказанное Хойгур, не понимая шутки.

– Всё не так просто, как ты представляешь, а намного сложнее или, точнее, запутаннее. Поэтому Всевышний многое перепоручил своим приближенным – Избранным. А они, хоть и избранные, но каждый со своими особенностями и странностями. Вот почему у вас на земле иногда происходят странные и непонятные события.

– А я так мечтал Его увидеть и поклониться, выразить почтение и испросить помощи. Должен же Он видеть, что мне очень сложно бороться с моими грехами!

– Не сейчас... Всему свое время, – уклончиво сказал Лао-Цзы. – Возможно, потом, на склоне лет, ты еще раз пройдешь дорогами юности, чтобы опять поклониться святым местам. Но это зависит оттого, как у тебя на земле сложится жизнь и служба. Никто не сможет сказать сейчас, сможешь ли ты вознестись до высот служения,

как это сумели сделать праведники до тебя? Но пойми одно, очень важно – идет ли за тобой кто и какого он достоинства? По этому, идущему следом, тебя и твоё деяние оценят. Любое дело без последователей – засохшее дерево. Очень важно сеять семена истины и проявить заботу о них, чтобы проросли.

– Понял, почтенный, – поклонился ему Хойгур. – Хотя мне, видимо, еще предстоит пройти не одно испытание.

– Вот-вот. Верные ощущения. Всегда помни – очень важно знать своё место и не лезть на чужое. То, что ты изъявил желание увидеться с самим Всевышним – очень даже опрометчиво было. На себя посмотри – кто ты такой, чтобы с тобой встретился сам Тэнгри? Что ты ему скажешь? Прежде всего, загляни в закрома своей души, что там у тебя такое ценное хранится, по сокровищам этим и определяется твоё место, среди праведников или... думаю, сам понимаешь.

На этот раз Хойгур, ничего не говоря, просто низко склонил перед почтенным свою голову с красным от стыда лицом.

– Помнишь, как наша хозяйка – хорошая, добрая, любящая женщина – плакала, жалея моего великого друга Дин Хуна?

– Помню.

– Так вот, я считаю, что Всевышний почтил его вечной душой, внедрил её в камень, за его верность службе, вознесшейся до высшего служения. О, если бы ты видел его. На поверхностный взгляд он казался грубым и даже неотесанным мужланом. Он, как всякий ратный человек, имел прямые, точные и порой беспощадные суждения об очень тонких вещах и понятиях. Мы с ним часто и очень горячо спорили, никто никому не уступал и не уступил поныне. Но со временем оба проникали в глубокую суть спора, который преобразовывал нас обоих. Без него не было бы ни меня, ни моего учения... Я, к сожалению, не слишком горячий богомолец, но я безмерно благодарен Всевышнему Тэнгри за то, что он даровал глубокий смысл моей судьбе, послав мне такого великого и теперь уже вечного друга (а может, и меня ему!). Друга, который еще очень долго, стоя, а потом, даже лежа на боку, будет держать свою границу на перевале тысячелетий.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

43. Возвращение

На следующий день Акол с Хойгуром должны отправиться в обратный путь. Поэтому сегодня состоялся как бы прощальный ужин, за которым собрались все их новые друзья.

– За несколько дней мы с вами не только свыклись друг с другом, но даже словно породнились. Столько произошло благих событий, мы, наверное, еще долго будем вспоминать наши беседы. Не было у нас подобных гостей. Поэтому расставаться печально... – сказала юная мать, стараясь собрать воедино, выразить мысли всех присутствующих.

– Мама... Можно мне попросить тебя? – робко спросил Лохматый.

– Да, только говори быстрее, – мать недовольно посмотрела на него, видимо, уже знала, о чем он будет просить.

– Мама, ты знаешь заранее, о чем я хочу спросить. Но все равно скажу... Я всю жизнь около тебя, нерадив, невнимателен, одно расстройство... Позволь мне поехать с ними и хоть немного попробовать пожить на земле.

– И не заикайся об этом! Не хочу даже слышать. Понял? Кто вместо тебя останется следить за настойками? Брат занят важным делом, я не могу оторваться от своего установившегося жизненного уклада ни на минуту.

– Ну, тогда хотя бы провожу их... Я обязательно вернусь, не бойся, мама! Я очень прошу!

– Нет! Тебе нельзя надолго отлучаться отсюда. Ты это знаешь! Не понимаю, зачем просишь?! Тем более, что их провожать будет сам почтенный, – нашла она самый веский довод для отказа.

– Как?! – разом воскликнули Хойгур с Лохматым.

– Завтра поймете, что с таким провожатым вам будет очень даже неплохо, вот увидите.

«О-о, с таким провожатым неизвестно, когда вернемся домой. Не раньше, чем через год, – с тоской подумал Хойгур. – И чем же мы будем питаться в пути? Наверное, всё же нам что-то приготовили на дорогу».

Хойгур представил обратный путь. Сколько там крутых подъемов и спусков, перевалов, пе-

реправ через реки... И печально вздохнул. Никак он не мог представить, как им удастся преодолеть все эти преграды с престарелым провожатым. «Был один калека на его руках, теперь будут два...»

– А почтенный докуда проводит нас?

– Ну, прямо до вашего Кюёх Ары, где вас ждут.

После этих слова Хойгур совсем приуныл, но постарался не подавать вида.

***

Утром Хойгур первым делом спросил у своего приятеля:

– Нельзя ли с собой еду на дорогу взять?

На что Лохматый отмахнулся:

– А зачем? До вечера, надеюсь, не проголодаетесь.

– Ну, а вечером что есть будем? И завтра, и послезавтра?

– Ты так ничего и не понял! Да вечером вы будете в Кюёх Ары.

– Каким же это образом?

– Увидишь.

Хойгур посчитал, что тот его опять разыгрывает.

Вся семья собралась провожать своих гостей. Они, не объясняя зачем, почему-то совместными усилиями помогли им взобраться на большой камень округлых очертаний.

Лао-Цзы очень крепко взял обоих мальчиков в подмышки и неожиданно для старца высоко подпрыгнул... и они дружно стали подниматься всё выше и выше, увлекаемые неведомой силой. А затем обнаружили, что превратились в самых настоящих белых гусей. И показалось, что не руки, а крылья были у них всю прежнюю жизнь.

Поднявшись на приличную высоту, сделали прощальный круг и полетели на восток, навстречу восходящему солнцу и далекому горизонту. Удивительное было ощущение у вчерашних путников, особенно у Хойгура. Они за считанные часы преодолели опаснейший путь, на который совсем недавно затратили не только огромные усилия, но и не один месяц своей жизни. Там, внизу, промелькнули опаснейшие переходы и перевалы. Показалось даже, что гордо высился

на одном из них генерал Дин Хун... Но это, видимо, почудилось воспаленному воображению Хойгура, познавшему полет стрелы дальнего боя. Но без сомнения точно различил он особо памятные ему места: вон там он сгоряча отбросил в сторону посох и оставил Акола одного в ночи... а там, под одним из обрывов, белели кости и черепа ограбивших их разбойников. Как же быстро от них не осталось почти никакого следа в мире... Увидел он и волчицу Оу, видимо, нарочно вылезшую из своего логова, и услышал, как она звонко и торжественно завывала вслед пролетающим над нею гусям. Рядом с ней, не обращая ни на что внимания, беззаботно паслись в полной безопасности овцы Окоя и скакун Гургана.

И вот под крылом уже знакомые, почти родные очертания Кюёх Ары. Река, сбегаящая с гор и поглощаемая пустыней без следа, скалистый остров, приютивший свергнутого правителя Саратая, и обжитой уголок гостеприимного хозяина Кюёх Ары с еле теплившимся костерком.

Акол и Хойгур плавно сели на песчаной отмели реки, а почтенный Лао-Цзы, сделав прощальный круг, направился обратно на запад.

Навстречу живым и невредимым паломникам бежали счастливые братья – Окой и Окун...

*Перевод с якутского
Владимира Крупина.*

Иванов Михаил Егорович, литературный псевдоним Чуона Мэхээлэ, родился 5 апреля 1947 г. в селе Туой Хайа Сунтарского района.

В 1974 г. закончил историко-филологический факультет Якутского государственного университета. В 1981 г. закончил Хабаровский факультет Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ).

В 1974-1984 гг. работал учителем в школах Олекминского, Сунтарского, Мирнинского районов, директором Арылахской средней школы Мирнинского района, председателем исполкома Садынского сельского Совета с. Сюльдюкар Мирнинского района. В 1984-1987 гг. – старший юрисконсульт ПНО «Якуталмаз» в г. Мирном.

В 1987-2012 гг. – судья, председатель Оленекского, Сунтарского и Мирнинского районных судов, судья Верховного Суда Республики Саха (Якутия).

В настоящее время находится в отставке. Проживает в г. Якутске.

Заслуженный юрист РС(Я), отличник культуры РС (Я), почетный работник судебной системы РФ, награжден медалями второй степени “За заслуги перед судебной системой РФ”, “150 лет Судебной реформы России”.

Член Союза писателей РС(Я) с 2015 года.

Михаил ИВАНОВ – ЧУОНА Мэхээлэ,
член Союза писателей
Республики Саха (Якутия)

НА БЕРЕГ ВЫШЕЛ Я, СПЕША УМЫТЬСЯ ЗВЕЗДНЫМ СВЕТОМ...

Мне как-то не сиделось дома
Мне как-то не сиделось дома,
я вышел. Ночь была близка.
Стояла в воздухе истома,
и уходила прочь тоска.

Весь небосвод был вроде шали,
что горя горького черней.
Но видел я: горя, лежали
созвездья россыпью на ней.

Но над рекой созвездья эти,
не удержавшись, в воду вдруг
с небес посыпались... (Так дети
ныряют, поборов испуг.)

И золотой дорожкой лунной,
на берег вышел я, спеша
умыться звездным светом. Юной
опять была моя душа.

И все рвалась, от слез пьянея,
туда, куда рвалась всегда –
где свет крошечной тьмы сильнее,
в ночи сияя как звезда.

Уходит величаво лето
Уходит величаво лето,
в зеленом – примесь желтизны...
Его наряды и приметы
так важны мне и так нужны.

Еще в цветах лежат долины,
еще ручьи в полях быстры,
но по лесам кусты рябины
уже зажгли свои костры.

Жара давно в аласах спала,
и от зари и до зари
земля теплом своим устало
в лицо вам дышит изнутри.

Увы, во времени вот этом
все перепутано всегда:
сияет полдень ярким светом,
а вечер – холоднее льда.

Иль, скажем, соберутся тучи,
чтоб здесь дождем на землю пасть,
но солнце вдруг с небесной кручи
сверкнет, свою являя власть...

Уходит величаво лето,
в зеленом – примесь желтизны,
и в небе снова – ни просвета,
и ждем печально осень мы.
Дожди моей жизни

Земные дороги жизни моей
дождями омыты от серой пыли.
Были дожди озорными, скорей.
Но ведь и тоскливые тоже были.

В осенний вечер на сердце гнет.
Глядя в окно, я дрожу немножко.
Тоскуя, душа почему-то ждет,
что дождь постучит вдруг в мое окошко.

Дождю проливному во двор за дверь
я бы как к гостю навстречу вышел
и душу открыл бы ему, поверь,
спутнику жизни, что дан мне свыше.

И были бы думам моим под стать
тучи, клубясь надо мною страшно,
и чайка кричала б во тьме, как тать,
и воздух осенний рвала как брашно...

Но есть и другие дожди, когда
душа от восторга немеет ваша,
и, словно разбитый хрусталь, вода
звенит и под музыку неба пляшет.

Или такие, когда узка
нам жизнь, и печаль в час тяжелый с нами.
Как будто по крышам стучит тоска
и будто течет по щекам слезами.

Да, только тоска, а не боль и страх.
И только в тоске этой сгинуть искус,
когда ты на сжатых своих губах
вдруг чувствуешь
слез непрошенных привкус...

Земные дороги жизни моей
дождями омыты от серой пыли.
Были дожди озорными, скорей...
Но ведь и тоскливые тоже были.

Старый дом
Который год, не падая, стоит
из сил последних опустевший дом,
как о костыль опершийся старик,
кто в прошлом весь, чьи думы – о былом.

Входная дверь в нем сорвана с петель,
давно погас очаг и хлам везде.
Уж не метла метет здесь, а метель.
Висит клюка без дела на гвозде.

Всех тех, кто жил здесь, видит он во сне,
и слышит смех под треск горящих дров.
О, как он пах смолой – хвала сосне!
Как счастлив был давать тепло и кров!

И крикам детским, шумным играм их
он снова рад в своих тревожных снах.
И отзвук птичьих трелей в нем не стих –
струной еще дрожит в его стенах.

Дом, тихо становящийся трухой!
Те, кто здесь жил, кто здесь имел всегда
твое тепло и добрый твой покой,
уверен я, придут еще сюда.

Пускай не все. Как должное прими –
неумолимо время – многих нет.
И даже тех, кого ты знал детьми,
да, даже тех, давно пропал и след.

Язык саха родной
Люблю язык саха родной
за красоту, что краше нет,
за то, что он всегда со мной,
непостижим, как звездный свет.

Люблю родной язык саха
за четкость: бьет не в бровь, а в глаз
иная фраза иль строка.
Так предок мой стрелял как раз.

Люблю саха родной язык
я за душевность теплых слов,
ведь, как глоток кумыса, вмиг
он исцелить меня готов.

МИХАИЛ ИВАНОВ – ЧУОНА МЭХЭЭЛЭ. НА БЕРЕГ ВЫШЕЛ Я, СПЕША УМЫТЬСЯ ЗВЕЗДНЫМ СВЕТОМ...

Люблю язык саха родной.
Он так глубок, как глубь морей,
так щедр, как никакой иной,
как недра родины моей.

Такая вот звезда
Костер пылает, обдавая жаром.
Взмывает искра в небо, возомнив
себя звездой, что свет ночами даром
здесь льет на ширь лесов, лугов и нив...

Полет ее не долгов был, однако,
и не высок. Такая вот звезда,
что, над землей поднявшись среди мрака,
едва взлетев, погасла навсегда.

Но точно так и в жизни нашей, впрочем.
Иной себя звездой считать не прочь:
аж светится, как ангел непорочен!
А в душу глянь ему – там только ночь.

Береги друзей
За жизнь, если честно, немало
проехать пришлось мне, пройти.
И разные люди, бывало,
на том попадались пути.

Но лишь с другом истинным встреча –
подарок судьбы. Только тот
подставит надежные плечи
и крепко вам руку пожмет.

И все ж обижал иногда я
друзей вздорным словом своим.
Не ведает кровь молодая,
как друг твой бывает раним.

Нет, я не казнил себя виною,
не знал я, другого вина,
что с другом, отверженным мною,
уходит частица меня.

Как больно! Редуют с годами
друзей настоящих ряды.
Посмотришь и – этих нет с нами,
и тех уж исчезли следы.

Вернуть все? О том нет и речи...
Но в самом начале пути
я помню надежные плечи
всех тех, кто помог мне идти.

*Перевод с якутского
Евгения Каминского*

Екатерина ЕФРЕМОВА,
научный сотрудник сектора фольклора
и литературоведения
ИГИ и ПМНС СО РАН,
кандидат филологических наук

КНИГА СТИХОВ ГАВРИЛА АНДРОСОВА «КЭҤЭХ» КАК МЕТАЖАНРОВОЕ ЕДИНСТВО

Якутская лирическая поэзия представляет собой обширный исследовательский материал, требующий углубленного изучения и анализа. В истории якутской литературы творчество многих известных поэтов все еще не получило должного научного осмысления. В настоящее время в литературу вступило новое поколение молодых поэтов, творчество которых также нуждается в анализе и интерпретации основных индивидуально-стилевых особенностей с точки зрения новых литературоведческих подходов. Можно выделить имена молодых, талантливых поэтов и поэтесс Г. Андросова, Е. Мигалкиной, Р. Каженкина, А. Поповой, А. Васильевой, Анг. Поповой, Я. Байгожа-

евой, З. Архиповой, Д. Ворогушина, С. Сандаар и др. Поэтическое творчество вышеназванных молодых писателей можно обозначить как новое, специфичное явление в истории якутской литературы. Новое поколение в поэзии не всегда означает закономерность создания и представления образцов высокой лирики, однако важно понимать, что это будущее литературы. Именно от них зависит тенденция, специфика, характер, особенности и перспективы дальнейшего развития и становления якутской лирической поэзии в целом.

Данная статья локально посвящена анализу основных особенностей сборника произведений молодого якутского поэта Гаврила Андросова. Сборник «Кэһэх» («Колчан», 2016) состоит из шести блоков: «Хаан тардыыта» («Зов крови»), «Иллээх күн» («День Мира»), «Былыргы уонна аныгы боотурдар» («Древние и современные герои»), «Сахалы идэлэр» («Исконно якутские ремесла»), «Сүбэлэр-соргулар» («Советы и заветы») и «Catharsis», каждый из которых посвящен определенному мотивному, проблемно-тематическому комплексу. В контексте общей структуры книги первый блок воспринимается как «вводный комплекс» стихотворений, имеющий значительную роль в создании единого жанрово-архитектонического аспекта книги: «Таатта тыына» («Дух Таттинской земли»), «Таатта – уустар дайдылара» («Таатта – земля мастеров»), «Мин кимминий?» («Кто Я?»), «Сурт кэриэһэ» («Завещание отцовского очага»), «Албаа» («Благослови»). В рамках метатекста, к числу которых мы относим анализируемый сборник, стихотворения выполняют функцию вводных произведений.

Раскрытие образов предков, малой Родины, образа отца лирического героя в первом блоке – оценивается как специальный композиционный прием с выраженной акцентировкой «начала». Автор сознательно расставляет тексты в начале книги, интуитивно знакомя читателя с важнейшими, приоритетными составляющими жизни лирического героя. Стихотворения подчеркивают его особое отношение к Родине предков, которая по праву считается колыбелью

духовности всей Якутии. Таатта – Родина классиков якутской литературы Алексея Кулаковского, Платона Ойунского, Анемподиста Софронова, Николая Мординова, Дмитрия Сивцева и многих других. Улавливаются мотивы неизмеримой гордости лирического героя за причастность к Родине великих мыслителей и ответственности автора за свое художественное творчество. Философско-риторическое восклицание «Мин кимминий?» («Кто Я?»), выведенное в названии стихотворения с дополнительным пояснением «хоруйдуурга холонор хоһоон» (стих предназначенный найти ответ) подчеркивает и усиливает данную мысль. Идеино-тематический ракурс стихотворения актуализирует концепцию чело-века-созидателя, субъекта социального и исторического творчества. Данный ракурс видения коррелирован тенденциями общественного и исторического сознания, где образ лирического героя объективируется через призму категории памяти и времени.

Лирический герой Гаврила Андросова глубоко мыслящий, искренне переживающий за судьбу и будущее своего народа индивид. Лирические эмоции, выраженные в произведениях, связаны с глубинными особенностями миро-всприятия, сознания человека соотносящие с такими понятиями как история, культура, память народа. Объектом размышлений лирического «я» становятся идеино-тематические ориентиры, связанные с проблемой будущего народа, где статус и роль мужчины имеет важное, первостепенное значение. Ярко выраженный маскулинный характер лирических переживаний одна из особенностей индивидуально-авторского стиля Гаврила Андросова, не зависимо от гендерного статуса автора. В настоящее время, когда современная якутская литература, в частности произведения молодых, начинающих писателей в целом особо не отличаются новизной тематики, данный аспект актуален. Актуален также ракурс выдвигаемых проблем в произведениях, образно интерпретирующих вопросы морали, нравственности, общечеловеческой гуманности, места, роли, долга и значения каждого гражданина в современном обществе. При

этом поэтизирование образов и преамбул из исторических, мифологических реалий усиливает эффект восприятия отдельных лирических произведений в идейно-содержательном плане («Ил күнэ» («День Мира»), «Иллээх эр» («Государственный муж»), «Бэс ыйын 17 күнэ» («17-й день июля»), «23 айы боотура» («Песнь о 23 боотурах-героях»), «Сүппүт сөбүн сүрүн сөргүттэххэ...» («Исповедь древнего степного генерала») и др.).

Если воспринимать книгу «Кэһэх» как метатекст можно выделить опорный комплекс стихотворений, имеющий значительную роль в создании единой авторской концепции («Саха эр кинитигэр» («Мужу из народа саха»), «Батас туһунан номох» («Сказ о мече»), «Эр киһи» («Настоящий мужчина»), «Боотур сизэрэ» («Кодекс боотуров»), «Этиттэри» («Пророчество»), «Кылыс» («Сакральный меч»), «Тулүүр» («Воля»), «Болгуоттан уһаарыллыбыт...» («Выплавленный из руды...») и др.). Архитектоника произведений основывается на системе лейтмотивов и сквозных образов, которые создают художественную целостность способом подчеркивания доминирующих семантических линий. Единство ассоциативного контекста формируют слова-звезды (терминология О.М. Мирошниковой), образы символы: баатыр, боотур (воин, полководец, герой), бухатыр (богатырь, герой олонхо), ураанхай (одно их архиаческих самоназваний саха), уол оҕо (юноша, добрый молодец), уола хаан (добрый молодец, мужчина в расвете сил), саарын (лидер, вождь, герой народа, пророк), эр (мужчина, мужественный человек, удалец), эр бэрдэ (добрый молодец, удалец, лучший из

лучших), эр киһи (мужчина), эр соботох (герой-одиночка), батас (колюще-рубящее оружие типа алебарды, пальма), онобос (стрела), бас (голова, глава, главный), бар дьон (народ, общество), көнгүл (свобода), кырдьык (истина), сайдыы (развитие) и т.д. Однако это не означает, что книга ориентирована на раскрытие ограниченного ряда проблем. Наличие опорного комплекса стихотворений свидетельствует о системности авторского мышления, целеустремленности в обозначении доминирующих образов и мотивов. Необходимые контрасты и переходы между основными мотивными комплексами создают косвенные формы стихотворений, которые не исчезают в составе общего контекста книги. Специфика «Кэһэх» заключается в том, что мотивы, представляющие различные аспекты единой темы формируют ассоциативные связи между стихотворениями, которые охватывают рядом стоящие и отдаленные друг от друга стихотворения во внутреннем контексте книги.

При этом первостепенную роль в организации внутреннего контекста и межтекстовых связей книги играет образ лирического героя. В отличие от других типов лирического субъекта, его основная функция – объединять отдельные произведения определенной тематической группы или лирики в целом, выявляя тем самым целостное единство авторской идеи. В поэзии молодого поэта прослеживается становление и раскрытие характера лирического героя, который художественно ассоциируется с образом стрелы.

Быралыйбыт

Былыргы Баатылылар

Баарабай тииккэ

Батары ытан хаалларбыт

Быыра онобосторбун!

(«Мин кимминий?»)

Я – дальнобойная стрела,

Пущенная,

Исчезнувшим царским родом Баатылы,

Призвождённая

К вековой лиственнице!

При характеристике образа лирического героя автор выбирает определения исходя из общего идейно-тематического контекста книги: Батастаах баатырдар сыдыаннара... 'Наследник баатыров-меченосцев...' («Атын Дьокуускай уонна аныгы боотурдар тустарынан экспромт») («Экспромт о другом Якутске и о современных боотурах»); Өлбүт өбүгэлэрим тыыннаах күлүктэрэ / Мин... 'Я / Почивших предков живое отражение...' («Кылааннаах сытыыта...») («Словно острый клинок...»)).

Высокое предназначение и призвание героя как поэта образа отражаются в следующих авторских интерпретациях: («Болгуоттан уһаарыллыбыт...»)

*Бар дьонум барахсаттары
Суон сурахтыырга,
Суртарын кэриэстииргэ
Сулустартан соруктаах
Суруксут сыдыааммын...
(«Мин кимминий?»)*

*Куйах тыл кулутабын,
Чабыл тыл чабарабын,
Халлааны хамсатар тыл
Хамначчытабын!..
(«Болгуоттан уһаарыллыбыт...»)*

Лирическим героем глубоко осмысливается сущность философии жизни поэта, что способствует развитию поэтической мысли в бинарном аспекте (стихотворение «Бэйиэттэр» («Поэты»)).

Исходя из общего контекста книги, лирического героя Гаврила Андросова можно образно ассоциировать как «боотур современного поколения», художественные произведения автора как его стрелы 'ох, онобос', а сборник стихотворений условно символично сводится к определению колчан 'кэһэх' как особого предмета, где хранятся стрелы боотура. Здесь важно понимать, что емкость, лаконичность и ассоциативность изображения до-

чарование по этому поводу, что порой приводит к некоторой напряженности эмоционально самодовлеющей мысли поэта, которая отразилась в пафосности отдельных стихотворений.

Как отличительную черту подсознания лирического героя Гаврила Андросова можно выделить способность его Я к пересечению границ реального и ирреального времени. Пограничность сознания выступает как характерная особенность авторского «я» писателя и приводит к соотношению временных пространств и границ в его произведениях: Ааспыт дуораанын уонна аныгы күлүгүн / Алтыһыннаран... 'Эхо прошлого и тень настоящего / Связуя...' («Таатта тыына»). В стихотворениях формируется своеобразный пространственно-

*Я летописец, ниспосланный с небес, Чьё
предназначение –
Увековечить память о моих предках,
Не предать забвению
Их заветы...*

*Я раб слова, осеняющего словно щит,
Я слуга слова, светло-прекрасного,
Я труженик слова,
Могущего расшатать устои небесные!..*

стигается в поэзии именно посредством знаковых и символических образов.

Лирический герой молодого писателя, прежде всего личность, знающая и почитающая историю, обычаи, традиции народа, которая ценит и дорожит свободой в широком понимании смысла слова. Его «я» глубоко и эмоционально переживает из-за неустойчивых этических норм общества, в котором такие понятия как преданность, отвага, храбрость, правда, к сожалению, теряют свое истинное значение в целом. Как глубоко мыслящий человек с философским складом ума автор выражает свое недовольство, неприятие и разо-

¹ Здесь и далее подстрочные переводы сделаны автором произведений – Г.А., также Е. Мигалкиной и Я. Байгожаевой.

временной континуум, специфичный хронотоп, связующий прошлое и настоящее («Сэлии кыыл тириитэ сабыннахтаах баатыр») («Завет батыра в дохе из шкуры мамонта»), «Абааһы уолун кэбин кэппит айыы боотуругар абыйах тыл» («Несколько слов герою уподобившемуся сыну Дьявола»), «Кылыс» и др.). Особый хронотоп, раскрывающийся в книге считается одним из характерных признаков соотнесения «Кэһэх» к примеру метажанровых единств в якутской поэзии.

Отдельная роль в формировании межтекстовых связей стихотворений «Кэһэх» принадлежит лексическим и мелодико-синтаксическим связям. Своеобразный лексический состав выступает как связующее звено между произведениями в общем контексте книги. Использование автором не употребляемой в ежедневном обиходе лексики, этимология и корни которой уходят в древнетюркский язык продиктовано индивидуально-авторским стилем, также исторической тематикой в целом, к которому обращается автор: үтүргэн (притеснение, угнетение), албаба (выманивание), алкыллыы (переодоление), киибэс (могильщик), дуоба (знамя), тутук (древнетюркский титул князя, полководца, здесь знаменосец), будун (народ, нация), кырбый (1. зоол. кобчик; 2. перен. драчун, забияка), табык (большой бубен, пользовались для военных и сакральных целей), модьобо (порог, уступ), ньүкэн (глухое место) и т.д. Однако важно подчеркнуть, что в некоторых моментах «загромождение» «тяжеловесной» лексикой приводит к трудности восприятия отдельных лирических произведений и к потере связи с только что зародившейся художественной мыслью как объекта рассуждения и интерпретации для читателя.

Важно отметить вариативность авторского сознания молодого поэта в плане удачного раскрытия «чужого 'я'» («Өбүгэ өһө» («Заветы предков»), «Кыайыы күнүнээби санаа» («Думы в День Победы»), «Күл Тэгин күрүө дьонугар ыллаабыт ырыата» («Песнь воспетая Кюль Тэгином к тюркскому обществу»), «Тохсунну тымныытыгар толоонно муммут айанныт ырыата» («Песня заплутавшего в январских морозах путника») и др.). Можно также найти примеры объективации «автора» как «героя» («Хоргус үйэ хоһууна» («Храбрец их эпохи трусов»)). Освоение чужого, не авторского сознания свидетельствует о стремлении поэта придать

лирическим раздумьям наиболее универсальный и обобщенный характер. Поэт пытается быть «ближе» к изображаемым образам и персонажам. Посредством «чужого 'я'» Гаврилу Андросову удается наиболее эффективно передать лирические чувства того или иного характера и тем самым усилить психологизм выражаемых мыслей.

Отдельную роль в структуре книги играют главы «Сахалыы идэлэр», «Сүбэлэр-соргулар» и «Catharsis», нацеленные на раскрытие определенного тематического ряда. Стихотворения, посвященные раскрытию национального своеобразия, также тексты, содержащие художественно оформленные пожелания и советы автора распределены по отдельным главам. Символично название заключительного комплекса стихотворений («Catharsis»), логически завершающего общий лирический контекст книги.

В целом, книгу «Кэһэх» отличает единая лирическая коллизия, прослеживается единая авторская концепция, которая раскрывается на уровне проблемно-тематического, жанрового аспекта, специфики мотивно-образного, субъектного, пространственно-временного и лексико-сематического плана. Можно утверждать, что «Кэһэх» отличается системно-лейтмотивная природа контекста. Основная цельность складывается на основе мотивно-ассоциативного комплекса стихотворений. Обращение молодого поэта к наиболее крупному жанру на ранней стадии поэтического творчества свидетельствует о содержательности и масштабности видения автора, которая потребовала наиболее большого лирического контекста.

ЛИТЕРАТУРА:

Андросов Гаврил. Кэһэх. Приложение «Сэмсэ» художественно-литературного и общественно-политического журнала "Чолбон", №8 (10). Якутск, 2016. 96 с.

Ефремова Е.М. Поэзия Леонида Попова: лирические субъекты в типологическом и жанровом аспектах. Новосибирск: Наука, 2015. 120 с.

Миошишникова О.В. Анализ лирического цикла и книги стихов. Канонические структуры и маргинальные формы циклизации в поэзии последней трети XIX. Омск: Изд. ОмГУ, 2002. 78 с.

Впервые в «Полярной звезде»

Ольга НАБЕРЕЖНАЯ

Ольга Геннадьевна Набережная родилась и живет в Якутске. Окончила аспирантуру Якутского государственного университета по специальности «Русская литература», защитила диссертацию на звание кандидата филологических наук. В настоящее время работает преподавателем на филологическом факультете СВФУ. Круг жанровых интересов – рассказы и повести.

О' ГЕНРИ по-российски

Рассказ

Жена пришла с работы какой-то притихшей или расстроенной. Сразу не понял. Ну, как говорится, не буди лихо, пока оно тихо. Сначала накормить-напоить, а потом дело пытаться. А что? Сытый отдохнувший человек половину проблем на раз-два решает, а некоторые так и совсем не проблемой покажутся. За ужином жена вяло ковыряла вилкой полуфабрикатовскую котлету, гоняла по тарелке макароны и тяжело, но негромко вздыхала. Я не выдержал.

– Ленусь, ну чего случилось-то? Отчет заповолил?

– Нет, – коротко, потупив глаза в котлету.

– Проезд не подписали?

– Нет, – уже почти чуть слышно, срывающимся шепотом.

Я начинаю нервничать. Неужели сокращение, которым полгода пугали у них народ, свершилось?! Только не это. Совсем не ко времени. Летом в Крым собрались, Ленке проезд на Саньку должны были подписать. А тут вот такое. Тройх я один не осилю. У меня тоже бюджетка, хоть я и старший научный сотрудник, а выше своих тридцати пяти не прыгнешь...Эх, хотели мальчика

ОЛЬГА НАБЕРЕЖНАЯ. О' ГЕНРИ ПО-РОССИЙСКИ.

на море свозить. Придется у мамы просить или кредит брать. Есть, конечно, заначка, но она на святое дело. Машину хочу взять. Сильно тяжело мне без стального друга, каким-то неполноценным себя чувствую. Руки не в мазуте, бензином не пахнет, в гараже девственная чистота и порядок с тех пор, как мою старушку продали. Уже два года копим. Не отдам! Ни за что не отдам! Мысли вихрем носились в голове, приседая то на одно обстоятельство, то на другое, то снова возвращаясь к заначке.

– Лен, ну че случилось-то? Че молчишь-то, как рыба об лед?

– Нелли Михайловна купила шубу! – выпалила жена на одном дыхании и уставилась на меня в упор. Опаньки, вот где собачка-то порылась. Тьфу ты. А я уж худшее предполагал.

– Ну, молодец Нелли Михайловна. А ты чего так расстроилась? Порадуйся за коллегу.

Лучше бы я тогда промолчал со своей дебильной шуткой. Шея у жены пошла красными пятнами, верный признак того, что она разозлилась. Тарелка жалобно звякнула под порывистым движением Ленусиной руки. Санька испуганно переводил взгляд то на маму, то на папу. Ничего не поняв, скуксил мордашку и на всякий случай тихонько захныкал.

– Лен, ты че творишь-то? Ребенка вон напугала. Что не так с шубой-то?!

– С шубой Нелли Михайловны все в порядке. А вот с моей нет! – даже с какой-то злостью выдохнула жена.

Но позвольте! Нет у нее шубы! Пальто драповое есть, пуховик есть, куртка кожаная, ну, плащ еще, кажется, а вот шубы нет. И тут до меня дошло. Ну и зараза же вы, Нелли Михайловна! Вот съездили мы бы в отпуск, а потом хоть десять шуб себе покупайте. Не могла немного потерпеть. Санька захныкал громче. Но жена, казалось, вообще ничего не замечала. Новая шуба коллеги отняла у нее разум и материнский инстинкт заодно. Надеюсь, временно. Пытаюсь успокоить и жену, и сына.

– Ленусь, ну далась тебе эта шуба! Через три месяца и зима уже кончится, зачем она тебе летом? – от волнения и растерянности мелю ерун-

ду какую-то. Но на жену это действует как красная тряпка на быка.

– Терпилин, ты идиот или где?? Шуба – многообразное изделие. И не зли меня! Надоело быть хуже других. Я – женщина, мне хочется выглядеть нормально, а не как в инкубаторе зимних пуховиков.

Она уже почти кричит, глаза мечут все молнии мира, а мне она кажется еще красивей от этого.

– Ленусь, конечно, ты женщина, иначе я бы на тебе не женился. Ты – прекрасная женщина, самая красивая, самая любимая. Но тебе будет легче, если ты будешь из инкубатора норковых шкурок, а не пуховиков?

Опять зря сказал. Диванная подушечка от кухонного гарнитура летит мне в голову, но, рассчитав траектории, на пути встречает препятствие в виде стакана с соком. Дзинь... Санька уже орет в голос. Утаскиваю его в детскую. Он доверчиво кладет свою пушистую головку мне на плечо и шепчет:

– У мамы гововка бо-бо? Дай ей таблетку, пап.

– Да, сына, мама немножко заболела. Тетиной шубой. Но она выздоровеет, обязательно поправится, я пойду и дам ей таблеточку. И мама перестанет кричать.

Я усадил Саньку в манеж и пошел на поле боя. Ну надо же договариваться как-то. Капитулировать нельзя. Может, компромисс? А шансы? Никаких шансов. Заглядываю на кухню. Жена стоит возле окна, курит в форточку. По спине даже вижу – злится.

– Ленусь, ну чего делать-то? Мы же в отпуск собирались летом. Ну, какая шуба? В кредит, что ли? – начинаю издали, осторожно, ласково. Она резко поворачивается, впечатывает окурок в пепельницу. Я такой ее еще не видел за пять лет ни разу. Глаза какие-то не Ленусины, не те, как всегда, добрые карей ласковостью и любовью, а злые, колкие и решительные. Прямо оборотень, а не жена.

– В общем, так. Ты жил два года без машины и еще проживешь. Тем более, все равно не хватает. А мне как раз на шубу хватит. Ультиматум тебе. И не вздумай, что я пойду на попятный. Терпилин, я редко тебя прошу. Я просто хочу шубу!

ОЛЬГА НАБЕРЕЖНАЯ. О' ГЕНРИ ПО-РОССИЙСКИ.

Впервые в «Полярной звезде»

Ни фиги себе заявочки! Да я во сне вижу почти каждую ночь свою новую машину. И ее променять на шубу?! На какую-то вшивую шерстистую телогрейку?! Нет уж! Вот это не надо. Это – святое! Ишь ты, как заговорила. Елки-палки, а че делать-то? Не, я буду стоять до победного! Делаю каменное лицо.

– Нет, Ленусь. Ничего не получится. Хочешь, бери в кредит. Но машину я не отдам.

Не, ну я же прав, мужики? Шуба или машина. Две большие разницы, как говорится.

– Хорошо, дорогой. Я все сказала. А ты подумай. Хорошенько подумай, что тебе важнее.

Ленусик обошла меня, как ледокол айсберг, даже не задев ни одной частью тела, и ушла в детскую. В спальню она не пришла спать. Я ворочался полночи, и такой вариант рассматривал, и другой. Ну, никак не катит эта шуба сейчас. Ладно, утро вечера мудренее.

А утро не оказалось мудренее вечера. Захожу на кухню. Кофе нет. Бутеров нет. Кастрюля без каши стоит на плите чистенькая. Ну и ладно! Сам сделаю бутерброды. Блин, порезался. Что за ножи-то в этом доме? Как скальпель. Вспомнил, что накануне сам и точил. Заклеил ранку и побежал на работу, нормально не поев. Ничего, врагу не сдастся наш гордый «Варяг»!

Вечером в квартире едой не пахло. Санька не выкатился колом радостно навстречу. Лена была дома. Вальяжно развалившись на диване, пилила ногти. Санька, оказывается, у мамы. Что у нас на ужин? А ничего у нас на ужин, понял я, проведя разведку на кухне. А что в холодильнике? Так, яйца, колбаса, сыр. Хлеба нет. Обычно Лена мне звонит, что купить по дороге домой, если сама не успевает забежать. Я же не знаю, есть хлеб или нет. Тьфу ты, начинает напрягать. Война Роуз какая-то получается. А сама-то она ела, нет, интересно? И так худющая, еще из-за меня похудеет больше.

Жую колбасу, думаю. Сколько это может продолжаться? Ленка – баба упертая, а я? Я же сильнее. Да и вообще, зачем мне эта машина? Работа – две остановки. Санькин садик – вообще возле дома. Куда ездить-то? Вот я скучаю по машине, потому что у каждого мужика она должна быть.

Ну, и Ленка так же скучает по шубе. Хотя, она по ней скучать не может – у нее не было шубы. Значит, ей она нужнее? Не, господа хорошие, мы так не договаривались. Короче, запутался. Посмотрел на кухне телек, полазил в телефоне. Скучно. И поговорить не с кем. Пошел спать. Ленусик опять легла в детской. Понимаю, че. Если поругались так глобально, о каком сексе может идти речь. Горько как-то. Опять-таки утро вечера мудренее...

Ни фиги опять не мудренее. Это человек мудренее. Особенно, когда нет кофе и завтрака. Когда сын не лыбится по утрам измазанным кашей ртом, когда жена не целует перед уходом на работу, когда чистые носки не в магазине, а в шкафчике. Да и вообще, когда жена просто радуется, потому что ты есть. Ну и фиг, с этой машиной. Все равно не хватало на нее. Жена важнее. И нужнее. И любимей. Снял я с книжки деньги в обед. Хотите осуждайте, хотите слабаком называйте. Мне до Эвереста. Я Ленку люблю. И терять ее из-за какой-то шубы не хочу. Тем более, поразмыслив, она же права, в сущности. Ну, имеет женщина хоть раз в жизни право на шубу. Почему Нелли Михайловна имеет право, а моя Ленка нет?!

Домой мчался вечером на парусах, подгоняемых жаждой добра и любовью. Ну, и деньгами на шубу, конечно. Купил хлеба. На всякий случай взял еще колбасы, вчерашнюю-то я съел. Шампанского прихватил и ее любимые конфеты. А вдруг?..

Зашел в квартиру и обомлел. Пахло едой! Жареным мясом. Саньку, что ли, вернули? И точно. Ковыляет ко мне, ручонки протягивает.

– Папка, а ты маму вылесил? Таблетку дал?

Вылечил, сын, вылечил. И таблетку нашел самую лучшую. Наша мамка не будет больше болеть, не переживай, сын.

Сели за стол. Жена прямо светится вся. Неужели опоздал, неужели в кредит залезла?! Вытаскиваю из кармана деньги. Кладу на стол. А Ленусик накрывают мою руку своей узенькой ладошкой и говорит так ласково и успокоенно:

– Терпилин, да фиг на эту шубу. Ну, прости ты меня, идиотину. Заусило, да все прошло. В пу-

ховике сподручнее, я ж на автобусе все время, жалко мех-то будет.

Она сначала смущенно прятала взгляд за тарелками, а потом прямо взглянула мне в глаза. И я опять увидел ту чайную ласковость, по которой так скучал последние дни.

О как! Это мы, значит, практически одновременно консенсус в душе сподвигли. Я не знал, что сказать. Санька смотрел на нас и улыбался во все свои десять зубов. А ведь такое нередко бывает. Но только тогда, когда есть Семья. В настоящем смысле этого слова.

ЛОГИКА

Рассказ

Из трехнедельного запоя в этот раз я выходил тяжело как никогда. Вторую ночь не мог спать, какой-то беспричинный страх мучил, картинки безрадостные проплывали в заплывшем водкой мозгу. Словно я много дней был там, где не было воздуха и света, как в подполье с картошкой. Ни разу так не было хреново. А мысли всякие дурацкие добавляли еще больше непосильного душевного гнета. С Танькой в контрах, тещенька вчера послала куда подальше, она это виртуозно умеет делать. Так я всего-то хотел на жизнь свою беспросветную пожалиться, а она послала, старая гримза, еще и телефон отключила. На свои же пью, у нее не прошу. Хоть какое-то человеческое участие могла бы проявить.

К Таньке бесполезно соваться, она в такие

дни меня вообще за человека не считает, не то что за мужика, молчит ходит, но жрать готовит исправно. Ну, с паршивой овцы, как говорится... Хотя жалко ее по сути-то. Хорошая баба. Только непримиримая тихушница. Че не по ней, молчит. День молчит, два молчит. Только с дочерью разговаривает. А я же тоже живой человек. Пьяный, конечно, но разговаривать-то могу и хочу. Правда, с утра только, пока еще соображаю и слова членораздельно выдыхаю. А она надуетса, как мышь на крупу, и шныряет по дому хмурая, значки мои ищет. Ага, обрадовалась. Я так могу ныкнуть, что и кинолог с собакой не найдет. А Танька злится от этого еще больше. Ишь, в зал меня выперла на диван. А я имею полное свое законное право на место под солнцем. В смысле, на супружеской кровати. Подумаешь, храплю, подумаешь, перегар. Первый раз, что ли?!

Вот как тут не сорваться? Решил же, что завяжу. Таньке поклялся. А она все равно молчит. Ну, я и не выдержал, и по-новой. Ох, страшно-то как. Сердце колотится так, что видно, как ребра шевелятся. Того и гляди, через горло выпрыгнет. Накатить? Может, отпустит? Не. Решил, значит, решил. Мужик я или где? Главное, чтобы как в прошлый раз паучки не ползали по стене. Чуть не обхезался со страху. Боюсь я всякой нечисти этой ползающей и летающей. А когда из запоя выходишь, мерещится то, чего больше всего боишься. Закон подлости. Насмотрелся я таких жутиков за всю свою жизнь достаточно, хоть книгу пиши. Мысли стали обрываться, сонное тепло поползло по каждой жилочке, и я провалился в такой желанный и спасительный сон...

Проснулся неожиданно от боли и холода. Все мышцы свело судорогой, не могу разогнуть ни руку, ни ногу. Господи, что это такое?! Одеядо свалилось на пол, а я не могу его даже поднять – рука не шевелится. Парализовало! Ужас взорвал мозг, хотелось заплакать, но не получалось. Я чувствовал, как струйки пота заливали лоб, глаза, катились на подушку, в ямочки над ключицами. Пытаюсь крикнуть, но горло тоже свело, даже хрипа не могу издать. Во рту стало солоно. И тут я услышал звук, исходящий откуда-то сбоку. «Тук-тук-тук-тук». Это моя рука колотится

ОЛЬГА НАБЕРЕЖНАЯ. ЛОГИКА.

Впервые в «Полярной звезде»

о подлокотник дивана. Помогите, кто-нибудь... Дальше не помню ничего.

Очнулся. Надо мной склонились врачи, что-то суетятся, шприцами быстрехонько орудуют. Оглядываю комнату. Танька стоит в ногах у меня. Зареванная, бигуди топорщатся, руками горло обнимает. Бедная моя, испуганная птичка. Потом рассказала, что проснулась от странного стука. Выползла из спальни, протирая глаза, включила свет и увидела, как я колочусь об диван, весь скукоженный, мокрый от пота. Еще и описался. И язык прикусил. Таньку-то больше всего подушка окровавленная напугала. Увезли меня на «скорой». Утром выпустили с предварительным диагнозом – «эпилепсия на фоне алкогольной интоксикации».

Допился я, граждане хорошие. Чего-то мне там кололи, капельницу ставили, и утром я себя почувствовал превосходно. Ну, думаю, надо это печальное событие залить, так сказать, горькой. По дороге взял «чекушку». Явился домой бодрый, полный сил и стремления к новой, трезвой жизни. Танька водку увидела и опять в молчанку ударилась. Вот что за баба! Ну, хоть бы поскандалила для приличия. И решил я, что пью сегодня в последний раз. Выцедил две рюмки и вылил остальное в раковину. И были эти две рюмки самыми долгими и горькими за всю мою пьяную жизнь. Танька на меня подозрительно покосилась, потом неожиданно разулыбалась и с воплями и рыданием бросилась мне на шею. Ничего, Танюха, заживем теперь!..

А зажить не получалось. Бросил пить – болячки полезли. Гипертония, гастрит, желчь перла все время, руки подрагивать стали. Тьфу ты! Пил – руки так не дрожали, чтобы стакан с чаем расплескивать. Но я гордился собой! Я смог, я это сделал! И я никак не мог понять, почему мною не восхищались, почему меня не хвалили. Все восприняли случившееся как должное. Мало этого, на мои недуги обращали меньше внимания, чем когда я пил. Даже мама перестала звонить каждое утро и спрашивать про мое самочувствие. Не, я все понимаю, но человека же поддержать надо в таком важном и эпохальном для всех решении. Как будто я для себя это толь-

ко делал. Злиться я стал сильно. Вот словно бес в меня вселился. Мне говорят одно, а я делаю по-другому. А потом ору до хрипоты, что я прав. Тещенька звонит, просит мусор вывезти с дачи, а я говорю, мол, времени нет. А время-то есть.

Кстати, времени у меня прибавилось в разы. Забор на даче новый поставил. Правда, с Танькой из-за него разругались. Ну, фиг ли его красить в синий, если веранда зеленым окрашена?! Надо же, чтобы все в тон было. А Танька обиделась, расплакалась, еще и упрекнула, что я в бабские дела лезу. А при чем здесь это? Любой же поймет, что если веранда зеленая, то и забор зеленым должен быть. Ну, это же как ясный день. Опять молчали несколько дней. Вообще, у меня такое чувство возникло, что ничего не изменилось с тех пор, как я бросил пить. Все равно молчанки, споры, ссоры, слезы. Но я держался. Нет уж. Не дождетесь! Чтобы потом, после очередного раза, мне просто «скорую» не вызвали? А вот индейское жилище вам в руки. Не буду пить, и точка.

А выпить хотелось. Очень. Мне иногда снилась запотевшая, из холодильничка, бутылочка с родной такой цветастой этикеткой на стройном стеклянном пузе. Эх, как махнешь стопарик да как занюхаешь его маминым соленьким груздочком, а потом как захрустишь ядреным кусочком – прям песня, а не закуска. А сальце, лоснящееся розовой сытостью, с запахом чесночка и укропа? Вообще шедевр! Почему-то я не воспринимал эти закусочные изыски как самостоятельные продукты. В трезвой жизни ни грибы, ни сало соленое терпеть не мог. Вот просто с души воротило. Самому было удивительно.

Аппетит странный стал. Точнее сказать, я вкус перестал чувствовать. Все казалось несоленым, недоперченным, пресным. Но я же не мог это признать. Ругался на Таньку, что готовить разучилась. Опять слезы, опять молчание. Вот нет, чтобы спросить по-человечески, что, мол, у тебя случилось. С Аленкой тоже непонятки начались. Ну, отец же имеет право знать, чего они сейчас по истории изучают, например. Ответить, что ли, трудно? Дергаться начинает. Просто возьми и выучи даты, а не дергайся на отца. Я же вижу,

что не знает, а вид корчит, будто я ее поймать на чем-то хочу. Отбилась от рук, пока я не тем делом был занят. Ничего, у меня теперь и времени, и сил много стало. Наверстаю. Распустились тут обе, во главе с тещенькой.

Время шло, а раздражение мое никуда не девалось. Даже усиливалось местами. Особенно в выходные. Танька звала на дачу. Шашлыки пожарить, на грядках покопаться, сарайку перебрать. Глупая. Ну какие шашлыки без водки?! Первый запал прошел, и мне уже дача стала неинтересна. Да пусть они свои заборы хоть серебряной краской для оградок кладбищенских покрасят. До Эвереста. Выпить, вроде, не хотелось уже. Но все стало как-то до лампочки. Никто не видел моих жертв. Никто не оценил. Я здоровьем рисковал. Пить бросил ради них. А они вот так, равнодушно, без сочувствия, без понимания. Танька советовала сходить к наркологу, видя мою апатию. Или к психологу.

Но я решил: сам бросил, сам переживу этот кризис. Я видел, что ей тоже было нелегко терпеть меня. Но я-то не виноват, что она такая слабохарактерная. Я же смог измениться. Почему она не может? Вот это и перерастало в обиду. А моя новая позиция в семейной жизни не могла, конечно, добавить позитива в расстроенное сознание. Мне казалось, что меня перестали уважать, что терпят только ради моего заработка. А руки у меня были золотые. И слесарил, и плотничал, и по электрике кумекал. Халтуры сыпались. Живи – не хочу. Но не мог я терпеть их закидоны. Мы же семья все-таки. Значит мое слово здесь хоть что-нибудь или нет?

Ту далекую, развеселую и бесппроблемную жизнь вспоминал с улыбкой. Никакой ответственности. Про запои я, конечно, забыл, как забывается все неприятное и остается лишь самое хорошее. Просто помнил, что тогда мне было комфортно в этой жизни, потому что не надо было ничего решать. Про алкоголь я забыл напрочь. Будто и не я это был вовсе. В других тоже это не принимал теперь. Не от зависти, а от правильности выбора. В компании мы не ходили. Татьяна на корпоративах тоже нечего было делать. Аленке всыпал ремня после выпускного, когда

пришла под утро, веселая и грустная одновременно. Не стал разбираться в причинах грусти, просто всыпал ремня и все. Пусть знает, что отец – это отец. А утром они ушли. Обе. Танька оставила записку. До сих пор ее храню. Сначала было смешно, даже похихикал. А потом...

«Юра! Мы уходим от тебя, потому что больше невозможно с тобой жить. Ты не видишь никого и ничего, кроме себя, своих интересов, своего «я». Мы устали. Разговоры тут не помогут, я не раз пыталась с тобой об этом поговорить, но ты слышишь только себя. Будь счастлив. Наверно, Аленка тебе позвонит потом. Подумай, правильно ли ты строишь свою жизнь».

А потом мне стало хреново. Только не так, как в те времена. Много хуже. Потому что сейчас мое сознание было со мной. И вытаскивало из закровов безобразные сцены моего «царизма» в семье. И все-таки странно. Я был пьян, сран, невменяем, а меня терпели и пытались вытащить из небытия. А сейчас, когда я здоров и вполне адекватен, меня бросили. Бабы – дуры? Или я чего-то не понимаю. Где логика?!

ОЛЬГА НАБЕРЕЖНАЯ. ЛОГИКА.

Сайлыкмаа КОМБУ
(Тыва),
член Союза писателей России

В СТЕПЬ ПОЙДУ ТРОПИНКОЙ РОСИСТОЙ...

Сайлыкмаа Салчаковна Комбу родилась в 1960 году в Бай-Тайгинском районе Тувинской АССР. Окончила Кызылское медучилище, Кызылский пединститут.

В Институте мировой литературы им. А.М.Горького защитила кандидатскую диссертацию. Работала завучем в школах Тывы, научным сотрудником ТНИИЯЛИ, преподавателем Кызылского пединститута.

Автор нескольких поэтических сборников. Переводила произведения мировой и русской литературы: Омара Хайяма, Рудаки, Сапфо, А.Пушкина, Н.Некрасова, С.Есенина, А.Ахматовой, М.Цветаевой, Б.Ахмадулиной. В ее переводе вышел и сборник древнекитайской лирики.

Член Союза писателей Республики Тыва, Союза писателей России.

* * *

Одолев, преграды, муки,
я опять в родном краю!
Сквозь печаль, под сердца стуки,
«Здравствуй, пес мой», - говорю.

Мой Костук! Вновь глядят руки
шерсть лохматую твою,
будто не было разлуки...
Не сдержавшись, слезы лью.

Нет уж здесь друзей... Однако,
за разлуку не вина,
друг Костук, моя собака,
ты приветствуешь меня!

Как волнующе до слез:
край родной и верный пес.

* * *

Ожидаю тебя и мечтаю о встрече.
Ожидания пряжа печалью полна.
Тихо прялка жужжит. Вечер стужею мечен.
Ветер северный тычется в стекла окна.

Ты ль, к окошку прильнув,
смотришь с улыбкой?
Нет!.. На стеклах - рисует мороз миражи.
Беспризорные сны бродят тропкою зыбкой.
Тьма полночная, вьюжных оленей кружи!..

Ты хоть помнишь меня иль забыл?.. Я не знаю.
Тихо прялка жужжит. Мыслей тянется нить.
Я твой взгляд и движенья твои вспоминаю.
Снова сердце болит: без тебя мне не жить!

За окошком всю ночь воет снежная вьюга,
занося все дороги, запутав пути:
чтоб весне не добраться к нам с теплого юга,
чтобы мне никогда до тебя не дойти.

Я, как птица - с крылом, перебитым зарядом,
с неизбывной тоскою гляжу в уголок...
Ах, как хочется мне, чтоб уселся ты рядом
и две наши судьбы завязал в узелок.

* * *

Нелегкой жизни ноша тяжела, -
цветок души, как камнем, придавила.
И все-таки в себе я сохранила
желанье встречи. Этим и жила.

Срывалась в пропасть, взяла в толще ила,
но - выбиралась, вырывалась, шла...
Ночами сердце, будто факел, жгла,
чтоб путь к тебе не потерять, хоть трудна.

Порою вьюга вдруг пускалась в пляс, -
мела снегами, леденила тело!
Но я все шла и одного хотела, -
чтобы ты меня своей любовью спас!

Тебя лишь ради, только ради нас -
костер надежды в сердце не погас.

* * *

Прошу тебя, подробней расскажи,
касаясь губ хмельного полной чашей, -
каким был путь к вот этой встрече нашей
сквозь даль разлуки и сквозь дебри лжи.
когда от зноя плавился песок,
сухие губы трескались от жажды,
пот заливал глаза, и не однажды
злословье сплетней целилось в висок?!
Все расскажи и обо мне поведай,
Хоть знаю я – не передать словами
Всего того, что в жизни было с нами...
Давай же переполнимся победой!
Мы все прошли, что было злым и тяжелым...

* * *

Нас согревая нежными словами,
любовь казалась солнечной весною...
Бродяга-ветер тропкою иною
принес обиду с вьюжными снегами.

И почему, не ведаем мы сами,
разделены метельною стеною,
пронзительно звенящею струною
связь душ родных разорвана меж нами.

Поникли мы под тяжестью сугроба,
сердца заледенели злою стужей.
Кто виноват? Наверное, мы оба.
И с каждым днем становится нам хуже.

Как хочется, чтоб вьюжная хвороба
Растаяла и испарилась лужей!

САЙЛЫКМАА КОМБУ. В СТЕПЬ ПОЙДУ ТРОПИНКОЮ РОСИСТОЙ...

ДРУЖБА НАРОДОВ – ДРУЖБА ЛИТЕРАТУР

* * *

Тьма ночная – без предела...
Грусть, как будто ржавый гвоздь,
вновь пронзила меня насквозь,
к полночи прибила тело.

Ты и я – мы снова врозь,
И душа заледенела...
Я б иной судьбы хотела,
Чтоб страдать так не пришлось.

Но, как будто чашу с ядом,
мне подносят час ночной.
Как мне справиться с бедой?
Пес Костук вздыхает рядом.

В бездне преданного взгляда
отразился звездный рой.

* * *

Как дорог мне твоей судьбы исток –
июля день последний, золотистый,
который к жизни – ветке многолистной,
добавит вновь еще один росток.

Я в степь пойду тропинкою росистой,
и, не срывая ни один цветок,
степь, как букет, и каждый лепесток
я подарю тебе в тот день лучистый.

Пусть караван печали сбросит вьюки,
пусть ввысь взлетят, отбросив боль и ложь,
красивых песен радостные звуки!
И верю я, что ты меня поймешь...

Но как же глубока река разлуки –
Вброд не пройдешь и не переплывешь.

*Перевод с тувинского
В. Гордеева.*

Николай ГАБЫШЕВ,
краевед,
г. Санкт-Петербург

«Бедная Лиза...»

(Об узниках Петропавловской крепости)

Меня всегда интересовала дореволюционная история Якутии и ее люди, оставившие после себя заметный след в народной памяти.

Сегодня я хочу рассказать своим землякам об узниках Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге, жизнь которых была неразрывно связана с Якутией.

Автор.

«Патриот – это человек, любящий Родину, а Родина – это прежде всего народ».

Н.Г. Чернышевский.

Экскурс в историю

Санкт-Петербург справедливо считают одним из самых прекрасных европейских городов. Это не только музей под открытым небом, но и просто воплощение в граните и мраморе последних трехсот лет российской истории.

Петербуржцы считают свой город культурной столицей, ссылаясь на то, что лучшие русские писатели – от Пушкина до Довлатова – жили здесь, на берегах Невы, Петербургский университет входит в десятку лучших в Европе, а Мариинский театр и Эрмитаж вобрали в себя самое лучшее, что есть в искусстве.

Редкий гость города не посетит Музей истории Петербурга в Петропавловской крепости. История создания Петропавловской крепости неразрывно связана с Северной войной, которую Россия и Швеция вели в период 1700–1721 гг.

В результате ряда успешных военных операций к 1703 году России удалось отвоевать приневские земли, и для их защиты потребовалась надежная крепость, построенная по всем правилам фортификационной науки тех лет.

Место для новой крепости выбирал лично Петр I. Выбор государя пал на Заячий остров, находящийся в самой широкой части устья Невы.

16 (27) мая 1703 года на этом месте была заложена Петропавловская крепость.

Этот день принято считать днем рождения Санкт-Петербурга.

Победы, одержанные над шведами в 1709–1710 годах, вывели на иной уровень историю Петропавловской крепости. С этого времени она потеряла свое военное оборонительное значение. Еще до окончательного завершения Северной войны на Заячьем острове начал свою работу Сенат, а вскоре здесь была создана главная политическая тюрьма России.

Знаменитый итальянский архитектор Доменико Трезини построил на территории новой тюрьмы специальный дом, в котором размещалась страшная и безжалостная Тайная канцелярия.

Первым узником «Русской Бастилии» – такое название получила крепость со временем – стал сын ее основателя – царевич Алексей, умерший (или тайно убитый) в заключении 25 июня 1718 года.

Впоследствии его участь разделили многие

из тех, кто вступал в противоречия с существующим режимом.

Бастионы крепости помнят знаменитую княжну Тарakanову, выдававшую себя за наследницу престола, писателя Радищева и декабристов, содержавшихся в Алексеевском равелине. В ее стенах пребывали петрашевцы, народовольцы и нечаевцы.

Старинная крепость давно получила славу «Крепости привидений». По рассказам служителей, призраки пятерых декабристов, казненных летом 1826 года, бродят здесь по ночам...

В крепости ждали решения суда Н.Г. Чернышевский, Ф.М. Достоевский, М.А. Бакунин и много других видных деятелей той эпохи.

Во время Октябрьского переворота 1917 года гарнизон крепости поддержал большевиков, и после завершения штурма Зимнего дворца кронштадтскими матросами узниками ее казематов стали министры Временного правительства.

После победы большевиков крепость стала главной тюрьмой ВЧК. Известно, что в 1919 году на ее территории были расстреляны 4 Великих князя из рода Романовых: Дмитрий Константинович, Георгий Михайлович, Николай Михайлович и Павел Александрович.

Особенно мрачной страницей в истории Петропавловской крепости стал период Красного террора, пик которого выпал на 1917–1921 гг. Массовые расстрелы производились тогда со стороны Кронверкского пролива. В 2009 году там были обнаружены останки сотен людей, ставших жертвой советского режима, на долгие годы установившегося в стране.

...Переехав из г. Якутска в Санкт-Петербург в 2002 году, я дважды посещал казематы Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей.

Тюремные камеры, где томились долгие мучительные годы политические заключенные, на меня всегда производили угнетающее впечатление, заставляли задуматься о бренности человеческого существования в нашем грешном мире, о несправедливости принимаемых законов, о бесправии и незащищенности человека.

Из истории Якутской политической ссылки я знал, что многих узников крепости после суда ссылали в Якутию.

Н.Г.Чернышевский.

Так, по решению Верховного уголовного суда, после утверждения приговоров Николаем I, с осени 1826 года под усиленным полицейским конвоем в Якутскую область начали прибывать декабристы, участники восстания 1825 года на Сенатской площади в Санкт-Петербурге.

Якутскую ссылку отбывали 13 декабристов:

Подпоручик 9-ой артиллерийской бригады А.Д. Веденяпин прожил с сентября по ноябрь 1826 г. в Верхневиллюйске, затем был переведен в Киренск, где отбыл 20-летний срок.

Подпоручик квартирмейстерской части 2-ой армии Н.Ф. Заикин из Якутска был отправлен в Охотск, Гижикю, затем в Витим, где умер в 1833 году.

Подпоручик Лейб-гвардейского Измайловского полка А.Н. Андреев прожил в Жиганске с 7 ноября по 1 декабря 1826 г., затем переведен в Олекминск, где, прожив 5 лет, умер при невыясненных обстоятельствах.

Лейтенант флота Н.А. Чижов прожил в Олекминске более 6 лет из 17-летней ссылки и службы рядовым.

Граф, ротмистр кавалергардского полка З.Г. Чернышев отбывал ссылку около 8 месяцев в Якутске,

Поручик Н.С. Бобрищев-Пушкин I – меньше 4 месяцев в Среднеколымске.

Обер-прокурор С.Г. Краснокутский, герой Бородинской битвы, награжденный Золотой шпалгой, прожил около 9 месяцев в Якутске.

Штабс-капитан Лейб-гвардейского конного эскадрона М.А. Назимов – менее 6 месяцев в Верхнеколымске.

Штабс-капитан гвардии драгунского полка А.А. Бестужев-Марлинский прибыл в Якутск 24 декабря 1827 года. В июне 1829 года ему разрешили перевод на Кавказ рядовым солдатом, куда он выехал под надзором полиции в сентябре того же года.

Герой Бородинской битвы отставной подполковник Матвей Иванович Муравьев-Апостол прибыл в Якутск 24 декабря 1827 года. После двухнедельной остановки в Якутске 6 января 1828 года его отправляют к месту поселения в г. Вилюйск. В июле 1829 года, когда царское правительство решило перевести его в Бухтарминск, Матвей Иванович отдал свою вилюйскую юрту прокаженным, оформив свой дар через канцелярию вилюйского комиссара. Из Вилюйска в Якутск М.И. Муравьев-Апостол в сопровождении казака прибыл 11 июня 1829 года. Умер в 1886 году в Москве.

Также отбывали якутскую ссылку бывший поручик квартирмейстерской части 2-ой армии И. Загорецкий, член «Южного общества» и князь В. Голицын, член «Северного общества».

П.Ф. Выгодский – единственный из декабристов крестьянин по происхождению, был поселен в с. Нюрба Мархинского улуса Вилюйского округа, после переведен в Вилюйск, где прожил до конца 1871 года.

Знаменитый русский революционер, писатель, журналист Николай Гаврилович Чернышевский провел в Вилюйской ссылке 11 лет 7 месяцев.

Он родился 24 июля 1828 г. в г. Саратове в семье священника. Три года проучился в Духовной семинарии. С 1846-го по 1850-ый гг. занимался на историко-филологическом отделении Петербургского университета. В 1853 году женился на Ольге Сократовне Васильевой. В этом же году молодые переехали из Саратова в Петербург.

НИКОЛАЙ ГАБЫШЕВ. «БЕДНАЯ ЛИЗА...»

Экскурс в историю

Вскоре в семье родились два сына: Александр и Михаил.

В Петербурге началась его карьера публициста. Имя Чернышевского быстро стала знаменем журнала «Современник», где он начал работать по приглашению Н.А. Некрасова. В 1855 году Чернышевский защитил диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности».

В конце 50-ых – начале 60-ых годов очень много печатался, пользуясь любым поводом для того, чтобы открыто или завуалированно высказать свои радикальные взгляды по крестьянскому и земельному вопросам, отличавшиеся от программы царского правительства. Ожидал крестьянского восстания после отмены крепостного права в 1861 году.

За революционную агитацию «Современник» был закрыт. Вскоре после этого власти перехватили письмо А.И. Герцена, уже 15 лет находящегося в эмиграции. Узнав о закрытии «Современника», Герцен написал сотруднику журнала Н.Л. Серно-Соловьевичу и предложил издание «Современника» за границей.

Это письмо было использовано как повод, и 7 июля 1862 года Чернышевского и Серно-Соловьевича арестовали и поместили в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости.

А.Г. Чернышевский провел в одиночной камере Петропавловской крепости 678 дней. Там он написал свой знаменитый роман «Что делать?».

В мае 1864 года Чернышевский судом был признан виновным, осужден на 14 лет каторжных работ и ссылку в Восточную Сибирь до конца своей жизни.

Своей вины Чернышевский не признал.

Император Николай I уменьшил ему срок каторги до 7 лет.

После свершения над ним «гражданской казни» 19 мая 1864 года Н.Г. Чернышевский из Петербурга был отправлен на каторгу в Сибирь. Он был поселен на Кадаинском руднике Нерчинского горного округа, у далекой монгольской границы.

Но похоронить Чернышевского заживо правительству не удалось. Его имя было окружено ореолом мученичества и героизма. Ни одна студенческая сходка не проходила без того, чтобы

на ней не вспоминалось имя великого борца и мученика.

Когда в 1869 году кончился срок каторжных работ, Чернышевский надеялся, что ему разрешат поселиться в одном из больших сибирских городов, что он получит возможность вернуться к любимому писательскому труду. Но расчеты его не оправдались. Власти боялись, что Чернышевский сможет бежать за границу и оттуда руководить революционной работой.

Над Чернышевским вновь было совершено беззаконие. 12 ноября 1871 года он был переведен в Вилюйский острог, лежащий к северу-западу от г. Якутска на расстоянии 750 верст, куда прибыл 11 января 1872 года, измученный морально и физически за время месячного путешествия. Его поселили в тюремном замке под охраной якутских казаков и строгим контролем жандармов, где он прожил до 1 сентября 1883 года.

Летом 1874 года власти попытались склонить Чернышевского к подаче просьбы о помиловании. Генерал-губернатор Восточной Сибири направил в Вилюйск своего адъютанта, полковника Винникова, для переговоров с Чернышевским о том, что если им будет подано прошение о помиловании, то его освободят из Вилюйского заточения и со временем возвратят в Россию.

Но Чернышевский категорически отказался от подачи прошения о помиловании.

На каторге и в ссылке «этот литературный Прометей», как его называл Плеханов, продолжал неутомимую работу: он написал много художественных произведений и ряд статей по самым разнообразным вопросам. Большую часть написанного он сжег, ибо знал, что правительство никогда не позволит напечатать его творения. Своим товарищам по ссылке Чернышевский объяснял, почему сжигает написанное. Он утверждал, что у него отличная память, и то, что он однажды написал, он сможет позже, после окончания ссылки, восстановить.

Русские революционеры не могли примириться с тем, что их вождь обречен на медленное умирание. Сначала об организации побега Чернышевского из ссылки задумались члены Ишутинского кружка, из которого вышел Каракозов. Но кружок Ишутина был разгромлен и план

Г.А.Лопатин.

спасения Чернышевского остался неосуществленным...

В 1870 году один из видных русских революционеров, писатель, публицист, коллежский секретарь Герман Лопатин, близко знакомый с К. Марксом, пытался спасти Чернышевского, но был арестован в Томске. Из Томска Германа Александровича перевели в Иркутскую тюрьму.

10 июня 1873 года Лопатина привезли в Иркутский окружной суд для дачи показаний. Проходя по двору суда под стражей, он видел, как приехавший в суд за справками чиновник привязывал к коновязи лошадь. Тотчас в голове его родился дерзкий план. Во время перерыва заседания суда Лопатин, выйдя вместе с часовым освежиться на крыльцо, спрыгнул на землю, быстро подбежал к лошади, оборвал повод, вскочил в седло и ускакал в лес.

Через месяц, после множества опасных приключений, Лопатин, переодетый крестьянином, с фальшивым паспортом добрался на лошади до Томска. Затем пароходом – до железной дороги. Прибыв в Петербург, вскоре уехал в Париж, где продолжил свою революционную деятельность. Он состоял членом Генерального Совета 1-го Интернационала, перевел на русский язык первый том «Капитала» К. Маркса.

В 1879 году вернулся в Россию.

Лопатин Герман Александрович родился в 1845 году в Нижнем Новгороде в богатой дворянской семье. Окончил физико-математический факультет Московского университета. Прикнуд к народовольческому кружку Каракозова.

В 1866 году привлекался по Каракозовскому делу и просидел в Петропавловской крепости 2 месяца, но был освобожден за отсутствием улик.

В 1868 году арестован по делу кружка Волховского, имевшего задачей отправку в деревни учителей для революционной пропаганды. Просидел в Петропавловской крепости 8 месяцев и был выслан в Ставрополь-Кавказский с определением на службу в канцелярию местного губернатора.

В 1884 году Герман Лопатин по «Процессу 21-го» был арестован и посажен в третий раз в Петропавловскую крепость.

В июне 1887 года он был приговорен к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением в Шлиссельбургской крепости. Там он провел 18 лет. Лишь в 1905 году его освободили по амнистии и сослали на 4 года в Вильно под поручительство его брата.

Герман Александрович Лопатин умер 26 декабря 1918 года в Петрограде.

В конце 1873 года иркутский генерал-губернатор получил анонимное письмо, в котором указывалось, что революционерами Бакуниным и Утиным разработан план освобождения Чернышевского.

По данным Иркутского архива, в Вилюйск срочно был откомандирован жандармский полковник Купенков, который по прибытии произвел внезапный обыск в Вилюйском остроге. Жандармы, ища подземный ход, взломали полы. У Чернышевского были отобраны рукописи и 310 рублей. Деньги были переданы вилюйскому исправнику «для удовлетворения нужд Чернышевского по мере надобности».

Во время обыска Купенков заметил Чернышевскому, что те, которые считают себя его друзьями, вредят ему, делая попытки к освобождению его из Сибири.

Чернышевский на это ответил:

«Согласитесь, что вы никогда не забудете фа-

НИКОЛАЙ ГАБЫШЕВ. «БЕДНАЯ ЛИЗА...»

Экскурс в историю

милий Пушкина, Гоголя, Лермонтова, так современная молодежь будет помнить мою фамилию, хотя я этого не ищущу... Если те идеи, которые я проводил десять лет тому назад, признаны преступными, то за них я потерпел довольно, подчиняясь суду, и не знаю за что, после истечения срока каторги, отягощая мою участь содержанием здесь и воспрещением печатать мои сочинения».

В рапорте Купенкова иркутскому губернатору о произведенном обыске говорилось: «Сильно похудевший и пожелтевший Чернышевский эксцентричен, странен и необщителен с людьми, кроток и вежлив с надзором, проводит время в чтении и в письме, уничтожая свои работы. Обрядов православной церкви не соблюдает, в церковь не ходит, в пище воздержан, вина и водки не употребляет...».

В заключении Купенков указывал, что побег Чернышевского из Вилюйска почти немислим в силу географического положения этого города, местных климатических условий и безлюдности вилюйских окрестностей.

Но русские революционеры так не думали...

...11 июля 1875 года исполняющий должность вилюйского исправника Иван Жирков получил от письмоводителя Сунтарской инородческой управы письмо, в котором сообщалось, что несколько дней тому назад из Олекминска в Сунтар на наемных лошадях, без конвоя, прибыл некто Мещеринов.

В тот же день Жирков получил известие от своего помощника Поротова, встретившего Мещеринова в десяти верстах от Верхне-Вилюйской управы. Из письма видно, что приезжий расспрашивал Поротова о том, когда идет почта из Якутска в Вилюйск, и потом сказал, что он вернется из Вилюйска не один, но еще не знает, каким путем – на Якутск или на Олекму.

Эти письма заставили Жиркова насторожиться. На следующий день, в два часа тридцать минут пополудни, к нему явился в форме жандармского поручика сам Мещеринов. Он предъявил три важных документа из Иркутского жандармского управления на имя вилюйского исправника.

Первый документ гласил: «Препровождая при сем телеграмму, полученную в управлении

на ваше имя от генерал-губернатора Восточной Сибири, управление, с своей стороны, покорно просит вас не отказать в содействии поручику Мещеринову по исполнению возложенного на него поручения».

В телеграмме из Благовещенска, адресованной в Иркутское жандармское управление, предписывалось вилюйскому исправнику оказать необходимое содействие поручику корпуса жандармов Мещеринову, командированному сопровождать Чернышевского в Благовещенск.

И, наконец, в третьем документе от Иркутского жандармского управления предписывалось исполнить в точности и без малейшего замедления все приказы поручика корпуса жандармов Мещеринова, относящиеся до перевода посаженного в г. Вилюйске Николая Чернышевского во вновь назначенное место жительства.

Многое могло тут смутить исправника: Мещеринов прибыл без подорожной, без конвоя, у него не оказалось бумаги от якутского губернатора – непосредственного начальника. Подозрительным показался в официальных бумагах термин «посаженный», вместо «государственный преступник»

Во всяком случае, Жирков наотрез отказался выдать Чернышевского Мещеринову, усилил караул в остроге, не допустил Мещеринова к Чернышевскому, заявив, что без предписания якутского губернатора он не пустил бы и самого шефа жандармов.

Ничего не оставалось делать Мещеринову, как обратно отправиться в Якутск. Исправник снарядил его в дорогу и послал с ним, якобы для сопровождения, двух казаков, с которыми отправил донесение о случившемся.

На первой же станции от Вилюйска, где произошла смена лошадей, Мещеринов переоделся, отдал свою форменную одежду казаку Семену Бубякину, приметившему, что в поясе, прикрепленном к брюкам, оказалось два кошелька с большим количеством денег.

Дорогой он расспрашивал у казаков названия улусов, наслегов, записывал эти сведения в книжечку. По пути из Вилюйска Мещеринов, заметив, что казаки зорко следят за ним, решил отделиться от них. Улучив момент, он стал стрелять

в казаков, ранил одного из них и скрылся в лесу.

Получив это тревожное известие, перепуганный исправник немедленно снарядил для поимки беглеца трех казаков и знающего «медицинскую часть» купца Добронравова

(в Вилюйске не оказалось ни врача, ни фельдшера) для оказания помощи раненому казаку Бубякину.

Казакам велено было принять все меры к розыску Мещеринова, стараясь всеми мерами схватить его живым.

Вскоре Мещеринов был арестован в Якутском округе.

После недолгого заперательства «Мещеринов» вынужден был сообщить о себе, что он революционер-народник Ипполит Никитич Мышкин.

...На одной из камер Трубецкого бастиона Петропавловской крепости висит портрет И.Н. Мышкина, а под ним – информация о нем:

**Ипполит Никитич
МЫШКИН
1848–1885 гг.**

**Находился в заключении с 14 февраля 1876 г.
по 15 апреля 1878 г., с 31 июля 1883 г.
по 28 апреля 1884 г.
(номера камер неизвестны)**

И.Н. Мышкин – деятель революционного народничества.

Родился в 1848 году в Пскове, в семье унтер-офицера и крепостной крестьянки. Окончил училище топографов, служил в геодезическом отделении Генштаба, затем стенографом в Московском земстве.

В 1874 году создал в Москве нелегальную типографию для снабжения пропагандистской литературой участников «хождения в народ».

После разгрома типографии бежал за границу.

В 1875 году вернулся в Россию, чтобы освободить Н.Г. Чернышевского, но был арестован в Якутии, доставлен в Петербург и заключен в Трубецкой бастион.

На «Процессе 193-х» над участниками «хождения в народ» выступил с речью против существующего режима.

НИКОЛАЙ ГАБЫШЕВ. «БЕДНАЯ ЛИЗА...»

И.Н.Мышкин.

Приговорен к 10 годам каторги. Совершил побег из Карийской каторжной тюрьмы в Забайкалье, но был задержан.

В 1883 году стал одним из инициаторов волнений заключенных на Каре, за что в кандалах отправлен в Петропавловскую крепость.

Содержался на каторжном положении в Трубецком бастионе и в секретном доме Алексеевского рavelина.

В 1884 г. переведен в Шлиссербургскую крепость, где упорно боролся за смягчение жестокого каторжного режима для всех осужденных.

За «оскорбление действием» заведующего тюрьмой предан военному суду.

...Расстрелян в Шлиссербургской крепости 26 января 1885 года.

Интересно, что в организации освобождения Н.Г. Чернышевского его не обвиняли. Судя по всему, этот эпизод власти предпочли замять и не предавать огласке.

... Дело о перемещении Н.Г. Чернышевского сдвинулось с мертвой точки только после смерти Александра II.

27 мая 1883 года последовало соизволение Александра III на «перемещение Чернышевского под надзор полиции в Астрахань, с тем, чтобы

Экскурс в историю

по пути следования не делалось ему каких-либо оаций».

Лишь в 1889 году Николая Гавриловича из Астрахани перевели в родной Саратов, где вскоре после переезда он скончался от кровоизлияния в мозг.

Ему было всего 61 год...

В нашей родословной Габышевых – Седалищевых есть страницы, связанные с именем Н.Г. Чернышевского.

По рассказам родственников из Иркутска, в Якутск Н.Г. Чернышевского сопровождал иркутский жандармский штабс-капитан Зейферт с тремя жандармами. По прибытию в Якутск якутский губернатор выделил для их сопровождения в Вилюйск потомственного казака, пятидесятилетнего 3-ей сотни Якутского казачьего полка Рубцова Григория Яковлевича – моего прапрадеда.

...Стояли трескучие январские морозы 1872 года.

Жандармы с Чернышевским ехали в теплой кибитке с печкой. Рядом с ними на орловском жеребце лихо гарцевал мой прапрадед. Все лицо его было в снежном куржаке.

На ямщицкой станции Чернышевский участливо спросил Григория: «Как вы можете в такой мороз ездить верхом на лошади?» На что Григорий Яковлевич невозмутимо ответил: «Мы, местные, к морозу привычные!»

Николай Гаврилович проникся симпатией к моему прапрадеду. Это было взаимно.

Также по рассказам родственников, в 1876 году в Вилюйске состоялась венчание в Николаевской церкви моего другого прадеда купца 2-ой гильдии Седалищева Гаврила Александровича с казацкой дочерью Верой Григорьевной Рубцовой. На свадьбу был приглашен Н.Г. Чернышевский.

Он вошел в просторный купеческий дом и вручил молодоженам красную коробочку с духами, которые ему отправила его жена Ольга Соколатовна и свою фотографию в каторжной одежде с кандалами с надписью «Дорогой Верочке и Гаврилу от Н. Чернышевского».

Увидев, что за праздничным столом сидят два жандармских офицера, надзиравшие за ним в остроге, он, извинившись перед хозяевами, за

стол не сел и спешно покинул усадьбу. Жандармов он патологически нанавидел.

Мой прадед Гаврил Александрович очень гордился тем, что на его свадьбе присутствовал сам Чернышевский. Вот такие сведения мне рассказали мои родичи, находящиеся в преклонном возрасте.

В Национальном архиве РС (Я) я обнаружил интересный документ, который подтвердил рассказы родственников, разрешил все мои сомнения и прояснил мучавший долго меня вопрос о том, как познакомился вилюйский мещанин Гаврил Седалищев с уроженкой г. Якутска казацкой дочерью Верой Рубцовой.

**Фонд 343- и, оп. 1, дело 228.
Городская перепись 1874 г.**

г. Вилюйск.

1146. Тюремный замок, 2-й квартал, Средняя улица.

– Николай Чернышевский, 40 лет, государственный преступник.

– Григорий Рубцов, 49 лет, пятидесятилетний, на службе. Жена: Кирьяна, 39 лет, казацкого сословия. Дети: сыновья Федор – 15 лет, Евгений – 9 лет. Дочь Вера – 16 лет, девица.

– Абей Фомин – ..., военного сословия, холост, на службе.

– Евстратий Гродников, 34 лет, пятидесятилетний, на службе.

– Василий Иванов, 25 лет, якут, сторож.

– Семен Данилов, 27 лет, якут, сторож.

(В переписи допущена неточность – Чернышевскому в 1874 году было 46 лет.)

Также, просматривая метрическую книгу Вилюйского Николаевского собора, я нашел для себя бесценную запись:

«14 апреля 1876 года якутский мещанин Седалищев Гаврил Александров, 23 лет, первым браком и казацкого звания девица Рубцова Вера Григорьевна, православного исповедования, 18 лет, первым браком.

Поручатели: тысяцкий казак Якутского полка Иннокентий Кондаков, казак Степан Кондаков, казак Дмитрий Жирков, унтер-офицер корпуса жандармов Степан Плотников,

пятидесятский Семен Попов, якутский мещанин Кирик Седалищев, якутский мещанин Николай Винокуров.

Священник Иоанн Невский».

Из архивных данных выясняется, что, видимо, по ходатайству Н. Чернышевского, направленному к якутскому губернатору, казак Якутского полка Рубцов Григорий Яковлевич был направлен на новое место службы в г. Вилюйск вместе с семьей для охраны государственного преступника № 1.

Если Н.Г. Чернышевский прибыл в Вилюйский острог 11 января 1872 года, то мой прапрадед с семьей прибыл Вилюйск где-то летом 1872г.

Так волею судьбы и по божьему промыслу в Вилюйске встретились мои дорогие прадедушка и прабабушка.

Н.Е. Томский в своей книге «Вилюйский Ротшильд» пишет, что Николай Гаврилович в Вилюйске часто приходил в гости к священнику Иоанну Винокурову, которому после ссылки перед отъездом оставил свои вещи и рукописи – для их последующей отправки адресату. Что о. Иоанном было сделано неукоснительно.

Священник Вилюйского Николаевского собора Иоанн Евдокимович Винокуров (1847–1912) был внуком моего прапрапрадедушки Винокурова Иоанна Михайловича (1792–1841), священника Николаевской церкви г. Вилюйска.

С 1893 г. до самой своей смерти в 1912 году о. Иоанн служил священником Пантелеймоновской церкви выселка прокаженных. Это о нем с благодарностью и теплотой писала в своей книге «На санях и верхом, к отверженным сибирским прокаженным» английская сестра милосердия Кэт Марсден, посетившая Вилюйскую колонию в 1892 году: «о. Иоанн, истинный друг бедных прокаженных и истинный христианин... Он единственный человек, который их посещает, другие боятся...».

-----

24 февраля 1875 года в Петропавловскую крепость был заключен дворянин Войнаральский Порфирий Иванович.

НИКОЛАЙ ГАБЫШЕВ. «БЕДНАЯ ЛИЗА...»

В коридоре Трубецкого бастиона на стене у входа в камеру висит табличка с его портретом:

**Порфирий Иванович
Войнаральский**

1844–1898 гг.

Находился в заключении с 24 февраля 1875 г. по 3 января 1876 г. в камере 21, с 26 июля 1876 г. по 17 октября 1877 г. и с 20 ноября 1877 г. по 25 июня 1878 г. (номера камер неизвестны).

П.И. Войнаральский – деятель революционно-народничества.

Родился в Пензенской губернии, внебрачный сын княгини В.М. Кузушевой.

За участие в студенческом движении исключен из Московского университета, выслан в Вятскую губернию, оттуда «за вредное влияние на учащуюся молодежь» переведен в Волгоградскую, а затем в Архангельскую губернию. После возвращения из ссылки в 1868 году жил в Пензе. Стал одним из первых народников-пропагандистов, в 1873–1874 гг. был среди главных организаторов «хождения в народ». Отдал все свое состояние на революционные цели: издание нелегальной литературы, организацию мастерских для обучения ремеслам тех, кто готовился идти «в народ». В целях пропаганды действовал в Москве, Тамбове, Саратове. В июле 1874 года арестован в Самаре, отправлен в Москву, оттуда в Петербург, в Трубецкой бастион. 3 января 1876 года переведен в Дом предварительного заключения, откуда совершил побег вместе с С.Ф. Коваликом, но был задержан. В период следствия, а также во время суда и перед утверждением приговора переводится в Трубецкой бастион. Осужден по «Процессу 193-х» над участниками «хождения в народ». Приговорен к 10 годам каторжных работ. Отбыв каторгу, находился на поселении в Купянске Харьковской губернии.

В этой табличке почему-то нет упоминания о периоде его жизни в Якутии. В архивных документах указано, что П.И. Войнаральский отбывал каторгу в Нижней Каре (Читинская область).

Экскурс в историю

П.И.Войнаральский.

После каторги в 1884 году определен на поселение в г. Верхоянск Якутской области. Будучи деятельным и предприимчивым человеком, в 1888 году он получил разрешение на занятие торговых и разъезды по Верхоянскому округу.

В 1890 году П.И. Войнаральский переехал в Якутск, где в 1891 году заведовал образцовой казенной сельскохозяйственной фермой.

В 1890 году сотрудничал с сибирской прессой (псевдоним «Огоннер»).

Получил право приписки в крестьяне, а по Манифесту 14 мая 1896 года получил сокращение срока пребывания в Сибири.

В марте 1897 года П.И. Войнаральский получил разрешение на возвращение в Европейскую Россию. Выехал в Таврическую губернию.

Скоропостижно умер 17 июля 1898 года в г. Купянске (Харьковская губерния).

П.И. Войнаральский прожил в Якутии целых 13 лет.

У Порфирия Ивановича в Верхоянске родился незаконнорожденный сын.

При регистрации он стал Слепцовым Николаем Яковлевичем, видимо, по фамилии матери.

Известно, что псаломщик церкви Слепцов Н.Я. в Якутске женился на учительнице Женского

епархиального училища Бушковой Вере Иннокентьевне, из династии якутских священников. Ее прадед Попов Степан Андреевич (1828–1869) служил пономарем в церкви Ново-Архангельска (Аляска), потом переехал в Чурапчу. Его сын Василий был женат на Поповой Капитолине Дмитриановне (1852–1925) – дочери известного Ытык-Кюёльского священника Попова Дмитриана Дмитриановича.

К сожалению больше сведений о Слепцове Н.Я. не обнаружено.

...В мрачных камерах «Русской Бастилии» томилась и несколько поколений женщин-революционерок.

Трагична история молодой девушки Леонтьевой Татьяны (1885–1922), уроженки

Петербурга. Фанатичная ее преданность боевой организации эсеров, безрассудное желание самопожертвования, романтическая борьба за высшую правду на деле оказались тяжелым испытанием и вылились в ужас и смерть.

Ее отец – Леонтьев Александр Николаевич, генерал-майор – в 1904–1905 гг. был якутским вице-губернатором.

Мать была из аристократической семьи князей Белосельских – Белозерских, близка к императорскому двору. Санкт-Петербургский генерал-губернатор, заведующий полицией с отдельным корпусом жандармов Д.Ф. Трепов был ее родственником.

Татьяна получила хорошее образование в Петербурге, в Институте благородных девиц. Затем воспитывалась в пансионате в Лозанне (Швейцария). С 1903-го по 1904-ый гг. училась в Лозанне на медицинском факультете, где сблизилась с революционно настроенными студентами, познакомилась с заграничными деятелями партии эсеров и прониклась идеями политического террора.

Приехав в 1904 году к родителям в Петербург, вступила в партию социалистов-революционеров и стала активисткой Боевой организации эсеров.

Русские террористы стремились к тому, чтобы

Т.А.Леонтьева.

запугать правящий класс путем покушений на членов царской семьи, министров, губернаторов, генералов и вынудить правительство пойти на изменение государственного строя, посеять среди населения ужас и панику, вызвать в стране хаос.

На руководителя боевой организации эсеров Бориса Савинкова Леонтьева произвела сильное впечатление. В своей книге он пишет: «С первого же слова в Леонтьевой чувствовались неисчерпаемая преданность революции и готовность во имя ее на жертву».

...После революции 1917 года во Франции была издана книга начальника Петербургского охранного отделения генерал-лейтенанта Александра Герасимова, эмигрировавшего в эту страну, где есть следующие строки: «Дочь якутского вице-губернатора Татьяна Леонтьева, воспитанная в Институте благородных девиц, богатая и красивая девушка имела доступ к царскому двору; в самое ближайшее время предстояло ее назначение во фрейлины царицы. В ее планы входило во время одного из придворных балов преподнести царю букет и застрелить его из револьвера, спрятанного в цветах... Но этот дерзкий план по непонятной причине организацией эсеров был отменен».

Действительно, в декабре 1905 года Татьяне Леонтьевой, готовящейся стать фрейлиной императрицы, была оказана большая честь – продавать цветы на балу, на котором должен был присутствовать Николай II.

На заседании ячейки эсеров Леонтьева предложила свой план убийства царя на балу. Боевики этот план утвердили единогласно. Но в связи с началом революции 1905 года российское правительство отменило по всей стране проведение балов и других увеселительных мероприятий. Поэтому бал был отменен.

...Весной 1905 года родители Леонтьевой после отпуска отправляются из Петербурга в Якутск, и Татьяна переезжает на квартиру своего дяди – отставного подполковника Михаила Леонтьева. Где девушка и предложила боевикам хранить взрывные устройства.

...В марте 1905 года неизвестный молодой человек принес в этот петербургский дом чемодан и попросил прислугу передать его племяннице хозяина дома. Поскольку за неизвестным наблюдала полиция, чемодан был изъят и в нем были обнаружены детали и динамит для изготовления трех бомб и 22 чистых паспортных бланка. Адресата арестовали.

...21 марта Леонтьева, 20 лет от роду, была допрошена в качестве обвиняемой. На допросе она заявила, что «принадлежит к Боевой организации партии социалистов-революционеров, считая это за великую для нее честь. От дальнейших объяснений отказалась».

Несколько месяцев Татьяна Леонтьева провела в одиночном заключении в Петропавловской крепости, после чего у нее стали проявляться признаки душевной болезни, выразившиеся в двух покушениях на самоубийство в Литовском замке и Петропавловке.

В Национальной библиотеке Санкт-Петербурга хранятся «Записные книжки полковника Г.А. Иванишина», который вел следствие, где он пишет: «...Стройная, как молодая березка, Татьяна Леонтьева, блондинка с большим лбом и честными детскими синими глазами».

Родители девушки добились ее освобождения из-под стражи на поруки для помещения ее в психиатрическую лечебницу.

НИКОЛАЙ ГАБЫШЕВ. «БЕДНАЯ ЛИЗА...»

Экскурс в историю

Елизавета Лебедева – Кисья.

Татьяну вновь отправили в Швейцарию, на лечение.

Для семьи все это стало трагедией. Ее отца статского советника А.Н. Леонтьева

27.06 1905 года срочно перевели вице-губернатором в далекую Тургайскую область, где он служил до 5.02.1907 года.

...В Швейцарии Татьяна Леонтьева вступила в организацию революционеров-максималистов.

«Из газеты «Русское слово» от 3 сентября (21 августа) 1906 года. Интерлакен, 20.08–2.09.

...В гостинице Юнгфрау вчера в полдень русская дама 22 лет смертельно ранила несколькими выстрелами из револьвера Шарля Мюллера, парижского рантье, 73 лет. Раненый скончался через час. Дама тотчас же была арестована.

На следствии она показала, что ей было поручено убить бывшего министра Дурново и отказаться от всяких дальнейших показаний».

Дело в том, что Шарль Мюллер очень был похож на министра внутренних дел России П.Н. Дурново, который, как стало известно террористам, должен был приехать в г. Интерлакен.

Позже выяснилось, что П.Н. Дурново действи-

тельно проживал в этом же отеле под фамилией Мюллер и выехал из гостиницы в Россию за 10 дней до рокового убийства парижского рантье.

Когда Леонтьевой сказали, что ею убит совсем другой человек, она заявила:

«Печально, конечно, что погиб посторонний человек, но что означает смерть одного человека в наше время? Я выполнила свой долг!»

Татьяна Леонтьева была приговорена швейцарским судом к четырем годам тюрьмы, где у нее опять возникли признаки душевного нездоровья. Врачебная экспертиза подтвердила, что «ее психическое состояние нуждается в лечении в специализированной клинике для душевнобольных». Леонтьеву поместили в г. Берне в психиатрической больнице. Ее богатые родители

срочно приехали в Швейцарию и поселились недалеко от клиники.

Из газеты «Утро России» от 19 (06) августа 1910 года.

Из Берна телеграфируют: «Срок наказания Татьяны Леонтьевой заканчивается

28 сентября 1910 года. В силу приговора, по отбытии наказания она должна быть выслана за пределы Швейцарии, но правительство решило ввиду ее болезни оставить ее в том же доме для умалишенных, в котором она находится теперь. Родители ее, живущие в Берне, обязались платить за ее содержание».

Леонтьева Татьяна Александровна умерла 16 марта 1922 года, 37 лет, в психиатрической больнице в Мюнсингене от туберкулеза.

Ее отец Александр Николаевич Леонтьев переживет свою единственную дочь и будет получать как беженец пособие от швейцарского Красного Креста. Умрет в Швейцарии в 1952 году.

После его смерти, в этом же году, после 30-летнего погребения, согласно швейцарским законам, могила Татьяны Леонтьевой была уничтожена...

А.М.Распутина (Шулятикова).

Не менее трагична судьба другой узницы Петропавловской крепости, уроженки г. Якутска Лизы Лебедевой.

Лебедева Елизавета Николаевна родилась в семье секретаря Духовной консистории Якутской епархии, члена Якутской городской думы Лебедева Николая Аркадьевича. У нее был родной брат Сергей и сестры Анна и Татьяна.

Елизавета окончила женскую гимназию г. Якутска и была отправлена по линии епархии в Петербург слушательницей Высших женских курсов, которые успешно окончила ранее ее сестра Татьяна.

Еще в Якутске вместе со своим родственником, будущим поэтом Черных Петром, они посещали молодежные кружки, которые организовали сосланные в Якутию политкаторжане (ее старшая сестра Анна была замужем за священником Черных Серафимом, который приходился двоюродным братом Петру).

Приехав в Петербург в 1905 году, Лиза попала под влияние революционно настроенной молодежи и стала посещать кружок учащихся «Свечеч» (под руководством народника Леонова).

Вскоре вошла в петербургскую Боевую организацию эсеров.

В начале февраля 1908 года Елизавета Лебедева («Казанская», «Кися») была арестована с другими участниками по делу о покушении на Великого князя Николая Николаевича Романова и министра юстиции И.Г. Щегловитова. При аресте ранила городского.

Террористы были арестованы в результате провокационной деятельности Евно Азефа, который был агентом царской охранки.

Лебедеву с товарищами посадили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Каждому была отведена одиночная камера.

Царская судебная машина действовала на этот раз очень быстро.

НИКОЛАЙ ГАБЫШЕВ. «БЕДНАЯ ЛИЗА...»

Экскурс в историю

17 февраля 1908 года в Лисьем Носу, в 24 километрах от Петербурга, на берегу Финского залива, казнили семерых политических преступников, состоявших членами Летучего боевого отряда партии социал-революционеров Северной области. Тела повешенных были брошены в море...

СПИСОК КАЗНЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ:

- сын придворного служителя **Сергей Гаврилович Баранов (1885 г.р),**
- бывший астроном-вычислитель **Пулковской обсерватории Всеволод Владимирович Лебединцев,**
- крестьянка **Анна Михайловна Распутина (1874–1908),**
- мещанин **Лев Сергеевич Синегуб,**
- дочь подполковника, бестужевка **Лидия Петровна Струве,**
- крестьянин **Александр Смирнов,**
- слушательница **Высших женских курсов Елизавета Николаевна Лебедева.**

В своей книге начальник Петербургского охранного отделения Александр Васильевич Герасимов вспоминает: «Потом мне говорил прокурор, как эти люди умирали... Ни вздоха, ни сожаления, никаких просьб, никаких признаков слабости...

С улыбкой на устах они шли на казнь...».

Жизнь казненной революционерки Анны Распутиной тоже связана с Якутией.

Анна Михайловна Распутина (в девичестве Шулятикова) окончила с серебряной медалью 4-ую Московскую женскую гимназию, а затем Высшие женские (Бестужевские) курсы.

В 1894 году вступила в народовольческую организацию.

В декабре 1896 года вместе с М. Ветровой и Л. Ергинной заключена в Петропавловскую крепость. После самосожжения в камере Петропавловской крепости в 1898 году ее подруги М. Ветровой выслана на 5 лет в Сибирь. Ссылку отбывала вместе с мужем и родившимися дочерьми в Якутии, в с. Нижне-Колымске.

После ссылки семья поселилась в Калужском

имении своего дяди Александра Петровича Чарушниковца.

Членом Летучего боевого отряда партии эсеров Анна Распутина стала в 1906 году.

Казнь социал-революционеров получила в обществе огромный резонанс. Популярнейший тогда писатель Леонид Андреев написал прогрессивный на всю Россию «Рассказ о семи повешенных».

Всеволод Лебединцев, руководитель отряда, выведен под именем Вернера; прототипом Муси стала Лидия Струве; прототипом Тани Ковальчук – Елизавета Лебедева, душевная девушка, которая всем старалась помочь.

Сегодня на подмостках многих российских театров с успехом идет спектакль по рассказу Л. Андреева с одноименным названием. Современного зрителя, как и 100 лет назад, также волнуют вопросы справедливости, совести, своего предназначения, самопожертвования, патриотизма.

Сегодня все мировое сообщество осуждает террористические акты и относит терроризм к величайшему злу против человечества. Терроризму объявлена непримиримая война. Ведь по Евангелию человек – Божье создание, и никто не вправе лишать его жизни.

Смерть Лизы Лебедевой, с которой росли вместе, потрясла поэта Петра Никодимовича Черных-Якутского. Свою горечь и боль он выразил в стихах, посвященных 10-летию со дня ее гибели, – «На смерть Лизы».

Казнь дочери, которой только исполнилось 18 лет, подкосила ее отца. Он вышел в отставку и вел замкнутый образ жизни.

Со слов его дочери Татьяны, «в смерти Лизы отец винил только себя, клял себя за тщеславие и гордыню; за то, что свою молоденькую доверчивую девочку одну отправил в этот далекий ненасытный кровавый город...».

В 1913 году Лебедев Николай Аркадьевич навсегда покинул этот греховный мир и похоронен в г. Якутске.

Последними словами его были: «Моя маленькая доченька, прости меня! ... Бедная Лиза-а...».

Татьяна и Михаил ПЕРЛОВЫ,
г. Рязань

НАРОДНЫЙ СЕЛЕКЦИОНЕР

«Обо мне – значит о тебе», – говорил о своей супруге народный поэт Якутии, писатель драматург Иван Гоголев. Их союз Поэта и Сеятеля – редкий пример счастливого и на редкость плодотворного Союза, брачного, творческого, материального, духовного – того, о чем поют песни, слагают легенды, пишут романы, говорит народная молва. Вместе они создали Сад, где благодаря яблоням, смородине и другим целительным растениям расцвело во всем своем великолепии Древо творчества поэта. Сейчас можно смело сказать, как говорил когда-то поэт, что именно благодаря создательнице первого сада Марии Чертковой в Якутии есть такой любимый народом поэт Иван Гоголев, писатель, драматург, который внес огромный вклад в дело процветания республики, страны своим духовным наследием – произведениями во всех жанрах. В эти дни расцвета природы она на пороге столетия, 91 год своей долгой замечательной жизни. Пусть же и дальше жизнь ее будет полна дыханием весны, цветения яблонь, смородины и любимых голосов.

К сожалению, многих из ее друзей, коллег уже нет рядом, тем более ценны воспоминания тех, кто есть, остался, по-прежнему любит, помнит ее. Вместе с ними работниками сельского хозяйства они создали на Севере хорошую материальную базу, так необходимую всем нам, без которой не может быть полноценной, духовной жизни. Их жизнь и труд – добрый пример для дальнейшего

развития такого нужного дела, тем более сейчас, когда президент страны В.В.Путин призвал создавать новые научные институты, для развития науки, дальнейшего укрепления и развития материальной основы общества. И вот мы немного расскажем о тех, кто внес в этот благородный труд свою большую лепту.

Мария Алексеевна Черткова – замечательный ученый, труженик сельского хозяйства. Благодаря ее трудам, край вечной мерзлоты, как называли раньше Якутию, зацвел яблоневыми деревьями. Когда-то многие считали это невозможным в суровом климате Севера. Но вопреки такому неверию и губительным холодам, она сумела вырастить цветущий сад на Лене реке, с целебными растениями: яблонями, черной смородиной, малиной. Вместе с супругом, народным Поэтом Якутии Иваном Гоголевым они создали и крепкую, дружную семью, с талантливыми детьми. Об этом поэт с гордостью скажет:

«Я сотворил свою семью как мир, венец творенья моего – семья!»

Семья для них, легендарной черты, как из песни Ивана да Марии, это – и родная земля, люди вокруг, близкие, друзья - «все то, что так бесконечно дорого и мило». Своим долгом они считали трудиться ради этого и создали удивительно много, заслужив признательность и любовь народа. Недаром люди их с благодарностью называют: Народный Поэт и Народный Селекционер.

ТАТЬЯНА И МИХАИЛ ПЕРЛОВЫ. НАРОДНЫЙ СЕЛЕКЦИОНЕР.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ЖЕНЫ

Народный поэт Якутии Иван Гоголев со своим ангелом-хранителем, музой и женой Марией Чертковой.

Имя Ивана Гоголева, Поэта божьей милостью, любимого и почитаемого в стране, навсегда связано с ней. Он называл ее Санта Мария, своей музой, ангелом хранителем, самым любимым и дорогим человеком. Признавался - «Майя, Майя! Ты – мой чудный, просветленный, бесконечный май в доме, вот и я вечно зеленый, вероятно, потому».

Он посвятил ей множество стихов, сонетов и песен. Благодаря Марии Алексеевне, в республике есть песня - «Якутия моя родная», которая стала гимном ее, пусть неофициальным, но любимым и признанным. Музыка к ней написал известный армянский композитор Грант Григорян.

Красоту, величие родного края Иван и Мария умели видеть с малых лет, целительные силы его направляли на помощь людям. Так маленькая Марийка, рожденная в мае, на суровой Колыме, в тяжелое послевоенное время, чтобы помочь родным, страдающим от голода, вырастила свои первые растения. Они и помогли им, хотя и не имели нужной крепости. Тогда она поняла, что выращивать растения – целая наука, требующая знаний,

опыта, терпения и сил. Отец ее Чертков Алексей Захарович очень хотел, чтобы дети его стали образованными людьми. Он был человеком долга и чести, очень добрым и мудрым. Его предки ссыльные декабристы – просветители, правдоискатели, трудом и отношением к людям, завоевали их любовь и уважение. Сам он, будучи милиционером, а потом бухгалтером, в бедственные 20-е годы, чтобы помочь голодающим людям, в нужде, болезнях, ездил по тундре и доставлял им продовольствие. Благодарные жители сделали его почетным гражданином Нижней Колымы. Он много работал, чтобы вырастить детей, с малых лет оставшихся сиротами после смерти матери. Марийка старалась во всем помочь ему, братьям Захару и Петру заменила мать. Хорошо училась, управлялась с тяжелой работой по хозяйству и трудилась вместе с другими ради Победы, во время Великой Отечественной войны. Дети войны стойко переносили трудности. Ловили рыбу в ледяной воде, заготавливали сено, шили теплую одежду, всю продукцию отправляли на фронт –

« Все для фронта, все для победы». Час победы стал всенародным праздником для всей страны. Ее труд впоследствии страна оценила почетным званием Ветерана тыла, участника Великой Отечественной войны.

Мария в юности любила читать книги, которые привозил ей отец со своих командировок. Также как ее предки, сумевшие не только выживать в тяжкие времена, но и достойно жить и помогать другим, она, преодолевая трудности, невзгоды, болезни, говорила себе:

«Не отчаивайся, все равно победишь». В школе активно принимала участие в художественной самодеятельности, в институте ЯНИИСХ долгие годы была секретарем комсомольской, а затем партийной организации. Выступала с докладами на различных конференциях, пела на праздниках, вечерах отдыха, при этом вела большую научную работу, успевала и за домом следить, и за детьми, и мужу помогать.

Она умела исполнять свои мечты. Так, увидев как помогли родным овощи, плоды земли, она решила поехать учиться в Москву, Тимирязевскую сельско-хозяйственную академию. Когда закончила среднюю школу, целую ночь просидела в избирательном участке, чтобы первой проголосовать за Василия Андреевича Протодьяконова, который тогда баллотировался на пост Председателя Верховного Совета ЯАССР. Впоследствии он помог ей выехать на курсы рабфака в Якутск, а затем в Москву, в Тимирязевскую академию. Благо, что в ту пору семья уже встала на ноги. Отец снова женился на многодетной вдове Евдокии Николаевне Котельниковой. В этом браке родилась сводная сестра Альбина Алексеевна Черткова. Теперь она мать двоих детей, Алексея и Сергея. К сожалению, братья Марии Петр и Захар умерли. Осталась только дочь Петра, племянница Татьяна, которая живет в Екатеринбурге.

Благодаря содействию Протодьяконова, и поэт Иван Гоголев смог выехать на учебу в столицу. В Литературном институте, в благодатной творческой среде, его поэтический дар развился, окреп. Его заметили и благословили, как гениального якута, именитые мастера слова, ведущий поэтического семинара, известный поэт Евгений Долматовский, пророчил ему большое будущее. Так оно и произошло.

Учеба давалась Марии нелегко, сказывалось полуголодное детство, нехватка всего. Хорошо, что рядом были друзья, подруги из родной Колымы Глафира Васильевна Березкина, Татьяна Васильевна Колесова, Тамара Федоровна Чеботаева, участница Великой Отечественной войны. Они вместе учились, помогали ей в трудное время и остались ее друзьями на всю жизнь. Тамара Чеботаева, бывший снайпер, не только содействовала ее работе над диссертацией, оценив важность работы селекционера, но и выбору спутника жизни. Не без ее участия состоялся счастливый союз Ивана и Марии. Юный поэт, увидев девушку с бездонными глазами, длинными косами, сразу понял, что именно ее предназначила ему судьба, и сказал в стихах: «Только сердце знает, кого оно для жизни выбирает, чтобы всю жизнь любимую любить». Он сразу представил всю их совместную жизнь. Вдохновенный, юный, влюбленный, сделал ей предложение и показал на море зовущих огней, за стенами студенческого общежития: «Мария, я подарю тебе столько огней!» И подарил – свои произведения.

Примечательно, что мать поэта Анна Федотовна, которую он очень любил, сразу одобрила выбор сына и сказала, чтобы он женился именно на ней. Мария напоминала поэту маму – человека большой души, воплощение чистоты, доброты, мудрости и человечности. Имя ее он увековечил в сонетах, стихах. Ее любовь, как и любовь Марии, была для него путеводной звездой по жизни, о которой он скажет в стихах: «Звезда материнская – моя звезда»

Марию Алексеевну направили на работу на Селекционную станцию при Якутском научно - исследовательском институте сельского хозяйства ЯНИИСХ недалеко от Якутска и Покровска. Там заложили первый сад и вели исследования сотрудники знаменитого мичуринского института садоводства, А.Валяльщикова, еще в 1937 году. Но когда началась война, он ушел на фронт и не вернулся. Посадки его погибли, не выдержав северных морозов. Мария Алексеевна открытия его и наблюдения собирала по крупичкам. В честь него теперь в плодовом саду ЯНИИСХ высится памятное сэргэ – коновязь, возле которого точно горит яркий, солнечный цветок сардана.

ТАТЬЯНА И МИХАИЛ ПЕРЛОВЫ. НАРОДНЫЙ СЕЛЕКЦИОНЕР.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ЖЕНЫ

Молодой ученый долго и упорно проводила оценку и подбор культур на северной земле.

Суровый климат сказывался на растениях. Многие из них погибали от холодов. «Нужна была другая агротехника, более зимостойкие сорта, с учетом влияния вечномерзлого грунта. Яблони начали формироваться только в стелющейся форме, чтобы приспособиться к холодам, выдержать их под землей и снегом. Кропотливо и болезненно для растений шел подбор сортов», - вспоминает Черткова. Она любовно пестовала каждый росток. Завезенные лучшие сорта черной смородины из центральных районов оказались неустойчивы к холодам. Проведенная оценка показала, что адаптация возможна только с привлечением местных дикорастущих форм. Начали проводить гибридизацию. А эта работа тонкая, упорная, требующая специальных знаний, терпения и упорства.

Сколько трудов и усилий понадобилось, чтобы добиться нужного результата!

Рядом с нею трудились полеводы, овощеводы, картофелеводы. Среди них А.Д. Корниенко, Д.П.Корнилов, Е.П.Цвигун, Е.И. Нечаева и многие другие специалисты.

Г.П.Березкина, Т.Н.Васильева также начали там трудовую деятельность.

«У нас были прекрасные наставники, - вспоминает Черткова, - они воспитывали молодежь в духе любви к родной земле. Агрономы старались сделать за короткий световой день как можно больше. Все силы отдавали науке, производству. Такого же отношения требовали от нас, молодых специалистов».

С 1962 года научные исследования по яблоне были приостановлены из-за отсутствия средств, говорили, что заниматься яблонями экономически невыгодно. Ученый настаивала на продолжении работы. «Кто знает, какими экономическими параметрами можно оценить красоту и человеческое стремление к прекрасному? Когда зацветает яблоня, в июне, перед национальным праздником ысыахом, нежный аромат ее дает столько силы, что, кажется, труд человека способен творить чудеса и это – жизнь».

Мне хочется, чтобы каждый якутянин вырастил у себя под окном яблоньку в белоснежном, благоухающем наряде».

Свои наблюдения, опыты, советы по уходу за яблонями, смородиной, малиной, жимолостью, с лекарственными рецептами – многолетние исследования по выращиванию плодово-ягодных культур в Якутии, ученый изложит в трудах: в диссертации «Биологические особенности и некоторые вопросы агротехники черной смородины в условиях Центральной Якутии»; в книге «Черная смородина», в соавторстве с Л.В.Гайдуковой; «Справочник по ягодоводству в Якутии»; «Витамины к столу», в соавторстве с Т.А.Перловой и Н.С.Федоровым; «Советы огородникам» в соавторстве с Н.С.Федоровым на якутском языке и других. А также в ряде статей. Все работы ученого изложены в брошюре «Мария Алексеевна Черткова», в библиографическом справочнике, изданном ЯНИИСХ.

Рядом с ней вдохновенно трудился поэт Иван Гоголев. Мария Алексеевна понимала значение его: оберегала от невзгод, черной зависти, соблазнов города, славы, создавала необходимую среду любви и тепла. Именно благодаря ее заботе, поддержке во всем, он мог в полную силу творить. Об этом он всегда говорил. В саду он создал романы: «Черный стерх», «Не отворачивайся, Богиня милосердия», «Третий глаз», «Манчаары», множество песен, стихов, пьес для театров. Цветение яблонь, точно в небесном, благоуханном свете, вдохновляло, целебная смородина, выращенная Марией, придавала нужные силы. Так появились и любимые сказки: «Долина белых журавлей», «Волшебный хомус», искрометная комедия «Наара Суох», драма в стихах «Трехглавые орлицы» и многие другие произведения.

Когда однажды сад хотели закрыть, некоторые ученые мужи посчитали, что нерентабельно выращивать яблони на вечной мерзлоте, да и не нужно, лучше картошкой поля засадить, поэт выступил в защиту его. Он написал либретто оперетты, где главной героиней выступила садовод Мария, музыку сочинил Грант Григорян. Первую постановку сделал известный режиссер Федот Федотович Потапов, верный друг, единомышленник, вместе с которым поэт проработал в театре более 25 лет. Эта первая оперетта покорила всех и осталась в культуре, истории Якутии первой. Сад не посмели закрыть. Так искусство помогло науке.

Режиссер Потапов почти каждый год ставил новые пьесы Гоголева. На премьеры жители Селекционной станции ездили на автобусе. Это было настоящим праздником. В признании людском поэта расцветал, сиял улыбкой. Сейчас, когда друзья ушли из жизни земной, супруга Потапова народная артистка РС (Я) Зоя Петровна Багынанова продолжает их дело в театре. Она дружит с Марией Алексеевной, читает стихи поэта по радио, телевидению, на творческих вечерах, и так доносит молодому поколению, людям вдохновенное, могучее слово Поэта, полно и ярко выразившего значительную историю, жизнь Якутии, ее народа - во всех литературных жанрах.

Мария Алексеевна способствовала его популярности. Из года в год подбирала она единственно возможную пару морозостойкого местного и культурного привозного сорта, чтобы получить нужную смородину, к тому же богатую витаминами. Когда это удалось, свой новый, гибридный, высокоурожайный сорт назвала в честь его романа «Черный стерх», который стал любимой настольной книгой читателей. Черная смородина с таким названием сразу полюбилась жителям республики. Знающие о ней старались приобрести эти особенные кусты и посадить у себя на участке. Так что поэт шутил: «Кто из нас популярней, мой роман или твои кусты». Со временем у счастливой четы появились дети, первенец Лена, Аня и младший сын Алеша. Они выросли на берегах Лены реки, которую воспел поэт в стихах «Чайки над Леной», «Любимая моя Лена», «Письмена на бивнях мамонта». В доме звучали стихи, с раннего утра вдохновенно работал отец, шумно, радостно отмечали достижения родители, встречая дорогих гостей, друзей и близких: поэтов В. Сивцева, С. Руфова, профессора И.Е.Томского, композиторов Г.Григоряна, Н.Берестова, З. Степанова и других. Рядом шумела тайга, цвел сад, любовно заложенный и выпестованный матерью детей. Яркая жизнь родителей - в творчестве, неустанной работе на радость и пользу людям, стала примером для них. Любовь к природе, поэтическое восприятие мира, стремление к красоте и умение создавать ее, разносторонняя одаренность – это от них.

Родные умели любить и дружить. Так дружбу с семьей Осиповых, журналиста Афанасия Осипова

и его супругой Ксенией Елисейевой, а затем с их детьми Леной и Ольгой, также ставшими известными людьми в республике, они сохранили на всю жизнь. На Селекционной станции обосновались, переехав сюда, многие родные Ивана Михайловича. Младшая сестры Надежда и Розалия, инженер-механизатор, талантливый изобретатель, брат Михаил Михайлович, вместе с семьями, детьми. Все они признают главой Марию Алексеевну.

Жизнь среди природы, рядом с великой Леной рекой, в саду, среди друзей и близких, родных людей, была благотворной для творчества поэта и ученого садовода. Поэт писал:

«Природа – наша родная, мудрая, извечная мать. Она не только кормит, одевает нас, но и воспитывает, учит быть благородными, красивыми всегда и повсюду».

Когда произошла экологическая катастрофа на Вилюе, после добычи алмазов, он один из первых выступил в защиту природы, против варварского, потребительского отношения к ней «покорителей природы»: «Проблема экологии, как и проблема сохранения мира, касается каждого жителя нашей планеты. Когда погибают моря и реки, погибаем и мы, люди. Охрана природы – это охрана наших домашних очагов, колыбель детей наших, охрана наших душ».

Он с горечью говорил о загрязнении рек Лены, Вилюя, одних из главных водных магистралей республик и призывал: «Нам нужна правдивая экологическая информация. Народ должен знать – кто и как обращается с его бесценным богатством – родной природой и бить во все колокола в беде, опасность».

Он подчеркивал значение рек Вилюя, Лены, для жителей Севера:

«Лена – наша национальная и интернациональная гордость. На берегах ее живут не только якуты, но и дети разных народов. Все они считают Лену своей родной колыбелью. Осквернять ее, родную колыбель, у всех народов считается тяжким грехом. Пока не случилось непоправимое, мы должны принять меры по охране чистоты Ленских вод, по охране ее красоты».

Он воспевал красоту, величие родной природы, от благополучия которой зависит жизнь северных народов.

ТАТЬЯНА И МИХАИЛ ПЕРЛОВЫ. НАРОДНЫЙ СЕЛЕКЦИОНЕР.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ЖЕНЫ

**И чем больше, чем сильнее
красоты в себя вбираю –
тем счастливей и красивей
становлюсь, светлея сердцем!**

Уникальная природа знаменитых Ленских столбов в поэтических циклах «Чайки над Леной», «Наскальные надписи Лены», драматической поэме «Письмена на бивнях мамонта» и других предстает во всей мощи, неотделимая от истории, судьбы, духовной жизни человека севера. В четверостишиях бьется мысль и чувство, народная мудрость:

**Лена глубока и сильна,
ибо мудро умеет течь:
ни одною каплей она
не решается пренебречь.**

Мария Алексеевна как никто умела ценить и оберегать природу, и она приоткрывала ей свои тайны, целебные силы. Трудом, знаниями, полученным, прежде всего, практическим опытом, требующим немалого терпения, ценой долгих лет жизни в непрерывной работе ученый селекционер добилась создания зимостойких сортов смородины, к тому же богатых витаминами, так необходимых на севере. Это была победа ради человека, ради его здоровья, полноценной жизни. В этом немалая заслуга и помощницы Марии Алексеевны Люции Петровцы Готовцевой, родом из села Борогонцы. Она проработала с Марией Алексеевной долгие годы, стала ее правой рукой, не только добрый помощник, но и преданная подруга, старается во всем помочь ей. Вместе они сажали ростки, поливали, обрезали, следили за долгим ростом, а потом, когда они зацвели, жгли костры, чтобы уберечь кусты, яблони от заморозков во время цветения, спасали от гусениц, вредных насекомых, старались уберечь и в зной, и в холод, в сильнейшие ветра.

Сколько усилий, трудов надо, чтобы не только вырастить, но и сохранить добрый урожай и доставить его людям! Труженицы провели более 200 комбинаций скрещивания и добились желаемого результата – новых гибридных сортов черной смородины.

Это самоотверженный, воистину героический

труд, на который способны только преданные своему делу, любящие его люди. Большую помощь в необходимом поливе растений принес Сергей Васильевич Прачев, занимавшийся строительством, будучи тогда директором Кангаласского АО «Газстроя». Он - человек, обладающий незаурядными деловыми качествами, строитель, создатель, к тому же яркая творческая личность, пишет стихи. Впервые с волнением принес показать их поэту Ивану Гоголеву. Мастер благословил тогда начинающего поэта, как и всех других, в котором видел дарование, любовь к творчеству, поэзии. Прачев увидел какие тяжелые шланги вынуждена была носить Мария Алексеевна, за неимением другой техники для полива, и ужаснулся, решил помочь. Поливальная система, теплица, которые установили его работники, действуют до сих пор. За это, готовность помочь в трудное время семье, людям - большая ему благодарность. Благодаря друзьям, родным и близким, семья Чертковой смогла преодолеть трудности, беды, выдержать горестные потери.

Алеша, единственный сын супругов, утонул в 9 лет в Лене реке. Перед смертью его был грозный знак – нашествие гусениц, от которых с трудом помогли избавиться школьники и сотрудники сада, института.

Алеша обещал быть замечательной, талантливой личностью, в 7 лет читал Библию, проявлял незаурядные математические способности. Ему прочили большое будущее. Но...Это произошло во время цветения гибридных семян, полученных великими трудами Марии Алексеевны, работников сада. Сорт Альго созрел 12 июля 1968 года в день гибели сына. Радость и беда рядом ходили.

Горе едва не погубило отца. Хорошо, что рядом была любимая Мария, другие дети, друзья, родные, старший, самый близкий брат Николай. Благодаря им, родные сумели подняться, преодолеть беду.

Поэт долго не мог смириться с потерей, искал сына даже зимой, когда все другие прекратили поиски. Алешу так и не нашли.

Безутешный отец долго молчал, но горе, переполнявшее его, было так нестерпимо, что излилось позднее стихами, поэмами, произведениями, потрясающими своей глубиной и значи-

мостью. Так в романе «Не отворачивайся, Богиня милосердия» он, поэт и гражданин, обращается к самой болезненной теме - судьбе человека в годы исторических, социальных потрясений. Это масштабное полотно, где на примере судеб разных людей, предстает история, жизнь народа в болевые, решающие моменты истории Якутии, страны. Поднимаются болевые вопросы: экологии души человека, природы, в частности, экологии бассейна реки Вилюй. Это произведение стало поворотным в судьбе, жизни, творчестве писателя. «Такую пронзительную правду о нашей действительности еще никто из якутских писателей не писал», – сказал о нем доктор филологических наук Н.Н.Тобуроков. Мир без милосердия разрушителен – звучит в повествовании страстный голос Поэта, взывающего к добру. Это роман-покаяние и призыв к нему, с мыслью о судьбе, свободе и правах человеческой личности.

Только переживший горе смог создать и другое историческое произведение, такое как «Утро Туймаады», драму в стихах, где отец, потерявший сына, ценой великих жертв приходит к истине, осознанию ценностей жизни, необходимых для ее продолжения. Автор описывает самый болезненный и трудный исторический этап Якутии в период присоединения ее к России, о котором в те времена другие писатели не осмеливались писать.

В то время большое давление испытывали писатели, которых партийный аппарат призывал писать методом соцреализма. На это Иван Гоголев отвечал, что он пишет методом сердце реализма, правды и совести. Именно так была написана эта драма в стихах, размышление художника об исторической судьбе своего народа. Из всего произведения вытекала мысль, что в мире нет малых народов, есть малочисленные.

Все народы по духу велики и им необходимо жить в мире, дружбе, взаимодействии.

Как это актуально и необходимо сейчас, когда мир раздираем противоречиями и войнами грозят разрушить мир!

Постановка ее, создание на сцене театра было тогда для режиссера Потапова и драматурга Гоголева гражданским подвигом. Драма имела такую мощную силу воздействия, что из страха, опасений, политических соображений пьесу решили

закрыть. На автора обрушился град нападков, критики. Мария Алексеевна одна из первых выступила в его защиту, смело и объективно, указав на положительное начало произведения. Поддержала его, когда это для него было жизненно необходимо.

Так было всю жизнь. Они не поступались своей совестью, умели дружить и любить, отстаивать свои идеалы словом и делом, поддерживали и защищали друг друга, своим примером зажигали людей, внушая им любовь и уважение.

Поэт всегда говорил о своей Марии с глубоким признанием: ее материнская забота, любовь, дружба были для него животворными. Об этом он скажет в своих стихах: «Ты хранишь меня в беде любовью и твоя любовь, как детской сказке, стала для меня живой водой».

Он ценил и воспевал ее красоту, доброту так, как умеют делать только поэты:

**Целую грустно волосы твои –
как бы к святыне к ним я припадаю,
вблизи увижу добрые твои – глаза –
и жизнь с тобой вспоминаю.
Сквозь жизнь с тобой пролегли, как две косы,
две лунных светлых жилы – знак,
столько бед и зол превозмогли
и столько счастья вместе пережили.**

Родные непременно отмечали достижения семьи шумно, радостно, вместе с друзьями, близкими. Признание людское было для них лучшей наградой, давая ощущение значимости, нужности своей работы. Супруги следили за увлечениями своих детей: чтением, рисованием, первыми литературными опытами. Они учили детей не только примером героев незабываемых книг, но и своим собственным, в труде, умении одолевать невзгоды, добиваться исполнения мечты в стремлении к большой цели.

И вот Лена стала признанным художником, главным в саха театре, за свой труд удостоенная многих республиканских и международных наград. Теперь она - заслуженный деятель искусств Якутии и России. Младшая дочь – кандидат филологических наук, писатель, журналист, исследователь, наследник творчества поэта, подготовила к изданию все романы отца. Внучка Мария – за-

ТАТЬЯНА И МИХАИЛ ПЕРЛОВЫ. НАРОДНЫЙ СЕЛЕКЦИОНЕР.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ЖЕНЫ

служенная артистка балета Якутии, выпускница московского Университета Российской Академии образования показала себя и как талантливый журналист, сказываются гены знаменитого деда, который очень любил свою внучку, возлагал на нее большие надежды.

Иван Гоголев был наставником, учителем не только для своих дочерей, но и для начинающих литераторов, среди которых многие стали известными людьми. Это Николай Лугинов, Иван Перверзин, Иван Мигалкин, Сергей Прачев и многие другие.

Благодаря опыту, знаниям, труду Марии Алексеевны многие посадили и вырастили кусты черной смородины, приобретенные в саду ее, на своих садовых участках. Об одном таком, удивительном уголке, надо сказать особо. Его обустроила, посадив целебные растения, вместе со своими родителями семья врача Татьяны Яковлевны Логлоровой.

Она лечила Марию Алексеевну, Ивана Михайловича, их детей, внучку, первой приходила на помощь в трудное время, в тяжкие годы болезни, невзгод, заряжала своим оптимизмом. К тому же она – хороший специалист врач, к любимому делу по выращиванию растений, вместе с родными, подходит основательно, профессионально, главное, с любовью. Растения на участке ее поражают разнообразием, обилием и мощностью. Это и благодаря консультации с научными сотрудниками – Чертковой М.А., Перловой Т.А., Гребцевой В.Д.

Гордость хозяев – яблоня сорта Байкал, переданная институтом семье ветерана Великой Отечественной войны Якова Львовича Логлорова. Тогда был заключен устный договор о сотрудничестве, заложен филиал плодово-ягодного сада, где производили сортоиспытание и оценку новых сортов и гибридов черной смородины, которые открывают здесь, как и другие растения, свои биологические возможности. Мария Алексеевна, радуясь этому, написала книгу: «Наука – практике: опыт работы на дачном участке под Якутском». Это доброе подспорье всем: и любителям садоводам огородникам, и ученым – тем, кто интересуется возможностями северного земледелия. Здесь в доступном изложении представлен многолетний опыт, ценные знания о земле, работе с

ней, советы по уходу, выращиванию различных культур в соответствии с ритмами природы. Рассказывается и о тружениках Якутии, среди которых выдающийся селекционер Черткова пользуется заслуженным признанием и почетом. Люди почитают ее и как женщину, благодаря которой в Якутии есть выдающийся поэт, писатель и драматург Иван Гоголев. Недаром он говорил: «Обо мне – значит, о тебе. О тебе – значит и обо мне».

Иван и Мария не просто работали, а отдавали труду своему душу и сердце. Каждый сорт – это часть жизни, создание новой книги – переживание судьбы героев, могучей силы воли и духа, нередко трагической, полной высоких стремлений.

В годы кризиса поэт тяжело болел. Сердце не могло выдержать титанического труда, огромного напряжения физических и духовных сил. Мучила боль, но он продолжал трудиться. Книги его перестали печатать, не было денег, семья едва сводила концы с концами. Мария Алексеевна стала плохо видеть. Ей необходима была операция в Москве, чтобы вернуть зрение. Она отказывалась ехать в страхе за него. Но он настоял, чтобы она все-таки поехала. Здоровье ее, полноценная жизнь были для него очень важными.

Поэт знал, чувствовал, что смерть близка. Это его Мария могла бы не пережить и, зная это, он уберег ее. Держался из последних сил, чтобы поддержать ее. Ушел только тогда, когда узнал, что операция прошла без осложнений.

На рабочем столе остались его рукописи, стихи, посвященные его Марии, помеченные роковой датой 22 ноября 1998 года, шесть последних стихотворений, раздумий о прожитой жизни, стихи - завещание, благословение: «Пусть продолжится жизни свет!»

Поистине «Поэт – создание светлых сил и в том смысл жизни до последнего мгновенья»...

Мария Алексеевна почувствовала его уход, в тот день и час у нее так заболело сердце!

Она смогла продолжить жить дальше, когда он призвал ее к жизни, уже из иной жизни, которая всегда существовала для поэта и приоткрывалась в снах, видениях.

Когда Мария услышала родной голос во тьме отчаяния, она сразу поняла, что это именно его голос. Он рядом с ней, его могучий дух, любимые дети, внучка Маша, близкие люди, значит,

надо жить, надо – сделать то, что не успел он из-за болезни. Напечатать последний роман «Манчаары», над которым работал долгие последние годы, подготовить к изданию 12 томов собрания сочинений. Поэт Мастер сам удивлялся тому – сколько создал! Говорил, что ни одно издательство, даже если будет печатать в год по одной его книге, не справится со всем написанным. А собрать все его произведения будет очень трудно, сам же успел подготовить к изданию только один том. Еще в 1995 году администрация родной Чочунской школы выделила средства на это издание. Правда, этого было мало, то были очень трудные времена. Но отраден сам факт, показывающий, что народ жаждет встречи с любимым писателем, хочет глубоко узнать мир, который он изображал, ведь это был и его мир, мир матери – земли олонхо.

«Моя поэзия устроена на этом, - говорил поэт. – Думаю, что я в какой-то мере помог обрести национальное самосознание якутов». И это так. В его программном стихотворении «Я – якут» вместе с болью за униженный люд, в тяжкие годы, звучит гордость за свой народ, с его широтой мышления, мощью духа и добротой, глубокая благодарность, признательность родной земле:

**Север мой, колыбель моя.
И нежна ты жизнь, и сурова.
На земле своей счастлив я –
И мое рождено здесь слово!..**

Сейчас нам предстоит издать другие запланированные тома.

В подготовке книг много сделала Марина Ушницкая, выпускница Вилюйского педучилища и его земляки вилюйчане. Они гордятся своим поэтом, несут его имя гордо, как знамя. Встречи с ними были для него праздником. Он возвращался полный новых, вдохновенных сил, любовь народная и признание окрыляли его.

Родная вилюйская земля, люди ее всегда подерживали его. В Вилюйске каждый год проходят Гоголевские чтения по жанрам, люди читают его стихи, поют песни, ставят пьесы. Работают музеи, с хранителем и создателем Мартом Николаевичем Прокопьевым, школа, народный театр имени Ивана Гоголева. Возле села Сыдыбыла гордо вы-

сится на Чочунской земле памятное сэргэ Ивана Гоголева, точно сотворенное самой природой, которую он так любил и воспел в нетленных стихах. В республике, в учебных заведениях, изучают произведения Ивана Гоголева, как якутского классика, любимого и признанного поэта, драматурга, писателя. Люди помнят и чтут своего Поэта, удостоенного за выдающиеся заслуги перед Отечеством Всесоюзной литературной премии «Северная звезда». Его произведения переведены на разные языки народов мира, так его роман - поэма «Третий глаз» издан на немецком языке тюркоязычным издательством «Дагиели», издателя Илдрима Дагиели.

Замечательный русский писатель Иван Бунин сказал: « От веков, поколений, жизни человеческой остается лишь доброе, светлое, прекрасное. А подлое, низкое не оставляет и следа. А что осталось, что есть? Лучшие страницы лучших книг, предания о чести, о совести, о самопожертвовании, о высоких подвигах. Добрый память – венец человеческой жизни.

Мария Алексеевна вместе с дочерьми, почитателями таланта Поэта продолжают большую, важную работу по увековечиванию его памяти, того, кто умел так любить и воспеть родимую землю, людей ее, трудился ради этого, не щадя ни здоровья, ни сил.

Для детей его Лены, Анны, внучки Маши, Мария Алексеевна, мать, бабушка - это солнышко. Отношение к ней, верно, у них от отца и деда. А он говорил: «Мама – это самый дорогой человек для каждого из нас, для всего рода человеческого. Благодаря матери родной, нам кажутся родными мать-земля, материнский язык. Почитая свою родную мать, мы почитаем все светлое, доброе в жизни. Любовь к матери - самое естественное, самое человеческое чувство человека. Она извечна, как любовь к солнцу, самой жизни. А в наши дни, когда под угрозой поставлено все самое дорогое, близкое, любовь к родной матери приобретает особое, глобальное значение. В сердце каждого человека она может пробудить то доброе, человеческое начало, которое должно и обязано спасти мир на земле».

Она - удивительно теплый, светлый человек, состоялась во всем: и как женщина, и как мать, бабушка, и как большой ученый, первый северный

ТАТЬЯНА И МИХАИЛ ПЕРЛОВЫ. НАРОДНЫЙ СЕЛЕКЦИОНЕР.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ЖЕНЫ

садовод, которую почитают теперь как народного селекционера. Саженьцы ее, кусты, целебные гибридные сорта черной смородины стараются приобрести не только в республике, но и в других регионах страны. Ученый агроном вела научную работу и по обучению специалистов, продолжателей ее дела.

В годы кризиса, когда обострились проблемы северян, она говорила, что есть один очень важный путь создания витаминной, так необходимой продукции человеку на севере – выращивание плодов и ягод, богатых витаминами, биологически активными веществами, играющими важную роль в формировании здорового организма. Ценность плодов и ягод огромна, особенно на севере – это полноценная жизнь человека, где требуется больше усилий, энергии для труда в суровом климате. Но даже здесь знаниями, трудом можно создать возле своего дома, на своей земле райский уголок – источник здоровья, хорошего настроения. Каждый человек, при желании может получить большую радость, занявшись выращиванием многолетних плодовых и ягодных растений. Так приобщиться не только к полезному труду и своеобразному отдыху, но и получить к столу сочные плоды, дарующие радость и здоровье.

Плоды эти выращены с любовью, в них – положительная, добрая энергия селекционера, ее труды и жизнь. Ведь на создание только одного сорта уходит 20 лет жизни. Ученый же, начавшая работу на Станции еще с 1952 года, вырастила их 6, и еще 2 перспективных гибрида. Это зимостойкие, урожайные, витаминные, целебные сорта. Это – труд более полувека – воистину подвижнический, такой нужный и значимый на севере, где климат суров, не хватает полноценного, богатого витаминами, питания.

В первые годы работы молодого специалиста в саду было всего 120 кустов и деревьев, а сейчас – более 7 тысяч кустов смородины и малины. До сих пор растут яблони – ранетки стелющихся форм, яблоня Сибирка.

Труд Марии Алексеевны – это и важная часть большой государственной программы по развитию сельского хозяйства, призванной в республике обеспечить людей на севере хорошим питанием, укрепить основу традиционного уклада жизни коренных народов.

В результате многолетних научных исследований был создан гибридный фонд ягодных культур, выделено и передано в Госкомиссию по сортоиспытанию 7 сортов черной смородины. На 6 из них получены авторские свидетельства и патенты – Якутская, Хара Кыталык, Эркээни, Мюрючаана, Люция и Памяти Кындыла. Теперь они растут по разным уголкам республики, страны.

Сорта черной смородины, созданные якутскими селекционерами, отличаются урожайностью (до 12 кг с куста), морозоустойчивостью, скороспелостью (начало созревания 12-14 июля), устойчивостью к вредителям, к тому же богаты витаминами (до 378,3 мг %). Благодаря районированным сортам черной смородины и другим ягодным культурам, Мария Алексеевна заслужила народную признательность среди садоводов-любителей и дачников республики. Они собирают по 15 кг ягод с куста черной смородины. Эти сорта известны и садоводам Сибири, Дальнего Востока, вызывают большой интерес у селекционеров Норвегии, Аляски и других северных стран.

Мария Алексеевна – автор более 100 научных, научно-популярных работ, в том числе монографий, справочников, рекомендаций. Принимает активное участие в подготовке научных кадров, является научным руководителем студентов Октемского филиала ЯГСХА, под ее руководством создана школа садоводов.

Она – заслуженный агроном ЯАССР и Российской Федерации, заслуженный ветеран Сибирского отделения Российской академии с.х.наук. Награждена Почетными грамотами Президиума Верховного Совета ЯАССР, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.», бронзовой медалью ВДНХ, знаком «Изобретатель СССР», ветеран тыла и труда. В 1993 году, по решению первого Президента М.Е.Николаева, Черткова награждена премией фонда «Баргары», в 2005 году – знаком «Гражданская доблесть».

За многолетнюю работу по выведению новых сортов черной смородины, значительный вклад в развитие науки еще в 1994 году Мария Алексеевна Черткова и научный сотрудник Люция Петровна Готовцева удостоены Государственной премии РС (Я) за сорта «Якутская» и «Хара Кыталык». Все

сорта включены в Государственный реестр достижений в науке.

«Направление ягодоводства имеет большое значение для республики, - подчеркивал, будучи директором ЯНИИСХ, Айал Иванович Степанов. – Эту отрасль надо развивать и развивать. А фундамент для нее заложен очень хороший – именно Чертковой Марией Алексеевной. Ягодоводство – хорошее подспорье для семейной экономики, также для перерабатывающей промышленности, в части производства соков, вин, повидла, джемов. Это и ценное сырье для фармацевтической промышленности, которая как отрасль в нашей республике непременно будет развиваться. Для якутян – это и витамины, и здоровье, и долголетие. Мария Алексеевна - очень одухотворенный человек. Вместе со своим супругом они составляли прекрасный союз науки и поэзии. Дай бог ей долголетия, доброго здоровья, еще больше достижений, учеников и последователей!»

Мария Алексеевна мечтает о том, чтобы ее сад был оснащен соответствующей новой техникой, сильными, крепкими работниками, которые бы любили свое дело, как она, болели за него. А она - мозг, душа и сердце сада, сколько могла бы передать им! Свои знания, и драгоценный опыт, полученный героическим трудом – бесценное богатство, которое составляет благополучие и процветание страны.

Работа ее нуждается в продолжении при новых условиях жизни, технических достижениях, потребностях людей. Необходимы хорошие специалисты, не просто знающие и работающие, полные сил, но и такие как она – вдохновенные, для которых жить, значит работать как можно лучше на радость и пользу людям.

Жизнь этого союза Ивана и Марии – яркий пример нам. Поэт, одаренный третьим глазом мудрости, зрением сердца, утверждал – суть любви, украшающей, озаряющей жизнь нашу, в гармонии земного и небесного. Она путеводной звездой вела их, освещала надеждой, верой в лучшую, достойную, счастливую жизнь. Этому они посвятили судьбу свою и сделали удивительно много, несмотря на годы невзгод, нужды, разрухи. И вот расцвел их сад, нет не в суровом, холодном крае, а на родной, солнечной земле, среди любимых и близких людей. Здесь на поляне Поэзии создан

Дом стихов Поэтом, призывавшим: «Друзья мои! Любовью лишь и дружбой жизнь украсьте!»

Каждую весну, преодолевая стужу, тут расцветают яблони, смородина, целебные растения в пении птиц, шуме деревьев, свете радуги, солнца. В благоуханном цвете их, словно в оперенье небесных стерхов, птиц счастья, жизни вечной словно слышится вдохновенный голос:

**Люди в мир приходят не зря,
не затем, чтоб вмиг отцвести,
а затем, чтоб добро творя
им – бессмертие обрести!..
Я тебя благословляю,
Колыбель людей земля!**

Анна Ленская

О ней написано множество воспоминаний ее коллег, друзей, родных и близких.

К сожалению, объем не позволяет привести все, вот одно из них – воспоминания выпускников Тимирязевской академии 1962 г., проработавших в Якутии 40 лет, в том числе 30 лет (1970-1990-е гг.) в ЯНИИСХ Т.А. и М.А.Перловых.

О Марии Алексеевне Чертковой смело можно сказать, что она одна их тех, кто является честью и совестью нашей эпохи. Она доказала это своей активной жизненной позицией, своим самоотверженным трудом в течение более 60 лет на ниве преобразования природы, кипучим участием в общественной жизни коллектива ЯНИИСХ. Будучи членом КПСС, она снискала глубокое уважение своих коллег, была верной, любимой супругой великого писателя, поэта И.М.Гоголева. Мария Алексеевна стала его музой, ангелом – хранителем, вдохновляя его литературное, поэтическое творчество, и как личность. Заботливая и нежная мать, она воспитала прекрасных детей и внучку Машу. Выросшие в любви и доброжелательной атмосфере их дочери Лена и Анна стали такими же творческими личностями. Они продолжают традиции семьи, держат высокую планку, стойко преодолевают превратности судьбы.

Мария Алексеевна – отважный человек. После голодного военного лихолетья, в трудные послевоенные годы она почти с самого Северного полюса из Заполярья, Нижней Колымы, поехала в Москву, учиться в Тимирязевскую сельскохозяйственную Академию – ТСХА. Самолеты тогда

ТАТЬЯНА И МИХАИЛ ПЕРЛОВЫ. НАРОДНЫЙ СЕЛЕКЦИОНЕР.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ЖЕНЫ

были маленькими, летали со многими пересадками, посадками.

Как рассказывал один из студентов тех лет: «Провожали на пять лет, с трудом набирали денег на билет, а некоторые зашивали в пояс и на обратную дорогу домой, но не всем. Жили на стипендию. Благо в студенческих буфетах учебных корпусов и общежитиях ТСХА всегда были хлеб, винегрет, простокваша. Даже 10 годами позднее жизнь студентов была очень трудной – подрабатывали кочегарами, сторожами, прачками, уборщицами, носили раннюю почту до 9 часов, до лекций. А вечерами и ночами грызли фундамент науки, конспектировали В.И.Ленина, Историю КПСС, готовились к семинарам. Находили время и гроши, тогда это было доступно, чтобы познакомиться с Москвой, посещать театры, музеи, выставки, ходить в походы по Подмосковию. Летом работали в учебных хозяйствах, совхозах, убирали хлеб на целине. В субботники строили МГУ, Лужники. Какой был задор, боевой дух! Какие звучали песни! В них был большой заряд оптимизма, определенный настрой, программа на всю жизнь. Например, «Песня московских студентов» А.Новикова и Л.Ошанина, в исполнении К.Шульженко:

**...У московских студентов горячая кровь...
Мы готовы, Отчизна, на подвиг любой,
В каждом сердце огня золотые запасы,
Чтобы в жизни большой не старели душой,
Мы от первого курса до смертного часа...**

И там же:

**Здесь ты встретишь друзей из-за гор
и морей...
И В.Зельдин пел:**

**Друга я никогда не забуду,
Если ты повстречался в Москве...**

Там в Москве они и встретились – Иван и Мария, как в песне. Оба из далекой Якутии. Судьба определила так, что она – этот нежный, яркий цветок сразу покорила Ивана Михайловича. А лиственничная аллея Тимирязевки, воспетая многи-

ми поэтами, в течение 150 лет, с 1865 года, соединила их сердца на всю жизнь.

Многие вспоминали ее – студентку. Так из Румынии часто приезжал на кафедру овощеводства ученый Лёбл и каждый раз слал в Якутск привет неугомонной Марийке.

А Л.Голисаев признавался, чтобы был поражен ее молодой энергией и задором, особенно роскошными косами.

Легендарная поэтическая Тимирязевка всегда славилась своим бунтарским духом. Не случайно в начале 60-х годов Н.С.Хрущев решил ее вообще закрыть. Два года не было набора. Подобное случилось и в 90-е годы. Возрождение началось в 1964 году. Очередное вытеснение наметилось и теперь. А в 1948 году страсти кипели – Т.Д.Лысенко громил генетиков, в начале 60-х травопольщиков ругали. Поэты ТСХА были активными участниками этой борьбы. В спорах, дискуссиях, выступлениях создавался новый тип человека, беззаветно преданного великому делу переустройства мира. Пламенные призывы Сергея Чекмарёва, погибшего в 1933 году от рук кулаков, ходили по рукам. Эпиграммы, песни, литературные пародии, высмеивающие лженауку, воспитывали в студентах активную жизненную позицию, зрелую гражданственность. В те годы вернулись с войны в ТСХА герой СССР И.К.Шаумян, будущий декан и академик Г.И.Тараканов, проректор и профессор В.А.Комиссаров, а также ряд преподавателей. Многие из них, пережившие ужасы войны, смерти и ранения, оставили много замечательных стихов о войне, победе, о памяти, о восстановлении страны, о любви и счастье. Газета «Тимирязевец» наполовину была в стихах. Будущий поэт-песенник И.Шеферан вел литкружок, на курсе издавались свои поэтические журналы. Передовые поэты были частыми гостями в клубе ТСХА – Е.Евтушенко, А.Дементьев. На злобу дня пишут и сейчас. Это воспитывало, вдохновляло нас.

Плодфаковцы – учившиеся на плодово-овощном факультете, жили в 1-м корпусе общежития на Лиственничной аллее рядом со стадионом на 4-м этаже. А 1-е три этажа занимали преподаватели и работники ТСХА. Квартиры, если и были у профессоров, то коммунальные. Помним, ходили к профессору, а на дворе табличка «Звоните...»: кому 1 звонок, а кому даже 5-6 звонков, в одной квартире столько семей жило. Жили весело, на

общей кухне жарили «финики», отваренные макаронные рожки на маргарине. В праздниках танцевали в коридоре, гуляли по аллее, ходили на демонстрации, на концерты самодеятельности, вечера.

Вместе с Марией Алексеевной учились Г.В.Березкина, Н.Д.Швецова, М.М.Корнилова – будущий герой труда, а на других факультетах Д.В.Якушев, С.И.Емельянов. До войны успел 2 курса закончить М.Г.Сафронов, позднее учились С.П.Соловьева, П.К.Сидоров,

Е.А.Давыдов, М.Е.Степанов, Д.П.Корнилов, а также Ю.С. Кудряшов и Т.А. и М.А.Перловы. Все они потом влились в коллектив ЯНИИСХ и внесли значительный вклад в развитие сельско-хозяйственной науки и производства Якутии.

С Марией Алексеевной мы познакомилась в 1969 году, когда вместе с Кудряшовым, доцентом кафедры овощеводства ТСХА и заведующим этой кафедры профессором Г.И.Таракановым посетили плодово – ягодный сад на Селекционной станции ЯНИИСХ в п.Покровск. Сколько нужно было вложить труда, любви и заботы, чтобы на вечной мерзлоте зацвели и стали плодоносить яблони и ягодники, улучшенные селекционной работой Марией Алексеевной и Люцией Петровной Готовцевой, ее бесценной сподвижницей! Она, равняясь на Марию Алексеевну и с ее помощью, стала кандидатом сельско- хозяйственных наук. О трудовых достижениях можно долго говорить, об этом сказано другими коллегами, друзьями, мы же хотим выразить ей благодарность за ее доброту и сердечность, за щедрость души. Она могла всегда помочь и поддержать, даже защитить от более сильных, но несправедливых людей, ездила далеко в Невинномыск, чтобы выхлопотать должное лечение престарелым бывшим сотрудникам ЯНИИСХ, К.Н. и А.Д.Корниенко. Из поездок обычно привозила подарки, сувениры. До сих пор радуют нас подаренные ею вазы и вазочки дл цветов. Цветы очень любит и в институте ухаживала и приносила новые цветы. А какие букеты составляли они с лаборантом! Не случайно Л.П.Готовцева, увидев у нас в теплице в мае зацветшие белыми цветочками вьюночные корнеплоды, сказала: «У Марии Алексеевны скоро День Рождения, это ей нужно сохранить». Мы и отнесли ей скромный букетик.

Мария Алексеевна дарила нам билеты на премьеры И.М.Гоголева, мы с ней часто бывали в Якутском драматическом театре, смотрели пьесы, помним Алешин куст...

В праздники Иван Михайлович часто бывал в нашем институте. А однажды рассказал, как из Якутска шел к Марии Алексеевне пешком, а это 80 километров, денег не было, мы все жили не очень обеспеченно, попутные машины не останавливались, зато по радио пели его песни, а он их слушал, проходя селения. Одна ему особенно понравилась – это и была такая известная, любимая сейчас песня «Якутия моя родная».

Мы и в праздники пели песни Ивана Михайловича. А книги его стихов и прозы привезли с собой в Рязанский край, куда переехали позднее, вместе с саженцами малины и черной смородины сорта Альго, подаренные нам М.А.Чертковой и Л.П.Готовцевой. Мы успели оценить их, выращивали в Немююнцах. Мария Алексеевна щедро и бескорыстно делилась посадочным материалом и знаниями, ездила на встречи с любителями, читала лекции, учила приемам выращивания. Поддерживала тесные связи с энтузиастами, садоводами, дачниками. Многие из них стали успешно выращивать растения, получать хорошие результаты. Например, славная семья Логгоровых вырастила чудесный сад, много интересных культур. В свое время Мария Алексеевна пригласила на встречу и интересную беседу с сотрудниками В.И.Логгорову, а позднее ее дочь Т.Я.Логгорову. Вместе они издали красочную книгу – руководство для благодарных якутских дачников. Помимо капитальных работ - диссертации, рекомендации, системах ведения агротехники выращивания ягодных культур, Мария Алексеевна издавала много брошюр, буклетов, поэтому плоды ее трудов быстро находили применение на приусадебных участках сельских тружеников и на дачах горожан, которые научились получать высокие и устойчивые урожаи плодово-ягодных культур. А это означает, что годы прожиты не зря – хороший след на земле останется на несколько поколений. Желаем Марии Алексеевне здоровья, активной и счастливой старости. С глубоким уважением супруги Перловы.

ТАТЬЯНА И МИХАИЛ ПЕРЛОВЫ. НАРОДНЫЙ СЕЛЕКЦИОНЕР.